

Сергей Сакин Последний герой в переплете

Последний герой – 1

«Последний герой в переплете»: Вагриус; 2002

Аннотация

Что такое телеигра «Последний герой», которая сорок дней держала в напряжении полстраны: занимательное развлечение, срежессированное талантливым постановщиком, или вынесенная на публику человеческая драма? Версия Сергея Сакина — одного из участников-финалистов — описывает события марафона на выживание в аллегорической форме, предоставляя читателю возможность вместе с автором додумать, что осталось за кадром в популярном телешоу...

Сергей Сакин

Последний герой в переплете

Автор хотел бы предоставить читателям право самим решать, являются ли персонажи вымышленными, или имеют реальные прототипы. В любом случае все приписываемые им мысли и рассуждения — плод буйной фантазии автора.

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Последнее время я часто стал обижать своих друзей. То есть я не делаю этого умышленно, просто так получается, что они обижаются. Но на то они и друзья, чтобы простить меня, когда все вернется на круги своя. Ведь не может же это продолжаться вечно — рано или поздно все устанет, и я снова стану прежним. И...

Нет, ни фига уже не получится. Не получится стать прежним. И друзья так и будут обижаться. А потом, наверно, привыкнут. Привыкнут и перестанут звонить, и только в разговорах будут вспоминать, сожалея, я надеюсь, вполне искренне: «М-да-а, испекся старичок.

Или звезданулся наш писатель окончательно?»

Писатель — это я. Простите, простите, пожалуйста, мои верные закадыки. Я сам знаю, что я не прав и виноват. Виноват перед вами всеми и еще, кажется, перед Ней. Перед своей женой. Она у меня веселая и красивая, молодая (я, вообще-то, тоже не очень старый). И ей хочется гулять, общаться, ходить иногда в кино, а не сидеть днями напролет дома, вдыхая дым бесчисленных сигарет. Дым, кстати, становится все гаже и все более вонючим, потому что мне мало никотина, и я покупаю все более и более крепкие сорта. А ходить куда-либо to chat & socialize без меня она не может. Она верная и сильно меня любит. Иногда она даже похожа на word-овскую собачку, которая сидит сейчас в углу экрана и караулит мои ошибки. Я ей стараюсь платить взаимностью.

Я для нее могу ВСЕ. Все, кроме одного. Выходить в свет. Абсолютно буквально: мне не может выползти на улицу, в любое людное место, вообще — в любое место. По городу я перемещаюсь на такси. Самое интересное, что здесь нет никакой паранойи, шизофрении и прочих отклонений от нормы. Психически я абсолютно нормален. Тем более нормален я физически — все продолжаю отъедаться и, не давая еде перерасти в жир, даже изменил своему правилу рака-отшельника: вылезая из норы и ползаю (почти регулярно) в спортзал. Там цепляю перчатки и три раза в неделю по два часа отрабатываю удары, нырки и уходы — всю эту боксерскую премудрость. Я знаю, что мой спарринг-партнер (честь имею представить: Стэкс, тоже мой Друг, уже пролезал в тексты двух моих книжек) меня жалеет. Знает, что я совсем не в форме, «скис старичок». А потом бью по груше. Физическая вымотанность на время помогает.

Сразу умный читатель задаст вопрос: «А от чего тебе, здоровый, удачливый, не без таланта, признанный-известный, счастливо-окольцованный, помогать?» «А сам не знаю», — отвечу я этому читателю. И это будет полуправдой. Полуправда — значит полуложь. Проблема (нет, не проблема — болезнь!) моя столь специфично-деликатна, что объяснить ее словами чрезвычайно сложно. Можно по-другому поставить вопрос: «Почему молодой человек (Сергей-писатель, более известный в Москве как Спайкер), который раньше фи-зи-чес-ки не мог прожить без шумного общества, тусовок, пива, вечеринок, футбола и футбольного экстрима, снова пива и тэ дэ, почему он теперь сидит сиднем в своей трехкомнатной норе, отключил телефон и столь откровенно и беззащитно игнорирует призывы друзей не вешать нос и развлечься, что те (друзья) даже не обижаются (не обижались сначала во всяком случае), а просто (со)переживают ему и пытаются разгадать эту таинственную головоломку-перемену? Почему?»

Ага, вот здесь уже теплее. Здесь — в самом вопросе — притаился ответ. Тот самый ответ, который Спайкер (то есть я) избегает озвучивать, дабы не прослыть (окончательно не прослыть) психом.

Вечно так продолжаться не может (кажется, я повторяюсь). В общем и короче, так: один из Богов (потом объясню, кто это такие) попросил (предложил) написать мне книгу про Игру. Про Острова и Островитян. Вот я и убью двух зайцев сразу: напишу книгу и отвечу всем (в первую очередь — друзьям и прочим близким, типа жены, коим эту мутотень и посвящаю), что же со мной произошло. Пользуясь случаем, извиняюсь за сумбур и некоторые неувязочки-с в тексте. Не собираюсь подробно и поэтапно описывать всю Игру (найдутся, точнее, уже нашлись желающие это сделать), просто попытаюсь доходчиво объяснить, как со мной произошла мутация. Изменение. Перемена.

Полезно, я думаю, это будет еще и потому, что я не один такой мутант. Игра изменила ДНК всех, кто дерзнул принять в ней хоть какое-то участие. Не важно, по какую сторону камер они находились. Игра (полагаю, это было для них сюрпризом) также нехило отразилась и на ее родителях-создателях. (Ну, на тех, кого я чуть раньше называл Богами.) Мы, побывавшие в другом измерении, в измерении Игры, — мутировали. Все. Мы часто созваниваемся, и эти торопливо-сбивчивые разговоры подозрительно напоминают встречи замаскированных в цивилизации аlienов*. Мы — другие. Нас мало, но мы есть. Некоторые даже в тельняшках. Вот о всех нас я и попробую сейчас написать. Так, чтобы получилось стояще. По-настоящему. Достоин тех, про кого пойдет речь.

Пересказывать официальную фактологию, наверно, большого смысла нет. Если кто-то

добрался до этого чтива, значит, сделал это умышленно. Я хотел сказать, что вряд ли этим заинтересуется человек, не знающий, что в 2001 году ОРТ купило у кого-то (у янков, что ли?) лицензию на Игру, которая называется «Выживший», окрестило ее в российском варианте «Последний Герой» и так далее. Я и Анька оказались одними из счастливчиков. Одними из (правильнее все-таки сказать «двумя из») шестнадцати Игроков, отобранных из пяти тысяч желающих. Хоть Анька это панически отрицает (не любит она ее, сик транзит глория мунди*), но очевидным фактом является то, что отбор мы прошли именно потому, что я (а изначально это была моя затея) догадался на каком-то этапе отбора привести с собой свою будущую (или нынешнюю) супружницу. Рядом с ее изящной пастельной красотой моя невоспитанная пошарпанность заиграла новыми красками, и Боги решили взять нас двоих, рассудив, видимо, так: «А че? Барышня и хулиган... Красиво!»

Было лето, самый, на мой пристрастный взгляд, красивый из православных праздников — Яблочный Спас. Мой бездник, ко всему прочему. Наверно, такая штука, как карма, объективно существует. Иначе как объяснить, что я НА СОБСТВЕННЫЙ ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ (!) не позвал ни единого гостя. Отшельниками мы отправились в наш загородный дом и сидели там вдвоем (втроем — еще была приبلудная кошка). Сейчас ясно, что это была бессознательная репетиция. Репетиция сегодняшнего положения дел, то есть затворничества. Мы валялись на жиденькой лесной траве, любуясь отражениями высоких сосен в зеркале лесного озера и самими соснами. Яблочный Спас, как правило, является еще и последним солнечным днем лета (слишком много, конечно, во всем этом прущего из всех щелей символизма, но ведь факт!), и мы, почти не разговаривая, просто наслаждались тихим теплым воздухом среднерусского леса. Перспективы на день были еще более радужными — дома нас ждало заранее замаринованное в вине мясо и собственно вино. Грузинское, клевое. (Познакомившись с Анной, я стал эстетом. Пью только ирландское — вариант шотландское, но ни в коем случае не американское и не английское — виски, из пива — Гиннесс, из вин — грузинские полусухие красные. Посреди всего этого дремотного рая звонок (и взятого-то с собой случайно!) сотового телефона был неожиданностью настолько, что не сразу разобрать, приятная она, эта неожиданность, или нет. Во всяком случае, приятно, что кто-то из закадык изловчился выцыганить где-то как-то этот потайной номер. (Кто еще, кроме друзей, может звонить на трубку в день рождения?)

Голос, однако, был незнакомый и не очень ласкающий слух. Казенным тоном было предложено завтра же явиться в офис Игры для продолжения прохождения этапов отбора (клянусь, так и сказали!). Первый этап, значитца, то есть анкетирование, я проскочил. Анька запрыгала и сделала все, что полагается делать обрадованной подруге жизни: попрыгав, назвала меня самым крутым, потом бросилась на шею: «А-а-а-а! Во-от! Уедешь без меня-а-а!» И в конечном итоге... Не помню, если честно, чем там у нас все закончилось. Вино и шашлык во всяком случае мы съели значительно позже.

Необходимо уже сейчас отметить, что никаких там захватывающих дыхание мыслей у меня тогда не было. Как не было и потом, далее, в процессе всех этих нерво-мотальных сборов-отборов. Первый раз в зобу дыханье сперло только (или уже) на пароме. Дело в том, что я неприлично нагло был уверен (моя обычная, кто не знает, манера жизни и поведения) в успехе. В том, что я полечу на Игру. И не один, а еще и с Анькой. Так и получилось. О чем теперь знает вся страна.

...Потрогать Удачу хотелось, естественно, всем Игрокам. Но нам это удалось сделать первыми. Амстердам, аэропорт. Стоянка шесть (!) часов, делать решительно нечего. Смерть или Слава! — решаю я и веду Аньку за ручку. В казино. Новичкам должно везти. Дергать за морковку банальные слот-машины мы, разумеется, не стали. А сели за рулеточный стол. При расходе в 10 гульденов (цена одной, самой дешевой фишки) выигрыш составил 160 (?)... Сейчас не могу сказать точно. Но, главное, правило подтвердилось. Значит, повезет и в Главном. Так я, во всяком случае, бормотал успокоительно Аньке на ушко, когда мы пропивали выигрыш в соседнем кафе. Иногда мимо кафе проходили другие Игроки и завистливо на нас косились. Весть о нашем выигрыше облетела аэропорт быстрее, чем если бы это объявили по громкой трансляции. Славянская манера расплескивания информации не изменилась. При нашептывании меня смущал один фактик, который я вслух не говорил. Новичкам везет, гм... Но новички-то — все шестнадцать. (Это уже сейчас среди Смотрящих, Хранителей, Богов и

прочих, кто составлял ткань Игры, ходит искрометная шутка: ПГ № 2 провести в другом месте, но.. с тем же составом Игроков!)

...Уже задумал(ся), как и полагается Игроку, заявленному как «писатель», над полноценной книгой обо всем этом. Настоящей. Она будет, обязательно будет, просто всему свое время. Я про нее к тому вспомнил, что там о себе пишу в третьем лице, иногда от этого возникают сложности (мои книги — все две! — написаны от лица первого), по привычке путаюсь в номерах лиц, но и пользы тоже немало. Наверное, это еще помогает сохранять некую видимую объективность типа: «...СБ посмотрел на Писателя. Его худая фигура сейчас была олицетворением надломленной усталости...» М-да-а, «автор хотел выразить...» сочинение, четвертый класс.

Так получилось, что про мутацию я сначала услышал (и тогда, помнится, даже соврал для поддержания беседы: «Да, да! И у меня то же самое!», не подозревая, что скоро начнется!) от одной из Смотрящих (понятие типа «Богов»), а потом испытал на себе. Это как прозрение, одномоментно — БАЦ! И ты оглядываешься, чуть задыхаешься (дыхание, «естесно», от такого открытия сбивается) — елы-палы, мама родная! Идея? Иде я нахожусь?

Игра, место ее проведения... Вроде бы эти острова выбрали сами Боги, но день на тридцатый стало очевидно, какая тут причинно-следственная связь. А связь такая, что не Боги выбрали место, а с точностью до наоборот. Это магия, это нулевой меридиан, это черт знает что! Здесь нет времени, неизвестно, остановилось ли оно, или его здесь просто никогда не было. Индейцы — те ездят на лодках, к которым приделаны сверхсовременные моторы, и одеваются в одежду производства Китая, что вроде бы должно говорить о каком-то все-таки прогрессе, то есть движении временных потоков. (Кстати, еще один, не самый большой, из парадоксов тех краев: среднемесячный доход на душу там баксов 20, но все ездят на моторках стоимостью в несколько косых «зеленю». Откуда берут, спрашивается?) Но лица у этих аборигенов настолько непроницаемые, что и дураку становится ясно — что-то здесь нечисто. Эти лица больше напоминают маски, древние (т.е. вечные!) маски. На этих масках не разглядеть никаких эмоций, они не меняются, и от этого тоже пахнет Вечностью. И живут эти самые люди так же, как и 100, 200, 1000, 10 000 (кому какая цифра по вкусу) лет назад. И деревья вокруг такие же, как и при сотворении мира.

Но самое главное — это все-таки погода! Погода — самое загадочное, что здесь есть. Погода местная напоминает коктейль, причем замешанный не в шейкере, как полагается, а в бутылке. (Наверно, это моя подсознательная ассоциация: бутылка-джинн-магия. Кроме того, пустые бутылки во множестве приносили к нашему берегу волны.) Она (погода, а не бутылка) быстро вырабатывает в тебе некую философичность. Если на нее обращать внимание, то можно свихнуться. С утра тебя обрызгает дождичком (но еще несильно), через час будет солнце, причем захреначит сразу градусов под сорок, так что все вокруг пропитается нездоровыми испарениями, и, когда все одеяла и прочий трикотаж педантично будут вывешены на просушку (на специально отстроенной сушилке — авторство принадлежит Игроку, не без изящества вращающего задом в ТВ-заставке «Джей-Севена»), подует ураган, и все придется срочно эвакуировать в дом, иначе унесет ветром и никогда не принесет обратно. (Хотя нет, исключения бывали. Так, после объединения Племен я нашел на соседнем Острове собственные штаны, которые сдуло ветром и смыло волной еще в самом начале Игры.) Ураган, разумеется, принесет грозу с дождем. Из-за этого станет темно на три часа раньше вроде бы принятого. Зато через несколько часов все Племя проснется от зарева пожара. Но это не джунгли горят. А всего-то взошла полная (нашей) крови Луна. Ага! И она будет светить, не давая уснуть, наверно, думая, что тем самым компенсирует нам раннюю темень. Все из атмосферно-природных явлений, которые только можно и нельзя вообразить, здесь запиханы без системы в бутылку и тщательно перемешаны неким местным демиургом. Есть мнение, что это был ДЖА, хотя некоторые из Смотрящих уверены, что не ДЖА, а Люцифер. Но я склоняюсь к первому варианту.

...Разогнался я, разогнался. Наверно, делать на первой же странице заявление о собственной нормальности было преждевременной бравадой. Нормальный человек не начнет рассказывать историю с середины. Начинать надо с начала. (Вода — мокрая.) Хотя что-то там я все-таки успел, на дикой скорости, донести. А может, это опять подсознание. Подсознательно я избежал моментов, описывающих этапы отбора. Иначе ведь не обойдется без того, что я

пройдусь по большинству Игроков. В смысле, обругаю их всех грязными словами. А они этого не заслужили. Просто я мизантроп. А самое интересное, что после Игры я с легким даже недоверием обнаружил, что с некоторыми из них я по-настоящему подружился. Остается сделать вывод, что сорок дней Игры как-то повлияли на мою оценочную систему. Не иначе.

Вообще, это одна из задумок Богов, сколь остроумная, столь и подлая (ну вот, опять начал: обвиняю в подлости людей, которые на самом деле просто замечательные, настоящие люди, вдобавок очень и очень ко мне благоволящие), — затолкать на клочок суши размером с носовой платок людей, которые откровенно несимпатичны друг другу. Даже не несимпатичны, а просто ди-а-мет-раль-но противоположны. Никогда не пересекались и тем более не стали бы общаться в нормальной, «той», жизни.

И поставили получившуюся смесь отстаиваться сорок дней. Из мутной жижи выделилась воздушно прозрачная прохладная вода, известное всем вещество всплыло, а на дно легли благородно-матовые самородки...

В общем, читайте. И не стреляйте в пианиста — он играл, как умел.

1

СБ и СК сидели на веранде бара. Навес из пальмовых листьев защищал от лучей солнца, к которым так тяжело привыкать человеку с белой кожей. И если от солнца спасал навес, то от жуткого зноя, усиленного висящей в воздухе влагой, спасти не могло ничто. (Жуткого, конечно, для северянина, приехавшего из другого полушария, из дикой, заснеженной России — индейцы ходили по солнцепеку как ни в чем не бывало, кажется, даже посмеивались над истекающими потом забавными белыми.) Они оба, конечно, бывали на тропических параллелях уже не раз, но так и не привыкли к «эффекту простыни» — только выходишь из самолета, возникает чувство, что твое тело облепила горячая мокрая тряпка. Да и вряд ли можно вообще привыкнуть к тому, что (хотя температура в тени радуется стабильными +35оС) одежда никогда не просыхает, пропитываясь влагой из воздуха.

Несмотря на жару, оба пили виски, большие порции которого были налиты в кургузые ста-каны. О стенки стаканов стучали кубики быстро плавящегося льда. Это был единственный звук, нарушавший тишину. Шум Карибов, блестящих между пальм, уже стал привычным, слух за него не «цеплялся», как в Москве не обращаешь внимания на гул машин. Сидевшие в плетеных креслах мужчины смотрели на море, время от времени посылавшее им солнечных зайцев, и изредка перебрасывались малопонятными фразами.

Это был самый жаркий час дня, когда все аборигены, и без того ленивые (или просто непривычно для вечно спешащего европейца неторопливые), заваливались спать — та самая маркесо-кортасаровская сиеста. Все казалось погруженным в спячку. Все, кроме бара, единственные посетители которого сидели на террасе. Хотя они тоже были неподвижны и беседа текла вяло, в лицах их, в окружающем их пространстве ощущалась натянутость басовой струны. На лбу старшего пролегли две глубокие морщины — борозды, оставленные напряженными раздумьями. СБ и СК ждали. Ждали чего-то важного и серьезного, чего-то, что могло (может, да, а может, и нет?) повернуть судьбы многих людей на совсем другие пути.

Они почти одновременно допили виски и по тому, как бармен, не спрашивая, быстро поднес новые порции, стало видно, что это далеко не первые стаканы, выпитые сегодня. Ни один из них тем не менее не походил на захмелевшего. Только СК время от времени опускал тяжелый подбородок к груди и прикрывал глаза рукой — жест, свидетельствующий скорее о серьезности мыслей, чем об усталости или тумане в голове.

В бар вошел АЛ, молча подсел за столик и заказал минеральную воду без газа. Теперь все трое Всевидящих были в сборе — и продолжали ждать вместе.

Совсем скоро им предстояло поднять нелегкую ношу, которую они сами для себя подготавливали не один год, тратя на это умопомрачительное количество нервов и денег. На сегодня все эти вынуждающие выкуривать две пачки в день проблемы остались в прошлом. Им предстояло стать вершителями судеб, Богами. И теперь, в утомительный отрезок последней передышки перед Игрой, они, не признаваясь в этом друг другу, а возможно, и самим себе, изрядно психовали. Наверное, ни один человек не в состоянии до конца представить, что такое

— быть Богом, а неизвестное всегда страшит.

Правда, только для шестнадцати человек и только на сорок дней, но и это — ноша не из легких. И не из приятных. Но пока шестнадцать Игроков были еще за несколько тысяч километров отсюда. Они летели на самолете через Атлантический океан — добровольно возжелавшие доверить свои судьбы этим Богам. Впрочем, доверяли они себя более удаче — о существовании Всевидящих знали пока далеко не все участники Игры.

Еще несколько дней назад было готово решительно все. СК и АЛ, игравшие в своей жизни в разные игры, знали, что и к началу этой Игры выяснятся какие-то обидные ошибки, следы извечного распиз(биип!)ства Низших Богов (Смотрящих) или их собственные промахи, но искать их заранее было бессмысленно. Оставалось только ждать.

Перед тем как разойтись по номерам, они не сговариваясь зашли в операторскую. Экраны уже светились — на двух Островах были установлены и тщательно спрятаны видеокамеры. Они передавали изображение на эти мониторы. Но пока вся аппаратура работала вхолостую — в радиусе +++ километров не было ни одного Игрока.

Самолет снова повело вниз. «Как в лифте с оборвавшимися тросами». От пришедшего на ум сравнения он сам же плюнул через плечо и машинально огляделся в поисках деревяшки. В «Боинге» компании КЛМ ничего деревянного не было.

Потом он остановил взгляд на лице сидящей рядом девушки и долго смотрел на нее. Кажется, он сдерживал дыхание и даже не мигал — так боялся потревожить ее покой. Его лицо, которое большинство из шестнадцати Игроков считали наглым, злым (и еще тринадцать бранных прилагательных), в лучшем случае — просто неприятным, изменилось. (Оно таким и было. И его это совсем не заботило. Скорее, ему это нравилось), всегда менялось, когда он смотрел на нее. Сползла вечная глумливая ухмылка, разгладилась складка между бровей. Глаза стали спокойными, даже мечтательными. Но в глубине их поблескивали тревожные искры, как будто парень не знал ответа на очень важный вопрос.

Вызвавшая такие перемены в лице парня девушка полулежала на откиннутом кресле, ее колени укрывал синий плед, из тех, что выдают пассажирам на длинных перелетах. Укутывая ее ноги, плед выглядел не казенной штамповкой, а захваченной из дома частицей уюта. Глаза девушки были закрыты, наверное, она дремала. Но даже во сне ее лицо светилось красотой. Редкий тип красоты, идущей изнутри — из ясной души и чистого сердца. На шее девушки висел золотой крест. Парень (тоже крещеный когда-то в православие) креста не носил. Но сейчас обращения к Господу то и дело возникали в его мыслях. Он не молился, но словно задавал вопросы и требовал ответа, уверенный, что Бог услышит.

«Теперь, Господи, можешь не помогать, только не мешай. Что я несу?! Идиот! Господи, если я стухну (я знаю; я слабак и ничтожество!), ты пошлешь мне сил?! Господи! Ты же все видишь. Ты видишь, что я прошу ради нее! Она верит в меня, верит мне, верит, что я не сломаюсь и не ссучусь. Она говорит, что ей со мной ничего не страшно, что она все выдержит... Господи, ради нее! Ты же знаешь, ты видишь: она никогда никому не желала зла, ни в чем, никогда! Она дочь твоя, она живет в добре и свете, она полна любви ко всем — и людям, и бл(биип!)ям. Она... Господи, ради нее! Ты слышишь меня?!»

Девушка вздрогнула раз, другой и чуть нахмурилась, ей снилось что-то тревожное. Парень вздрогнул вместе с ней, тревога еще сильнее заблестела в его глазах, стала явной. Он протянул обе руки к девушке, левой рукой обнял ее за высокую, благородных пропорций шею, другой стал нежно гладить густые волосы пшеничного цвета. Его губы шевелились, он шептал неслышные слова.

Девушка улыбнулась и, улыбаясь, открыла глаза. Большие, редкого цвета моря, они действительно сияли ясным светом. Парень ласково заулыбался в ответ, а глаза из тревожных стали уверенно-спокойными: взгляд защитника, готового и к нападению.

— С добрым утром, родная!

— Здравствуй, любимый! Я долго спала? А ты все время на меня смотрел?

Он взял ее лицо в ладони (руки были очень худыми, но изуродованные костяшки пальцев выдавали любителя драк) и поцеловал в лоб. Когда губы касались ее кожи, его взгляд поверх спинки кресла встретился со взглядом одного из пассажиров, интеллигентного вида мужчины лет сорока пяти, в очках, с характерным (хм...) профилем. На лице мужчины на секунду

появилась саркастическая улыбка, но тут же пропала, стертая взглядом парня — неприкрыто агрессивным.

Парень с девушкой были Игроками 1-с и 2-а, мужчина — номером 3-а. Между 1-с и 3-а уже возникла сильная неприязнь, хотя до начала Игры было еще около суток.

Игрок 3-а отвел в сторону глаза, почувствовав себя при этом весьма неловко. «...Перед каким-то мальчишкой, фу!..»

Через некоторое время он, шагая из туалета, опять краем глаза зацепил эту парочку, 1-с и 2-а. Они сидели, крепко обнявшись, но при этом умудрялись о чем-то темпераментно спорить, улыбаясь друг другу. 3-а испытал легкий укол в сердце.

Вернувшись и сев в свое кресло, он раскрыл книгу и опустил в нее взгляд. Обучаясь несколько лет назад в Гарвардской школе бизнеса, 3-а тщательно запоминал манеры преподавателей и потом присваивал их себе, копируя не без изящества. Из Гарварда была привезена и эта посадка при чтении — с подчеркнута прямой спиной и подбородком, вытянутым вперед. Среди развалившихся кто во что горазд пассажиров (шел уже не первый и не второй час полета) он, пусть и выглядел отчасти нелепо, все-таки по-хорошему выделялся своей благородной осанкой.

Если, кстати сказать, было возможным заглянуть Игроку 3-а через плечо, стало бы ясно, что мысли его заняты более существенными вещами, чем содержание книги. Между страниц были вложены две фотографии. На обеих изображена одна и та же женщина, уже не первой молодости (скорее всего, она была ровесницей 3-а), но красивая, с правильными чертами лица. Одна фотография была уже чуть выцветшая, с треснувшим уголком. Вторую, сделанную на «Полароиде», кажется, отсняли совсем недавно. На ней женщина сидела в кресле, сложив руки на животе, она была беременна. Ее лицо, беззаботно веселое на старом фото, теперь было омрачено тревогой, хотя и здесь она улыбалась.

«Может, бросить все к черту и вернуться? Пока не поздно, а? Как же я оставил ее сейчас? Ведь у нее такое... состояние тревожное... Я хочу быть рядом с ней, я же ее люблю!

Этим-то сосункам хорошо (хм, неужели укол в сердце — зависть? Зависть?! Стыдно, 3-а, стыдно!), они вдвоем. Хотя, что они могут знать о серьезных чувствах? Этот мальчишка дурно воспитан, на острове, когда он завопит от слабости, молодые все слабаки, я прижму его к ногтю. Впрочем... Чего там прижимать? «Съедем» его на первом же Совете...

Как же она там? Организаторы обещали, что будут звонить каждые три дня. Черт их знает, этих организаторов! А может, мне самому дадут возможность звонить? Хотя бы изредка? Цивилизованные же люди, должны войти в положение! Хм, а они спросят — ты контракт читал перед тем, как подписывать? Вот и не ной! Жена у него беременна... Так что ты не сидишь с ней, че поперся? Да, наверное, так и скажут... Ну хоть сами-то звонить будут? Может развернуться, пока не поздно, а?..»

Потом он вспомнил про приз и представил, как кстати будет такая огромная сумма, когда родится сын. Подумал о женщине с фото, но теперь по-другому: она в красивом платье входит с ним под свет софитов получать главный приз. Как она будет с гордостью смотреть на мужа победителя.

В том, что он победит, 3-а не сомневался.

— Ну, за эти... Куда мы летим-то? Ха-ха-ха!

— Ха-ха!

— И-ии-хи-хи! Коста-дель-Бастиментос! Ихххххииии!

— Ну да! За них!

Игроки 4-с, 5-с и 6-е чокнулись, 4 и 5 — пивом, 6 — красным вином. 4-с и 5-с были рослыми, крепко сложенными парнями с короткими стрижками светлых волос. Оба голубоглазые, они могли сойти за братьев. 6-е была, по виду и манерам, совсем молодой девушкой. Она часто смеялась с подвизгиваниями над шутками парней, которые явно были довольны реакцией собеседницы. Иногда она поднимала вверх брови, и от этого форма ее безупречно красивых глаз становилась еще более выигрышной. Казалось, девушка об этом знала, и взглядами и частыми улыбками старалась еще больше закрепить свой несомненный успех у мужчин. Было видно, что она часто оказывается в центре мужского внимания и находит это приятным.

«Хм, конечно, надо на ком-нибудь одном сосредоточиться, но ведь их же обязательно на разные острова раскинут. Слишком уж они одинаковые... А я где буду? А если сейчас одного охмурить, то другой заревнует. Они же все такие ревнивые, все эти идиоты! А меня с другим и закинут, по закону подлости. Нет, надо с двумя!»

...Ой, как же хочется поскорей прилететь! Этот дурацкий самолет уже бесит, не могут, что ли, летать быстрее! Так хочется на море... Всю жизнь мечтала поплавать в Карибском море! Как я люблю море...»

— Ма-а-альчик-и-и! — 6-е томно растянула звуки. — Сходите к пилоту, пусть он летит быстрее!

— А он по-русски не понимает. — Парни опять дружно рассмеялись.

— Что-о вы! А вы ему объясните. Вы же такие сильные! Обожаю сильных мужчин! Вы тренируетесь?

Нехитрый психологический прием: найти область, в которой собеседник специалист, и потом просто поддакивать его монологу — действует безотказно. 5-с увлеченно начал рассказывать, сколько подходов к штанге он делает за тренировку и чем должно отличаться питание культуриста, набирающего массу, от питания культуриста, набирающего рельеф. Но кое в чем 6-е все-таки просчиталась. 4-с, и до этого говоривший меньше остальных (отчего производил впечатление застенчивого парня. В сочетании с размахом его плеч стеснительность была забавной), теперь совсем замолчал. Глаза, в которых так легко было прочесть все мысли, таким простым и бесхитростным казался этот парень, вдруг утратили почти детскую улыбочивость. (Если «улыбочивые» можно сказать про глаза.) Они стали похожи на кусочки льда, круглое лицо с неизменной открытостью всему и всем вокруг утратило мягкость, и стало видно, что у него твердый волевой подбородок и крепко очерченные скулы. На 6-е смотрел суровый Воин, уже прошедший в этой презренной жизни через огни и воды.

Проходя через некоторое время по салону, 6-е заметила, что на нее смотрит молодой симпатичный парень. Это был 1-с, тоже Игрок. На фоне 4-с и 5-с он казался совсем мальчиком, но это тоже мужчина. И хотя он едет с девушкой, которую называет то женой, то невестой... Все-таки все мужики кобели, подумала 6-е, и на всякий случай улыбнулась 1-с, широко распахнув глаза.

В ответ 1-с ухмыльнулся и одним взглядом окатил ее таким водопадом презрения, что 6-е на мгновение остановилась.

«Какой мерзавец этот мальчишка! Я им скажу, своим мальчишкам, они его поставят на место! Съедят! Ха-ха-ха! Как хочется на море!...»

Хотя до начала Игры оставалось около суток, 6-е и 1-с уже выбрали, против кого будут голосовать.

«Я выдержу? Я выдержу! Только с 5-с не хочу в одну команду. Хороший он парень, не надо с ним конкурировать. Хм, конкурировать... Слово-то какое, как пишется, интересно?.. А ведь мы все в самолете эти самые конкуренты. И 5-с, и 6-е. 6-е? Красивая девчонка, искренняя, веселая! Так и женился бы! А ведь и против нее тоже Игра повернется.

И 1-с со своей девушкой* конкуренты. Эти даже скорее — их ведь двое. 1-с тоже вроде ничего. Только держится очень гордо. Чего его 6-е не любит? Но такие обычно правильными людьми оказываются. Только худой очень.

...М-да-а, главное — человеком остаться. Молитвослов взял? Взял. Вот и будешь читать на досуге. Господи, помоги выиграть!...»

4-с вспомнил свою первую молитву. То есть он и раньше молился, но тогда впервые почувствовал в себе то, что называют дыханием Господа. Их бросили на штурм Грозного. Молодых пацанов, только прошедших изнурительные тренировки КМБ. Выпрыгивая из поезда, они видели перед собой руины, бывшие когда-то городом. И он подумал, что это совсем как в лагере, как будто идет тренировка на имитаторе городских условий. Около уха свистнуло, пролетел ветерок. Громкий «тук!» за спиной. Он повернулся. На стене вагона, в сантиметре от его виска, слегка дымилось входное пулевое отверстие. Выстрела никто не слышал. И тогда он начал молиться.

«Да, 6-е красивая. Но 7-и еще лучше. Только вон как нос задрала. Гордая какая. И одета... Богатая... Но глаза все равно честные, смотрит прямо. Вот бы познакомиться! Блин, подойду, а

чего говорить-то? Чего ж я тупой такой!..

С кем же я вместе буду? 3-а? 1-с? 2-а?.. Вот с 3-а не хочу, противные у него глаза какие-то. Умник! И 8-а тоже. Ребята с ним жили, говорят, такая тварь...* А вот к ним Господь меня и пошлет за такие мысли. Ничего, выдержу... Господи, помоги!»

Он не был уверен в победе, но жаждал ее не меньше любого из Игроков и иногда совсем по-детски начинал мечтать об этом. Тогда на лице опять появлялась чистая, почти детская, улыбка. В такие минуты ему казалось, что он уже победил.

«Опять Грозный! Когда же отпустит этот город? Вот и сейчас — сижу, молчу как дурак. Вот так всегда с москвичами: они говорят, говорят, а ты сидишь, двух слов связать не можешь. Вон, 5-с как заливает...»

Они расположились в глубине зала ожидания, усевшись на свои рюкзаки или опустившись прямо на пол. До самолета оставалось несколько часов, виз, дающих право на выход в город, у них не было. Лавчонки и магазинчики (все три) этого аэропорта, забытого Богом и неизвестного большинству людей планеты Земля, были с высосанным из пальца вниманием осмотрены, все, что можно было купить, куплено, с одной единственной целью хоть как-то убить проклятое время, скрасить ожидание. Позади двадцать часов перелетов, десять часов пересадок. Игроки были замотаны до последнего предела. Не легче, впрочем, было сопровождающим, или Смотрящим. Но если их силы подкрепляла уверенность в том, что в конце концов они вымоются в нормальной душе, выпьют нормальный кофе (а не бурду, воняющую картоном) и уснут на чистых простынях, то Игроки, как ни отгоняли от себя мысли о скором начале Игры, как настырные мухи, вились вокруг них.

Смотрящий, точнее, один из них прошел через зал и уселся на высокий стул бара, бросив бармену: «Дабл спрессо, плиз». Еще одна привилегия Смотрящих — они могли тратить деньги, хоть и не переступая неких разумных норм, но все же достаточно свободно — деньгами их снабжали сами Боги. Игроки же, тратящие (или не тратящие) в течение всей дороги деньги собственные, опасались подходить к бару. Было видно, что большинство из них стеснены в средствах. Только 7-и отделилась от всех и с небрежностью, недвусмысленно указывающей на незнакомство с такой ситуацией, как нехватка финансов, разглядывала полки с парфюмерией и прочими женскими игрушками. Да еще 1-с со своей смешной (нет, просто НЕобычной) подружкой, смакуя и почти бесстыдно наслаждаясь (да, сейчас в выражении его лица было что-то порочное), пил дорогущее виски, купленное в предыдущем порту, и, улыбаясь, смотрел на свою ненаглядную 2-а, которая вытаскивала (из фирменных пакетов магазинов) и разглядывала по третьему уже разу одну за другой какие-то побрякушки, сувениры, девчачий хлам — все, явно купленное без раздумываний, весело и легко. «Вот они, везунчики», — подумал Смотрящий. Команда уже знала, что 1-с и 2-а выиграли кучу денег, зайдя на пять минут в маленькое казино на одной из пересадок. Смотрящий видел, как 1-с тащил ее туда за руку, хохоча и явно навязывая свои желания.

Смотрящий отхлебнул помой, выдаваемые в здешнем аэропорту за кофе, и продолжил свои наблюдения, сидя у пустой стойки, к которой не подходили Игроки, на некотором от них отдалении. Это было особенно удобно. Смотрящему подумалось, что ему предстоит прожить сорок дней, глядя на этих людей, может, помогая кому-то, а может — наоборот, мешая и останавливая, и стоит узнать их получше. И чем скорее, тем лучше. (Правила запрещали общение между Богами, Смотрящими и Игроками, но этот Смотрящий был реалистом и понимал, что без взаимодействия его миссия в Игре провалится. И еще ему почему-то казалось, что Боги будут, наоборот, довольны, если эти контакты появятся.)

Смотрящий, до Игры бывший офицером спецслужб, изучал психологию, и разгадать основы личностей Игроков ему представлялось не более чем интересной загадкой. Вот, например, тот здоровяк (кажется, его номер 5-с?), возвышающийся грудой мяса (египетской пирамидой) над всеми остальными людьми, сидящими, стоящими или лежащими в зале. На его лице было обычное выражение спокойной уверенности в себе и в ситуации (телосложение, стрижка, глаза — все говорило о том, что в России он примыкает к классу «правлящих бал»). Но глаза... Глаза время от времени затуманивались, и тогда (для Смотрящего, по крайней мере) становилось очевидно, что 5-с первый раз находится в подобной обстановке, что чувствует в ней себя он неуютно и непривычно для самого себя, растерянно. Здесь никто перед ним не

робел и не пресмыкался, во всех (аэро)портах он был чужой и неуместный — неуклюжий, не знающий, как спросить о простейших вещах, путающийся в ярких, незнакомых вывесках, шарахающийся от нерусских улыбок. Не исключено, что он вообще был первый раз за границей. Спасением ему служили остальные пятнадцать Игроков. Свои, родные — среди них он был ровней. Большинство из них вели себя так же неуверенно, так же боролись с желанием отлить или покурить, не зная, как спросить о туалете или месте для курения. Но показывать им свою неуверенность он не мог (так как ровнял ее со слабостью) и скрывал ее, как мог шутил и заигрывал с девушками-Игроками, много ел и еще больше пил — халявного самолетного алкоголя. Пили, впрочем, почти все Игроки — единственная (и привычная) возможность снять нервное напряжение ожидания.

«Курить охота. В туалет, что ли, пойти? Да стыдно как-то. Чего это я буду, как бомж, в сортире сидеть. Знать бы еще, где тут — этот сортир. Уроды, блин, нерусские. Курят же они где-то! Так и дал бы в рыло!» — 5-с вытащил из кармана пачку и машинально сунул в рот сигарету. И тут же почувствовал на себе пристальный взгляд. Здешний мент, полицейский с орлиным профилем и смуглой кожей, смотрел на него, положив руку на кобуру и явно готовясь подойти к потенциальному нарушителю правил. 5-с выругался под нос и сунул сигарету обратно в пачку. Потом он медленно поднялся (он все делал медленно, как будто тщательно продумывая каждое движение своего огромного тела) и отправился куда-то в глубь аэропорта.

«Где же, где же?! А-а-а! Вот оно! Надо за 4-с сходить позвать. Он, бедняга, так и сидит, обламывается — 5-с, увидев наконец табличку с дымящейся сигаретой, ускорил шаг, закуривая на ходу. — Ладно, покурю, потом схожу и с ним еще раз покурю — про запас». 5-с не привык отказывать своим желаниям. «Ох, е-мое! А как же в Игре, на Острове?! Че мне там-то курить?! Не-е, надо сныкать пару пачек. Или кто-нибудь из Смотрящих подгонит? Надо перетереть с ними будет попозже. Пацан пацану не откажет. А жрать?! Жрать-то что там буду? Мне ж до х(биип!) надо! — 5-с довольно провел рукой по своему плечу, потом хлопнул по животу. — Ну, я влип! Надо с кем-то вместе держаться. С бабами с какими-нибудь. Мужики... мужики на х(биип!). Попрут поперек — дам разок в рыло. Бабы умнее. Хотя... Хотя че умнее? Жрачки же от этого не прибавятся. А, ... конем! Переживем! Море будет... Море! Вот здорово! Покупаюсь! Плавать только, — 5-с нахмурился, — ...плавать как? А, не буду плавать! Заставлю кого-нибудь!»

Плавать 5-с не умел. Он наврал отбирающим, рассудив логично, что обойдется. Необязательно же ему плавать, народу в Игре до хрена будет. И отбирающие все слопали, не поперхнулись. 5-с вообще все всегда удавалось в этой жизни. И хотя он очень плохо представлял себе, что такое предстоящая Игра, он был уверен, что выиграет. Только...

«Только... Говорят, там вначале плыть придется?.. М-да, тут уже по рогам совай не совай, ни хрена не получится». 5-с нахмурился еще сильнее. Если бы его сейчас увидел кто-нибудь из Игроков, то сильно удивился: лицо 5-с стало напоминать лицо лемура. Обычную непрошибаемость как рукой сняло, в расширившихся глазах заплескалась тревога. «...Господи! Зачем я в это ввязался! Поможешь мне, Господи?»

Смотрящий проследил взглядом за огромной спиной 5-с, удалявшейся в сторону курилки, и перевел взгляд на оставшихся. Они сидели бесформенной группой. Бесформенной — не совсем точно. По их расположению, по расстоянию от одного до другого, по тому, куда повернуто лицо, — можно было заметить и понять зародыши будущих взаимоотношений Игроков. (Например, все те же 1-с и 2-а сидят, обнявшись, смотрят друг на друга. Ну, это аз-буки-веди.) Вот Игрок 3-а: сидит немного в стороне, обособленно. И ни один из остальных не повернулся к нему лицом. Ему, впрочем, это на первый взгляд особенно и не нужно.

Смотрящий вспомнил досье 8-а: тот успел настроить против себя всех Игроков (точнее, тогда еще кандидатов), живших в процессе отбора в одной гостинице на окраине Москвы. И, скорее всего, его безразличие напускное — не может нормально чувствовать себя человек, знающий, что хоть мало-мальски, но плохо к тебе настроены те, с кем вместе идти по Игре. У себя на родине 8-а считался душой компании. Душой и мозгом. Не имевший никакого образования, он много читал и сам себя полагал очень умным человеком. Не чета этим москалям. 8-а гордился своим интеллектом, но еще больше — своей страной, Украиной. Может, подумал Смотрящий, потому, что больше ему гордиться нечем. А еще ему почему-то

пришло в голову слово «скандалист», хотя на «скандалиста» 8-а походил как раз меньше всего.

Громкая связь, матюгальники которой были разбросаны по всем помещениям аэродрома, впервые за несколько последних часов ожила. На испанском и английском была объявлена посадка на нужный им рейс. Первыми взялись за сумки 7-и и 1-с. Кажется, только они и владели иностранными языками. Смотрящий поднес ко рту чашку, собираясь допить кофе одним глотком, но передумал и отставил ее в сторону — эта бурда побила рекорды предыдущих аэровокзалов и портов по своей отвратности.

Смотрящий подошел к Игрокам: «Все здесь?» Не хватало только 5-с, и за ним с готовностью побежала 9-н, маленькая девушка с неограниченным, как казалось, запасом энергии в кривых ножках. Смотрящий поймал себя на том, что вздохнул с облегчением, и такой же вздох вы-рвался у нескольких Игроков. В течение отбора и в дороге 9-н не умолкала и не останавливалась в передвижениях от Игрока к Игроку ни на минуту. Сложно сказать, чего она хотела этим добиться, — может, продемонстрировать свой интеллект и чувство юмора, может, понравиться и подружиться со всеми сразу. Но так или иначе большинство явно устало от ее голоса, раздающегося то там, то здесь — сразу отовсюду. Смотрящий посочувствовал девушке. Она явно вы-брала не тот стиль поведения.

Игроки, еще двое Смотрящих и Хранители (все они добирались до места Игры вместе) собрались, их количество соответствовало количеству билетов, лежащих во внутреннем кармане Смотрящего. Всех пересчитав, Смотрящий почувствовал облегчение — в его обязанности входило сопроводить (читай «доставить») всех Игроков до места, и в каждом аэропорту ему казалось, что он кого-нибудь не досчитается. Наверно, такие мысли приходили оттого, что он знал о Игре чуть больше, чем полагалось. И знал, что он сам ни за что не стал бы в ней участвовать.

Навьючив на себя сумки (у всех, кроме 6-е, было по одной сумке или рюкзаку. 6-е же ехала с двумя чемоданами. Где она собиралась носить столько шмотья, было решительно непонятно.) Игроки пошли за Смотрящими. Шествие замыкали Хранители. Походки у всех были шаркающие, усталые. Двадцать часов — испытание не из легких. Тем более что Смотрящим и Хранителям не разрешено было посвящать Игроков в детали маршрута. Так что они не представляли себе, сколько часов (а может, дней?!) им предстоит провести в неудобных самолетных креслах и на нечистых полах залов ожидания в аэропортах на краю света. На лицах была написана терпеливая усталость, только 1-с тихо бормотал под нос грязные ругательства (под укоризненные взгляды своей 2-а), выпускал пар, накопившийся от дорожного дискомфорта. Он тащил два рюкзака и магазинные пакеты, 2-а шла налегке, время от времени протягивая руку и касаясь плеча или спины своего возлюбленного.

Смотрящий едва сдержался от того, чтобы нарушить правила — ему очень хотелось подбодрить уставших. А сделать он мог это единственным способом: сообщить, что этот перелет — последний.

2

Хотя СК и гордился подбором Игроков, его отношение к каждому в отдельности было совсем не одинаковым. Про некоторых он уверенно знал, что это не люди высшей пробы, но такие тоже понадобятся, без них Игра не станет по-настоящему интересной. Вон тот, 3-а, ну и отвратный же типчик! И глаза как-то сами собой переползли на здешних Ромео и Джульетту, как называли Игроков 1-с и 2-а Смотрящие. На борту корабля вступил в силу запрет на общение между Игроками до начала Игры, но они все равно старались, старались изо всех сил быть вместе. Вот и сейчас они сидели рядом, лицом друг к другу и смотрели зрачок в зрачок, не отрываясь и, кажется, даже не моргая. Им сейчас тяжелее всех, им нужнее всех поговорить. Совсем скоро Игроки разобьются на два Племена, и они... они могут оказаться в разных Племенах. Если внимательно посмотреть в лицо 2-а, то можно увидеть, как она борется с этой мыслью, в глазах ее тоска сменялась сияющей надеждой и любовью, любовью. «Мужественная девушка», — подумал СК и вздохнул. Он знал, что с момента своего знакомства за много лет до Игры эти двое не расставались ни на один день. Но через час... они уже не смогут сказать «мы». Будут «он» и «она», не лучше и не хуже и ничем не выделяясь среди других Игроков.

Боги твердо решили раздробить их, отправив под разные флаги. Еще раз: «Мужественная девушка». Про 1-с он не был настолько уверен. Этот нервный худой парень мог оказаться размазней, как большинство, по мнению СК, его ровесников. Но... мог стать и последним. АЛ, загравший на дальней палубе, думал об этом по-другому.

Точка, движущаяся на горизонте, параллельно ойкумене, начала приближаться, увеличиваясь в размерах, обрастая деталями и звуками. Приближался вертолет, в котором сидел третий Бог (третий из трех Всевидящих Богов), приблизился вплотную. Начало. СК и АЛ увидели, скорее, даже почувствовали нервную адреналиновую дрожь, исходящую с нижней палубы. Посреди тропического полудня их пробил минутный озноб. И они поняли, что волнуются не меньше шестнадцати.

Прилетел и завис над кораблем, отдавшим якорь, шквалистый, упруго выбивающий слезу ветер. Он исходил от мерцающего круга лопастей вертолета, медленно опускающегося на палубу. Все на корабле подняли вверх головы, руками придерживая свои кепки, панамы, платки и прочую дребедень, которую каждый надевал себе на голову, спасаясь от зноя. Получить тепловой удар северянину ничего не стоило, к тому же большинство из Смотрящих прилетели на Карибы несколько дней назад и еще не адаптировались.

Геликоптер припалубился, и пилот заглушил движок. Еще раньше, сквозь прозрачную сферу кабины, Игроки увидели того, кто станет их Богом на время Игры, их Всевидящим. (Про существование СК и АЛ знали лишь двое из них и держали рот на замке.) Это был СБ.

СБ выпрыгнул из вертолета за несколько секунд до того, как он коснулся салазками ржавчины корабля, легко приземлился на обе ноги. «Как парашютист», — подумал он и почувствовал гордость за самого себя. У СБ была одна, тщательно скрываемая ото всех фобия: он боялся высоты (хорошо, что в простой жизни с высотой иметь дело не приходится). И пролет над морем на микровертолете, не имевшем для экономии веса даже дверей, для него стал серьезным испытанием. «С первым испытанием справился» — СБ отметил, с удивлением, что слова СК начинают сбываться. (Недавно они сидели в баре, пользуясь редким часом отдыха, и тогда СК высказал одну свою догадку: Игра может запросто подкинуть более серьезные испытания для Богов, нежели для Игроков. И вот — пожалуйста.) Мимолетом СБ прикинул, как он сейчас выглядел, не осталось ли где-то внутри тревоги. Этого ему нельзя, его тревогу могут почувствовать Игроки, а это дрянь дело.

СК, тяжело опершись о поручни и слегка свешиваясь вперед, смотрел на нижнюю палубу. В углу его рта дымилась тридцатая сигарета, он шурился от дыма и ярких лучей полуденного солнца. Солнечные очки забыл и сейчас порадовался хотя бы тому, что перед поездкой догадался (не забыл в напряженной суете) отправить в магазин одного из Смотрящих за легкой светлой одеждой. Железный пол мостика был раскален так, что он чувствовал жар даже через подошвы, руки обожгло о поручни. А они сидели на горячем железе хоть бы хны. Пожалуй, они просто не замечали этого неудобства. «Да уж, им сейчас не до этого».

СК выплюнул окурочок, подумав, поднял его и прикурил от красного огонька, не видимого на солнце, новую сигарету. И продолжал смотреть вниз. Он наблюдал за Игроками, как и предыдущие два месяца, среди тысяч претендентов отбирая лучших. Ему очень хотелось, чтобы в их Игре были только лучшие люди. Изучив всю их подноготную, СК открывал для себя их души. «Первейшая функция Богов — смотреть в души». — Он усмехнулся. Однако все время отбора СК наблюдал за претендентами, просматривая бесчисленное видео, приносимое Смотрящими, или же смотрел за Игроками издалека, приезжая на этапы отбора невидимкой. И сейчас он впервые видел Игроков вживую, причем так близко, что можно было взглянуть в глаза любому, если только Игрок догадался бы поднять лицо вверх. Они же предпочитали сидеть, прикрыв глаза или рассматривая узоры ржавчины на палубе под ногами.

Далеко у горизонта (так, что звук мотора даже не был слышен) пролетел вертолет. И СК снова задался вопросом, точнее, вопросами, терзавшими его с того момента, как он впервые подумал об Игре, и не отпускаявшими его ни на секунду все то время, пока он исполнял роль демиурга, создавая Игру, ее пространство, законы и все-все. Что такое Игра? Для чего она? Зачем люди стали Игроками? И, finally, самый главный: что принесет Игра этим людям? Зло или Добро? Не ради денег же, в самом деле, они оказались здесь, отдав на сорок дней свои души ему, СК, и другим Всевидящим. И в который раз он ощутил парадоксальное бессилие

собственного рассудка и сердца: он не мог ответить на эти вопросы. Не мог ответить на вопросы о своем собственном творении.

Вертолет на горизонте означал, что они приближаются к месту Игры. Что до ее начала остается не больше часа. Шестнадцати Игрокам, сидящим на палубе, остается не больше часа на то, чтобы успеть впитать, вдохнуть, запомнить всю эту планету. Старт — и они будут заброшены в другое измерение, хотя, пока они это сообразят, пройдет еще много дней. Но они... Они не знали об этом и просто терпеливо сидели под прямым солнцем, тихо переговариваясь и напряженно подшучивая над собой. Курящая часть Игроков курила, подобно их Богу, одну за одной — они пытались запастись никотином на полтора месяца вперед.

СК снова почувствовал запретное сочувствие. Запретное потому, что он сам (а больше никто и не мог) запретил его себе и всем своим — Смотрящим и Хранителям. Иногда он чувствовал к Игрокам какое-то отеческое отношение (хотя некоторые из них были его старше), он гордился ими и больше всего хотел... Хотел, чтобы его Игра не смогла сломать никого из них. Хотя для ломки людей Игра и была создана. Точнее, для испытания человека на прочность. «Наверное, мне так и полагается к ним относиться», — подумал СК. Все-таки он впервые был Богом и еще не совсем освоился с таким положением...

АЛ о чем-то шептался со Смотрящими. Интересно, смогут ли они выдержать свою обязанность № 1, то есть не проявить никаких чувств к Игрокам, не сказать им ни слова. СК, не умеющий врать даже себе, знал: где-то под сердцем ему хотелось, чтобы Смотрящие нарушали запрет. (Наказанием, кстати, было немедленное отлучение от команды и возвращение в Россию.) Ведь это будет означать, что они остались людьми.

СБ еще раз «осмотрел» себя, убедился в собственной нормальной форме и, улыбаясь, направился к Игрокам. Он оглядывал их (подмигнул 1-с), видя в глазах страх и азартную готовность идти на этот страх с открытым забралом. Так было почти у всех. Почти. 10-н, однако, прятала в глазах что-то, что СБ пока не смог разгадать, а у 5-с он увидел откровенный страх, отражение недавнего своего собственного. «Он? 5-с? Боится? Точно, боится! Удивительно». Вид 5-с менее всего предполагал, что этот Игрок может чего-то или кого-то бояться. «Он что, плавать не умеет?..» СБ улыбнулся ему. Плавание было обязательной дисциплиной для всех участников.

Краем глаза зацепил 1-с и 2-а. Они, как и всегда, смотрели друг на друга, словно сцепившись глазами, у девушки на лице была написана тоска. Казалось, что она уже знала расклад Племен, знала, что от нее сейчас оторвут любимого. Сам любимый неулыбчиво улыбался. СБ в который раз с момента начала отбора (мысленно) скрестил пальцы. Это была его идея — закинуть сюда эту парочку (официальные правила запрещали участие в Игре друзей и родственников). Но СБ решил, что их роман украсит Игру, и твердо добивался: «Поехать должны двое». Но чтобы (хотя бы) формально соблюсти правила, Всевидящие разбросали 1-с и 2-а в разные Племена.

Они уже все поняли и лихорадочно вертели в руках свою экипировку, на которой была поставлена маркировка двух цветов. Цвет маркировки определял племенную принадлежность Игрока на первый этап Игры. Меньше чем через минуту. Игроки обрели новое определение — они разделились на два Племена, и сейчас эти Племена стояли у противоположных бортов судна, обмениваясь последними словами прощания, звучащими слишком нервно, чтобы быть искренними. Для них Игра уже пошла, каждый громкий удар сердца приближал каждого из них к победе. Или к поражению. СБ машинально прочитал надпись-татуировку на плече одного из Игроков, ставшего только что ящером: «Смерть или Слава!».

СБ медленно поднял руку, Смотрящие приникли к видеоискателям. Индейцы и черные — команда корабля, понукаемые одним из Богов, примолкли сами и выключили свой транзистор с реггей (неотъемлемую принадлежность здешних раста-жителей). Два Племена, стоявшие одесную и ошуюю от СБ, застыли в забавно нелепых позах, каждый на свой лад выражал решительную готовность. В этот момент СБ почувствовал не-ожиданную дрожь в поднятой руке. И он резко опустил ее, крикнув «ПОШЛИ!». (За свою жизнь ему приходилось тысячи раз бывать под перекрестиями камер, произносить миллионы слов. Но сейчас... Сейчас это одно короткое слово ему пришлось протолкнуть сквозь сжавшееся горло. Как будто он прощался с кем-то.)

«ПОШЛИ!» — и с двух сторон в воду полетели два плота. Сначала бамбуковые квадраты ушли глубоко под воду (борта корабля были высокие), потом выпрыгнули вверх, почти оторвавшись от поверхности моря. За ними — несколько сундуков. Игроки хватали хаотично разбросанные по палубе сундуки и, сгибаясь под их тяжестью, семенили каждый к своему борту. Воздух наполнился сдерживаемыми сквозь зубы короткими словами команд. Каждый хотел что-то сказать только что обретенным соплеменникам (с которыми — наконец-то! — можно было легально общаться), но при этом казалось, что каждый боится сказать свои слова громко. Никто не захотел с первой минуты становиться вожаком, в хаосе выброски Игроки пытались держать дистанцию вежливости. СБ поднял глаза вверх — СК многозначительно скривил губы с зажатой сороковой сигаретой.

Еще несколько секунд — и все сундуки (содержимое которых было для Племен тайной — они хватали первые попавшиеся) были за бортом, Игроки посыпались вниз сами. Каждый сначала уходил в воду с головой и через несколько секунд показывался на аквариумной поверхности, бурлящей от судорожных движений их тел. Ни один не оглянулся на прощанье. Наверно, они не смогли понять, что ржавый корабль, скрипящий всеми швами даже в теперешнем нежном штале, был последним, что они смогли увидеть в этой жизни. В XXI веке. Ступая за борт, пролетая несколько метров вдоль бортов, они перемещались в каменный век, на другую, пока безмянную, планету. Но они этого еще не знали (не понимали). Известно это было только трем Всевидающим.

Пока Игроки затаскивали сундуки на плоты, крепя их конопляными веревками, АЛ разглядывал Остров в бинокль, а СК с неожиданной для человека его массы ловкостью прогрохотал по трапу вниз и встал рядом с СБ. Они подошли к корме, с которой были видны действия обоих Племен, и молча сели на свернутый в бухту канат. Все трое оценивающе посмотрели друг на друга. Они были знакомы много лет, и сейчас каждый из них пытался увидеть в другом изменения, которые, наверно, должны были произойти с ними после начала новой спирали их совместной жизни. На сорок дней за ними закреплялись возможности и обязанности Богов. И бултыхающиеся в теплой до вязкости карибской воде люди — это уже и их, СБ, АЛ и СК, рук творение.

3

Последние двенадцать часов 5-с совершал крестное знамение каждые три минуты. Приняв православие много лет назад, он читал молитвы и крестился несколько раз в день, но сейчас его рука совершала эти движения сама, а губы также самостоятельно шевелились, повторяя святые слова. Его разум отказывался понимать происходящее, и сердце рвалось к единственной защите.

Еще несколько минут назад, сидя на палубе и глядя на приближающийся вертолет, он ловил себя на детской мысли, что все это происходит во сне. Вот сейчас он откроет глаза и окажется дома, в России. Все силы его огромного тела были направлены на то, чтобы сдерживать разрастающуюся внутри панику, держать в узде рвущееся сердце, повторяя: «Это неправда, это неправда...» Правда. И он оказался здесь только по собственному желанию.

Когда он шагнул за борт, его уши отстраненно услышали чью-то фразу: «Ну все, сейчас все Острова потонут!» Кажется, это была шутка. Он погрузился под воду с головой, как и прыгнувшие до него. Но никто из Племени не узнал и не узнает никогда, что в теплой прозрачной воде сердце 5-с остановилось и глаза застлала пелена звериного ужаса. 5-с не знал, как он сможет до-браться до берега. Плот (а сейчас он понял это отчетливо) не сможет выдержать его веса. И он пойдет на корм рыбам.

Пелена пошла тающими пятнами, и в них он увидел обросший слизью борт корабля. Его надежно удерживал на плаву спасжилет, казавшийся игрушечным. 5-с судорожно сделал несколько глотков воздуха, закашлял и понял, что еще жив.

Неумело шлепая руками по воде, он поплыл к плоту, и, когда коснулся его, пальцы свело судорогой. 5-с вцепился в борт плота и почувствовал, что руки его не слушаются: как он их ни уговаривал, они намертво держались за плот. Рукам очень не хотелось утонуть. Но сердце 5-с почти успокоилось, ему захотелось засмеяться, громко заорать. Он плыл, черт возьми, он

держался на воде и не тонул!

5-с оглянулся, отфыркиваясь и улыбаясь. Большая часть девушек его Племени залезла на плот и держала сундуки, которые подавали из воды мужчины — 10-и, 11-и и 12-б. Им помогала высокая светловолосая девушка в купальнике цвета окружавшей их воды, 2-а. 5-с наблюдал, как она изгибалась, ныряя под плотом то туда, то обратно. «Вот, блин, русалка! — подумал он. — Ну, ладно. Поплыву на буксире пока, а там видно будет. Не потонул и слава те, Господи!» Что подумают о таком способе передвижения соплеменники, его особо не волновало. «Еще бы балаболку эту утопить, как ее, 9-н, что ли?!»

Даже сейчас, в общем беспорядке первых минут десантирования, 9-н понимала, что вокруг нее существует какой-то круг напряженности, что она «напрягает» своих соплеменников. Ее на секунду охватило уже знакомое отчаяние — не первый раз жизнь и люди к ней так несправедливы. Она же честно старается всем помогать, всем понравиться! Вот и 5-с сейчас на нее посмотрел, как на какую-то назойливую муху... 9-н встряхнула головой и приказала себе не отчаиваться — Игра только началась, и, кому надо, в нужный момент узнают, как она может быть нужна (она твердо в это верила). 9-н спрыгнула с плота и попыталась донырнуть до одного из сундуков, который, в отличие от остального скарба, не плавал на поверхности, а медленно, но верно погружался в воду. Набрав побольше воздуха, она нырнула и на ощупь нашла ручку на боку сундука. Дернула раз, другой и поняла, что сил поднять его на поверхность ей не хватит. И снова отчаяние стиснуло горло, и она порадовалась, что от соленой воды у всех соплеменников на глазах стояли слезы, никто не заметит ее состояния. Вынырнув, она огляделась и, подплыв к 2-а, схватила с другой стороны короб, который та буксировала к плоту. Она хотела быть полезной, очень хотела.

Короб, подтащенный ими (9-н с радостью отметила, что 10-и и 12-б посмотрели на них с одобрением), был последним из видимых на воде. Остальные либо утонули, либо остались на борту.

Теперь за дело взялся 12-б. Самый немолодой в Племени, он неожиданно оказался ловким мужчиной с подтянутым мускулистым телом и сейчас ловко переступал на плоту, приторочивая обрывками веревок сундуки к бамбуковым трубкам плота. Видно, что ему не впервой такая ситуация, он не стеснялся подавать команды, и остальные слушались, чувствуя дельность его слов. А огромный 5-с, о котором 9-н еще полчаса назад думала как о жожаке и переживала из-за его откровенно грубых взглядов, болтался как дохлый морж в кильватере. 9-н поняла, что у нее прямо сейчас появилась возможность получить надежную защиту и опору. Она снова залезла на плот и, сев на колени рядом с 12-б, стала помогать ему вязать узлы. При этом 9-н бормотала как бы сама себе: «Ух, ты! Как же у 12-б здорово все получается!»

Еще через несколько минут она увидела, что взгляд 12-б потеплел, и он пробурчал что-то вроде «умница». 9-н впервые почувствовала себя спокойно. Теперь она была (вместе!) с вождем. А в том, что 12-б станет главным человеком в Племени, 9-н не сомневалась.

«Твою мать! Твою мать! Ну и команда! Команда — просто ураган! Какого (биип!) я впутался в эту хренотень?! И с такими (биип!) мне жить сорок дней?!» 1-с сидел на ящике на краю плота и бешено вспенивал воду веслом. Он, конечно, не ожидал, что окажется в одном Племени с ангелами, а где-то в глубине души даже готовил себя к тому, что 2-а окажется на другом Острове, и даже находил это обстоятельство не бесполезным. По крайней мере, адаптационный период, в течение которого у него обязательно будут срывы (он знал это), пройдет вдалеке от ее глаз. Но такого... Такого расклада ему не могло присниться и в страшном сне. На плоту с синей маркировкой, знаком (теперь — и его тоже) Племени, и вокруг этого бамбукового квадрата, в воде были одни сплошные хари, отвратительные рожи. «Нет, конечно, 2-а правильно всегда говорила, у меня критерии нестандартные, но это... Это что ж такое? Даже поговорить ни с кем нельзя будет!» На секунду ему показалось, что его Племя — это какое-то наказание свыше. «Господи, не по вине кара!» — подумал он горестно.

Но следующая мысль была уже вполне в его, 1-с, стиле — циничная и злобная: «Ага, так это, значит, Всевидящие решили из меня психа сделать!» Теперь он не сомневался, что такой состав Игроков — верный расчет Выбирающих и Богов. Ну, конечно! Они специально засунули его к этим (биип!), чтобы посмотреть, как у него случится припадок бешенства на третий (максимум — на четвертый) день. «Им же только этого и надо! — он усмехнулся вкривь и

вкось. — Вот сволочи!» И загорланил, улыбаясь, слова, набитые выцветшей за много лет тушью на его руке: «Йо-хо-хо! И! Бутылка! Рома!».

Ритм повторяющихся слов песни оказался очень кстати — мужчины на веслах, сидящие по углам плота (4-с, 3-а, 8-а и он, 1-с), стали работать слаженнее, весла погружались в воду синхронно. Берег (их! Берег!), узкая полоска зелени с еще более узкой полоской белого песка, сразу перестал казаться недосягаемым миражом. Они двигались, они плыли. 1-с, продолжая горлопанить, почувствовал на себе сразу несколько взглядов. Спокойно одобрительный от 4-с, скрытое недовольство от 3-а («...ишь, уставился, четырехглазый!»). Девушки, плывущие рядом с плотом, смотрели на него с доверием, как на человека (вождя), контролирующего ситуацию, как на сильнейшего. Так, во всяком случае расшифровал их взгляды 1-с. 8-а просто работал веслом, подчиняясь общему ритму, и не торопился вступать в какие-то контакты с соплеменниками. «Вот, блин, чудака на букву „эм“, рогуль! Придадим тебя, как лягушку. И тебя тоже, борода 3-а». — 1-с сам не заметил, как записал всех присутствующих в союзники.

Через некоторое время 1-с с ужасом понял, что начинает уставать. Что тому было причиной — сверхдолгий перелет и джет-лэг*, после которого Боги не дали прийти в себя (а 1-с очень тяжело переносил самолеты), или его московская замотанность, или то, что он выкрикивал ритм, сбивая себе дыхалку, — неясно, скорее всего, все сразу. 1-с приказал себе (вообще-то он не надеялся на действенность таких приказов) не копать бесполезно в причинах, а просто не обращать на это внимания. Хотя не обращать внимания на то, что в горле становилось все суше и суше, а весло все тяжелее и тяжелее, было невозможно. Еще несколько гребков, и 1-с, матерясь про себя в свой собственный адрес, замолчал.

Тогда ритм подхватил 3-а. Он ничего не стал петь, просто мерно повторял: «И раз, и два». 1-с почувствовал знакомое раздражение, почти бешенство. Неожиданно он увидел взгляд 4-с. Тот смотрел на спину 3-а и усмехался с откровенным презрением. За что 4-с невзлюбил 3-а, 1-с не знал, но думать над этим не стал. Просто он почувствовал облегчение и даже прилив сил. «Отлично, просто отлично. Вот пускай эти двое дебилов друг друга перегрызут, а я буду смотреть и радоваться». 1-с обнаружил, что опять голосит очередную песню, задавая темп. 3-а быстро выдохся. И для 1-с это стало поводом для очередного прилива бодрости, он сам начал петь.

Улыбаясь, 1-с по очереди стал разглядывать соплеменников. Мужская половина Племена вызывала у него только раздражение, и сейчас он смотрел назад. К корме плота («хм, интересно, может ли у плота быть корма?») прилепились четыре девушки. Они, также подчиняясь общему ритму, работали ногами, руками подталкивая плот. 1-с подумал только о том, какой толк от этих плесканий, и опять обозлился: «...Козы, блин, бесполезные!...» Особенно его раздражали 7-и и 6-л.

6-е хотя выкладывалась, во всяком случае с виду, так же, как и все остальные, но при этом выражение лица у нее было приблизительно такое, как на главном монументе памятника ансамбля Родине в Волгограде. 1-с увидел в ее глазах раздражение и понял, что больше всего ей сейчас хочется залезть на плот и отдохнуть, но она боится это сделать. В качестве компенсации самой себе она разлила по своему лицу целый океан страдания. «Овца!» — еще раз подумал 1-с. Мысль о том, что у 6-е могут болеть глаза от соленой воды, ему в голову не пришла.

7-и же, наоборот, держалась лучше всех, лицо ее, хоть и напряженное, не выражало ничего, кроме отпечатка физических усилий. 7-и ровно дышала, выглядела совершенно не уставшей. Эта спокойная уверенность разозлила 1-с еще больше, чем показной страдальческий героизм барышни 6-е.

Сплюнув горькую слюну, 1-с отвернулся и продолжал грести. Через несколько минут он целиком сосредоточился на том, чтобы не терять ритм «кричалки». Он твердо решил держать себя в руках и ни за что не показывать членам Племена своих эмоций. «Буду ровным и посмотрю, как они грызться будут».

Не переставая грести, 4-с поднял голову и по солнцу определил, что с момента начала Игры прошло уже около двух часов. Его привыкшие к нагрузкам мышцы не чувствовали усталости, и ему оставалось только догадываться, насколько тяжело сейчас остальным Игрокам, тем, с кем ему предстоит жить бок о бок. Он уже давно решил, что не позволит себе ни с кем ссориться, но несколько часов назад, обнаружив на своем рюкзаке синюю загогулину

— знак Племени, испытал секундное раздражение. Только секундное — 4-с было хорошо известно, как выматывают человека любые эмоции, и он умел их контролировать, сберегая силы. «Да, в общем-то, не все так плохо. Вот с 6-е повезло, девчонка красивая, жалко ее сейчас, бедную. И 7-и тоже с нами. Хотя они, наверно, поодиночке будут, бабы красивые всегда друг на друга бесятся... К ней, наверно, 1-с подкатит. Москвичи всегда общий язык найдут. Станный он какой-то, этот 1-с. Не пойму я его. Надо с ним поосторожней, прощупаем, что к чему, там видно будет. 8-а — козел, „съесть“ бы его поскорее...»

Посмотрев на солнце, 4-с опять опустил голову, пряча глаза от жгучих лучей. Время от времени он бросал исподлобья взгляды на своих соплеменников и все больше наполнялся спокойной уверенностью, что он выживет. «Надо только союзника, хотя бы одного — обязательно. Вот 6-е, наверно, и возьму. Классная она и красивая. А 3-а и 8-а — ни хрена они против нас не сделают, поодиночке-то...»

«Боже мой, когда же это закончится?.. — 6-е чувствовала, что ее начинают оставлять силы. — Что же они гребут так медленно, слабаки!..» Ей казалось, что они плывут уже много часов, и с каждым часом она все больше и сильнее начинала чувствовать себя обманутой. Море, ласковое море, которое 6-е так любила, теперь выедало ее глаза, кожа невероятно зудела. Берег, к которому они плыли, был не виден — в измученных солью глазах все вокруг выглядело размытым, теряющим очертания. Да если бы она его и увидела, вряд ли бы ее это обрадовало. Только сейчас 6-е начинала понимать, во что ввязалась. «Боже, мне надо только одно — душ с пресной водой. И темные очки. И еще сока». — Она представила стакан апельсинового сока, большой, с мякотью, с кубиками льда — и едва удержалась от того, чтобы не застонать. Но под пальмами, на отдельные силуэты которых уже начала распадаться неопределенная зеленая полоса берега, не будет ни того, ни другого, ни третьего. И это вызывало в 6-е новые и новые волны отчаяния.

Она посмотрела вверх — в задней части плота сидели на веслах двое мужчин, 4-с и 1-с. При взгляде на их спины была особенно заметна разница телосложений. 4-с казался чуть не вдвое шире своего тезки. И 6-е улыбнулась впервые с момента погружения в теплую карибскую воду. Ее расчет оказался верен, не зря она так старалась на протяжении всего пути сюда, через четыре полушария. 4-с не даст ей пропасть. «Он такой.. сильный! Только, кажется, глупый. Глупый, как ребенок». Но 6-е тут же поняла, что ошибается. 4-с действительно походил на мальчишку своей открытостью, однако 6-е видела, что этот парень не так прост. Сила была не только в его широких плечах, но и внутри его, в глазах... И еще что-то. Что-то таинственное, что 6-е заинтриговало, и ей очень хотелось, чтобы 4-с ей доверился и рассказал все-все. «Да так и будет, уж его-то я точно сделаю послушным». 6-е увлеклась и почти забыла о зуде и боли, истязавших ее нежное лицо и тело. Вдруг она отчетливо почувствовала, что нога уперлась во что-то твердое. Раз, другой. «Ребята, ребята! Все! Дно! Я стою, мы доплыли!» Все лица разом повернулись к ней, радостные, излучающие симпатию. Другие девушки Племени, которые были ниже ее ростом, еще держались за края плота. Мужчины попрыгали в воду и стали дружно толкать плот к еще довольно далекому берегу.

...Через 3,5 часа после начала Игры племя Синих объединилось. Каждый понимал, что этому чуду, этому прекрасному чувству твердой земли под ногами они обязаны друг другу...

Несколько Смотрящих стояли на берегу и наблюдали за приближающимся квадратом плота, облепленного по периметру черными точками голов. Смотрящие переговаривались, напоминая себе Правила Игры: не показывать эмоций, не вступать в диалоги и любые контакты с Игроками. Честно говоря, они не очень хорошо представляли, как можно жить рядом с людьми круглые сутки и при этом делать вид, что тебя нет.

Игроки, толкая плот, подошли к самому берегу, и Смотрящий-камермен включил аппаратуру. Они читали психологические портреты Игроков, знали о том, что Боги специально собрали в Племена людей не просто разных, а по-настоящему антиподов, которые никогда не смогли бы встретиться «там», вне Игры. И Смотрящие логично полагали, что сейчас и вообще на первых порах Игроки будут держаться поодиночке, максимум — попарно. Слишком уж они разные.

Но... выходящие из воды люди имели вид законченного сообщества, одной компании. Они смеялись, девушки улыбались мужчинам и те улыбались им в ответ. Восьмерка Игроков

дружно подхватила плот, продолжая свое движение, и вынесла его на берег вместе со всем грузом.

Они остановились в нескольких метрах от воды и стояли, тяжело дыша, плечом к плечу. «Племя!» — их вид сейчас внушал уважение. Они были очень красивы, эти восемь Игроков. Конечно, их измотал многочасовой путь до берега, они чуть пошатывались, с тяжелой мокрой одежды текли маленькие водопады, лица и открытая кожа почти у всех были обожжены, но они осматривались вокруг с живым интересом. В их глазах светилась непередаваемая смесь детского любопытства и уверенности конкистадоров. Они прошли первое испытание. «Интересно, будет ли это выражение видно на пленке?» — подумал Смотрящий.

Отдышавшись, они веером (Смотрящему пришло на ум сравнение с пальцами руки, ищущей что-то на ощупь) стали расходиться по Острову, обмениваясь репликами. На берегу остались двое. То, что еще минуту назад казалось (было) Племенем, теперь снова стало группой малопривлекательных друг другу людей. Одна из девушек тяжело опустилась на песок и устало закрыла глаза. При этом Смотрящего охватило противоестественное чувство, что девушка продолжает смотреть по сторонам даже с закрытыми глазами, готовая в любой момент их открыть и осчастливить улыбкой подошедшего к ней. Конечно, если это будет мужчина, желающий выказать... какой-нибудь знак внимания. Смотрящий мысленно укорил себя — им запрещалось иметь антипатии и симпатии.

Второй из оставшихся (Смотрящий помнил, что он — самый молодой в этом Племени) на берегу, худой парень в камуфляжных штанах и майке с надписью «ХулигаН», непочтительно стоял спиной к Острову. Сложив ладони козырьком, он смотрел в море, пытаясь что-то разыскать среди множества солнечных искр. Наконец ему это удалось, и он застыл, не мигая глядя в одну точку.

Хотя парень был неприятен Смотрящему («нельзя!» — одернул он сам себя), но 1-с заслуживал сочувствия. В полутора километрах от него среди семи незнакомых людей плескалась его любимая девушка. Из сообщений по радиации Смотрящий знал, что соседнее Племя попало в течение и, хотя все они выбивались из сил, их плот не приближался к берегу ни на йоту. «Хорошо, ему хоть с этой точки беды не видно», — подумал Смотрящий.

«Держись, держись, давай, раз, еще, еще!» — 2-а подгоняла себя словами, звучащими в ее голове параллельно со счетом, который задавал 12-б. За несколько часов, прошедших с момента выброски, он успел получить право командовать Племенем. Она давно уже не смотрела по сторонам, не видела, как работают веслами (или плывут рядом) ее соплеменники. 2-а смотрела не отрываясь, вниз, в толщу воды. Под карибской прозрачностью виднелось большое темное пятно, поле донных водорослей. Прошел уже час (может быть, два или три — она старалась не думать об этом), а граница между чистым песчаным дном и водорослями все так же оставалась прямо под их плотом, не желая уползать назад, за спину. «Работай, работай, еще, еще, а то что он про меня будет думать!» — 2-а пустила в ход свой последний запас. С момента десантирования, нет, чуть раньше — они еще были на одной палубе, но уже принадлежали разным Племенам, — уже выросла (или обрушилась сверху ножом гильотины) стена, которую двадцать три дня не удастся пробить ничем. Тогда он обернулся, и она последний раз увидела его большие глаза — глаза, которые любила больше всего в этом мире. 2-а запретила себе эту мысль — мысль о том, что она теперь одна.

Но сейчас, чувствуя, как из зудящего от соли и солнца тела уходят силы, она опять вспомнила о нем, и мысль о любимом стала разрядом электрошока. Там, в другом мире, до Игры, она бы горько заплакала, но сейчас лишь сильнее налегла на весло.

«И раз, и два, и три — Игрок 11-и вел свой ритм, не слыша слов 12-б. Он уже давно (точнее, почти сразу) отключился от этих „человеческих“ раздражителей, рассуждая, что сейчас не до установления контактов и прочей политики. Просто надо грести. Просто надо забрасывать эту грубо обработанную под весло доску вперед, а потом подтягивать ее к себе. Игрок 11-и решил для себя еще до начала Игры, еще на отборе (в том, что он попадет в Игру, 11-и не сомневался), что он будет играть только так. Только изо всех сил и только по-честному. Вот сейчас надо работать веслом.

И он выбрасывал вперед свои костляво-жилистые руки и нагибался всем корпусом, потом тянул на себя. 11-и не слышал и почти не видел ничего вокруг. Не от усталости (он знал, что

еще может проработать в таком ритме много часов), просто он целиком сконцентрировался на весле, на море и на своих руках. «...И раз, два, и три — так и прорвемся», — думал он.

Племя оранжевых добралось до своего Острова к закату...

4

...В смотровой, которую они называли «Третьим глазом», набилось больше человек, чем, казалось, вообще есть на Острове. Скрытые камеры ночного наблюдения начали беспристрастный рассказ о том, КАК на необитаемых островах архипелага «Дыхание Быка» родилась жизнь. Шла первая ночь Игры, и у мониторов собрались все Смотрящие, Хранители и Боги. Каждое действие Игроков вызывало в «Третьем глазе» всплеск шуток и комментариев. Хотя Смотрящие говорили, что им необходимо как можно больше наблюдать за Игроками (чтобы понять суть каждого сейчас и соль изменений, накладываемых на это каждого человека Игрой), было очевидно, что большинство присутствующих привело в эту комнату чистое любопытство.

Черно-белые картинки на мониторах были нерезкими, четкости изображения мешала вода. Это был первый из сюрпризов, преподнесенных Игрокам, — несмотря на то что весь день шпарило солнце, ночью стеной разразился ливень и небо зашло вспышками. Так обычно ведет себя природа в этих краях в это время года, но Игроки, понятно, об этом не знали.

Изнуренное долгой дорогой до твердой земли Племя оранжевых было не в состоянии сотворить хоть что-нибудь для защиты от стихии за те полчаса, которые оставались у них до заката солнца. И сейчас восемь человек металась под пальмами, пытаясь прикрыться то кусками полиэтилена, то собственной скудной одеждой, в общем, у них не было ничего, чем можно было хотя бы сдержать тяжелую картечь тропического ливня. Наблюдатели, толпящиеся в операторской, мыслей о том, что сейчас чувствуют Игроки, старались не допускать. С начала Игры прошли сутки, но Смотрящие уже поняли, чем был продиктован наложенный Богами запрет на эмоции. Все сильнее и сильнее замерзающие под дождем в выколи-глаз-темноте люди вызвали естественное человеческое желание помочь. (А помощь Игрокам была самым страшным преступлением, которое могли совершить Смотрящие или Хранители.)

На другом Острове положение было если и лучше, то лишь символически. Синие успели растянуть кусок полиэтилена над принесенным с берега плотом, но места под этим навесом на всех не хватало, кроме того, чтобы пленка не порвалась и ее не сорвало ветром, ее приходилось постоянно придерживать руками.

Смотрящие расхохотались — на одном из Игроков синих, 4-с, были только плавки (полагая, наверно, что одеваться при таком ливне все равно незачем), и после двухчасовой смены «удерживания крыши» он замерз так сильно, что это было видно даже на мониторах. Его гроздью облепили Игроки-девушки, согревая парня со всех сторон. «Хочу в Игру, держать домик!» — сказал один из Богов.

Тропический ливень, кажется, начал стихать. В сплошном трехмерном потоке (Игрок 7-и сказала: «Как в аквариуме»). Но шутке никто не улыбнулся — это было слишком точно) стали прорезаться отдельные струи, в вспышках молний они казались лохматыми веревками, которыми тучи были привязаны к земле и морю. Еще через час (время названо условно, никто из Игроков не взялся бы определить, сколько времени прошло после заката, сколько продолжается ливень) ливень прекратился. Вместо него пошел обычный дождь.

Хотя ветер дул с прежней силой и молнии все так же ярко выхватывали своим белым светом лица Игроков, сидящих, лежащих и стоящих, все почувствовали облегчение. Даже дышать этим тяжелым воздухом, наполненным духотой испарений, стало легче. Заворачиваясь в промокшие спальные, Игроки один за другим замирали, проваливаясь в неподвижный сон очень уставших людей.

Ветер, не стихавший всю ночь, слизал своим упругим языком всю тучную темень. Дождь прекратился, и синее небо начало стремительно светлеть, насыщаясь безо всяких оттенков оранжевым. Раздавались скрипучие голоса черных небольших птиц, походивших на галок. Приближалось утро. Прошли первые сутки Игры, прошла первая ночь на Островах.

К рассвету (никто еще не успел после перелета перестроиться на местное время)

Смотрящие и Хранители разошлись, оставив после себя в «третьем глазе» плотные слои сигаретного дыма и пару пустых бутылок. СК поднялся из кресла, стоящего перед экранами, и открыл окно. В комнату ворвался свежий рассветный воздух. Изображения на экранах стали совсем тусклыми, но СК продолжал смотреть на них. Он знал, что сегодня ему так и не удастся заснуть. На экранах транслировалась Жизнь. Жизнь, которую они сами вдохнули (поселили?) на этих мертво-не-обитаемых Островах. Он привыкал чувствовать себя демиургом.

Когда небо начало светлеть, а его восточная сторона стала все больше походить на апельсин, 7-и проснулась. В молодости она часто ходила в горы, ей нравилась эта единственная доступная в СССР романтика, наверно, поэтому мокрый спальник и горбыли плота под спиной не вызывали у нее такого органического ужасного неприятия (которое она увидела на лице одной из девушек). 7-и спокойно проспала несколько часов и сейчас, на рассвете, чувствовала себя вполне сносно. Только в животе заурчало — первый сигнал будущего голода.

Она открыла глаза и увидела над собой широкие пятерни пальмовых листьев, сквозь эти пальцы были видны быстро-быстро бегущие облака с просветами аквамарина между ними. Пальмы раскачивал ветер, но 7-и казалось, что это земля под ней зыбко качается, что Остров несет по волнам. Она проснулась с улыбкой и с улыбкой начала жизнь на Острове.

Один за другим выползали из-под пленки Игроки, теперь ей предстоит жить с ними вместе, они — ее родственники. Мужчины Племена имели пасмурный вид, двигались неуклюже, оказавшись на открытом пляже, потягивались и пытались делать какие-то гимнастические упражнения. 7-и догадалась, что у них у всех болят мышцы от вчерашней весельной работы. Девушки выглядели посвежее.

Потом все подошли к кромке волн умыться и чистить зубы, купаться. 7-и опять почувствовала восторженное удивление от того, какой теплой и прозрачной оказалась вода. Она ласкала и освежала, дарила чистую, ясную бодрость. 7-и еще раз обвела глазами свое Племя и увидела, что море подействовало так не только на нее — лица Игроков разгладились, исчезла оставшаяся после мрачной ночи сумрачность. На востоке идилически показалось солнце, и воздух сразу стал горячим, прошло ощущение сырого холода. 7-и зашла в воду и, сев на бархатно-мягкий песок, повернулась к Острову. Она объездила множество стран, видела самые разные уголки природы, но этот клочок суши показался ей маленьким кусочком рая. Она удивилась сама себе: среди незнакомых людей, еды-воды нет и неизвестно когда будет, она чувствовала, как в такт мягким карибским волнам ее качают другие, невидимые волны — волны радости. Она чуть нахмурилась — ей вспомнилось то, что случилось с ней ДО Игры, то, от чего она так хотела убежать, спрятаться. И через несколько секунд 7-и снова улыбалась. «Удалось, получилось! — думала она. Ей удалось скрыться. — Да, вот поэтому мне и чудится рай на этом островке — здесь нет, здесь не может быть ничего, что... — она прогнала эту мысль. Поднялась и пошла к берегу — из лагеря, подзывая ее, махал рукой 4-с. — ...Симпатичный он парень... Хорошо бы еще и человеком таким же оказался...»

СБ устроился поудобнее и увеличил громкость динамиков до максимума. Племя синих собралось на краю пляжа, на границе песка и сельвы. Камеры на деревьях удачно снимали этот первый Совет, но ближайший микрофон-жучок находился далеко, и чтобы разобрать, о чем они говорят, приходилось напрягать слух.

Впрочем, через несколько минут СБ уменьшил звук — все равно речь с трудом различалась между посторонними шумами и потрескиваниями, а для него сейчас вполне хватало выражений лиц и жестов Игроков. СБ хотел посмотреть, кто будет больше всех говорить и будут ли его слова значить хоть что-то для остальных, кто будет молчать и кто осмелится первым пойти на конфликт. В том, что это все произойдет в ближайший час, он не сомневался.

Восемь Игроков стояли и сидели в круг. Лица некоторых были улыбочиво открытые, кто-то (как 1-с), наоборот, смотрел на всех мрачно, явно не симпатизируя никому и не рассчитывая ни на чью симпатию. Первым заговорил Игрок 3-а. Его лицо светилось значительностью мудрости, сквозь очки он смотрел на всех чуть снисходительно. Жесты его были лаконичные и уверенные. Он говорил довольно долго, и реакция слушавших была разная. Девушки согласно кивали, Игрок 8-а улыбался явно недоверчиво, 4-с отошел чуть в сторону, и СБ увидел на его лице презрительную ухмылку (уже знакомую Игроку 1-с), а 1-с начал что-то

горячо доказывать в ответ. 3-а слушал его со все тем же снисхождением, и было видно, как бесится, заводясь все больше, 1-с.

Потом все, видимо, замолкли, разом повернувшись к 6-е. Она коротко что-то сказала (выражение ее лица при этом состояло из странной смеси высокомерия и детской обиды) и, резко развернувшись, пошла прочь. Оставшиеся Игроки посмотрели ей вслед с удивлением, презрением, насмешкой. Только у 4-с мелькнуло что-то вроде понимающего сочувствия. Потом они продолжили беседу и проговорили еще около получаса, периодически махая руками в разные стороны, и наконец разошлись. Каждый двигался поодиночке, в своем направлении. СБ переключил мониторы, теперь на каждом экране было по одному Игроку. Они рубили и несли в лагерь толстый бамбук, молодые крепкие деревья — все то, из чего можно было построить дом. Видимо, они пришли к согласию и создали некий план. Когда началось строительство, СБ переключился на соседний Остров, отметив только, что и постройкой руководит не 3-а, а 4-с. У него действительно это получалось здорово, казалось, он целую жизнь только и занимался сооружением бамбуковых домиков.

«Боже, вот идиоты! Какие они все идиоты! Пионерское собрание устроили... 3-а еще бы предложил линейки по утрам проводить! Видеть их всех не могу! Хотя... хотя если они правда дом построят, то хорошо. Я так замерзла этой ночью! Они ведь не представляют себе, что это такое — мокрый спальный мешок!..» 6-е зашла подальше в воду и выговаривалась всласть, чувствуя, как ей становится легче, как проходят раздражение и озлобленность.

«Хотя... блин, а им не жирно будет, я еще с ними ласкаться должна! Нет уж, пускай знают, что я про них думаю!..» С самого утра 6-е ловила на себе взгляды, в которых она видела насмешливое непонимание, и это злило ее все сильнее. «Они даже не представляют, как мне тяжело, как трудно, а я с этим всем справляюсь!»

6-е опять вспомнила прошедшую ночь и действительно почувствовала себя настоящим героем. Какая еще девушка сможет выжить в таких условиях! И с такими ослами мужчинами, совсем, ну абсолютно не обратившими на нее никакого внимания! Она посмотрела на Остров. Ей было видно, что на краю пляжа, под первыми деревьями, ее Племя решило ставить дом. 6-е имела замечательную способность, которая помогала ей в жизни оставаться уверенной в себе, в своей красоте, уме, силе, таланте. Она умела не замечать тех, кто был в чем-то сильнее ее, и не обращать внимания на тех, кому она была несимпатична. (А если уметь видеть людей так, то всегда будешь жить в ласковом гармоничном мирке, созданном для того, чтобы поклоняться тебе лично.) Сейчас остальные девушки Племени также таскали материалы, сустились вокруг мужчин — 6-е до этого дела не было.

«4-с только умница, но он что-то молчит все время рядом с ними. Надо пойти пообщаться с ним. А то еще забудет про меня. Вон, та корова, 13-с, своим выменем ходит трясет. И 7-и — тоже мне, труженица-красотка».

6-е понимала, что без 4-с ее положение в Игре будет крайне шатким, и не собиралась ослаблять свои чары. Она вылезла из воды, подошла к 4-с, предложила помочь. Хотя вокруг было еще шесть помощников, 4-с, улыбнувшись, тут же согласился.

«Вот так-то лучше. Хорошо бы еще дать ему понять, чего мне эта ночка стоила». 6-е совсем по-детски захотелось, чтобы хоть одна живая душа оценила то, как она выдержала. Она выдержала.

День второй Игры... Действия обоих Племен напоминали зеркальных близнецов. Они так же строили дом, и так же командовавший до этого 10-и чуть подался назад — он освободил капитанский мостик для 12-б. Всем Игрокам было очевидно, что 12-б, оказавшийся днем раньше умелым гребцом, так же уверенно сможет построить и дом. 12-б взялся за работу, отдавая остальным краткие команды, он выглядел спокойным, даже чуть апатичным. Казалось, место вождя (и власть — раньше или позже так должно произойти) ему совсем не улыбается. Только 2-а, помогавшая 10-и собирать и таскать длинные жерди, вернувшись в очередной раз в лагерь, вздрогнула, увидев лицо 12-б. В этот момент он делал что-то, низко нагнувшись, и никто из Племени не мог видеть его глаз. И тогда, в его глазах, особенно ярких на морщинистом, уже начавшем загорать лице, светилось горделивое, чуть жестокое торжество победителя.

«— Хорошо, хорошо... Отлично, все идет по плану. В этой сволочной Игре надо

обязательно иметь план, и по нему действовать. Никаких эмоций, главное — план! — 12-б, продолжая руководить постройкой, обдумывал свои дальнейшие действия. По его расчетам, перспектива через сорок дней уехать отсюда победителем была более чем реальной. — Сейчас надо на свет не лезть, вести себя тихо. Вон 10-и хочет командовать — пускай командует. Его и съедят сразу, кому командиры тут нужны? А я по-тихому, по-тихому — и выживу. Вот 9-н за меня. Уже неплохо. Балаболка она бестолковая, все время верещит — тоже скоро всех достанет. А пока пускай со мной будет, раз ей так хочется. Даже оно и к лучшему — на себя внимание переключать будет. А я — я по-тихому». Вокруг работало племя, его тихие советы постоянно перекрывались громким голосом 10-и. «Он же вроде бы командир? Ну вот и тянет его командовать». Несмотря на громкий убедительный тон, 12-б замечал, что Племя этими командирскими замашками недоволено. 12-б заметил, как 5-с саботировал очередной приказ 10-и, тихо выругавшись. 12-б понял, что рассчитал все верно. Сознание того, что он рассчитал все верно, наполнило радостью не только сердце, по мышцам пробежали бодрые иголки. 12-б улыбнулся, но тут же нагнулся, пряча улыбку. Нельзя показывать это Племени. Пока надо — по-тихому.

«Вот, черт старый! И ведь слушаются его, слушаются! Ох и хитрый же он! — 10-и испытал такой острый приступ раздражения, что удивился (испугался?) даже сам. — И ведь что самое-то оно — он же не говорит ничего важного, все это и так очевидно! „Надо строить дом, чтобы крыша обязательно не протекала!“ Ох, старый черт, достукаешься ты!» Они были самыми старыми Игроками в Племени, и, может, поэтому 10-и видел, как ему казалось, все ухищрения 12-б. Он раздражался все больше и больше, уже почти злился. Они говорили и делали одно и то же. Но симпатии Племени были очевидно на стороне старика 12-б.

Служба морского офицера приучила 10-и контролировать все свои эмоции, и он быстро успокоился. И даже обиду за такой идиотизм ситуации, в которой сейчас оказался, отдавая команды в пустой воздух, он проглотил молча. «Ладно, еще посмотрим, кто кого!» — подумал он. У него был тайный козырь, и, успокоившись, он почувствовал себя Гулливером среди лилипутов — настолько слабы были попытки 12-б завоевать симпатии и власть по сравнению с тем, что придумали ОНИ. Про остальных Игроков и говорить не стоило. Все они зависели только от Его («от нашей» — поправил он себя) симпатии. Вот, например, 10-и или 2-а — славные ребята, пусть играют, пусть живут. «Кишка у них тонка», — улыбнулся 10-и, окончательно успокаиваясь.

...Солнце уже опускалось к линии слияния воды и неба и меняло свой цвет на тревожно-красный. «Быть дождю ночью, опять намокнем», — решил 10-и. Постройка, созданная 12-б, не годилась ни к черту, 10-и это отлично видел и испытал мстительное удовлетворение. Он представил себе, какие будут лица у Племени, когда они проснутся в мокрых одеялах, и даже то обстоятельство, что он будет среди них, его не расстроило. Главное — все поймут, чего стоит этот 12-б.

«Будет дождь», — повторил он вслух, повернувшись к 13-н. Они вдвоем вышли из лагеря (это небольшое пространство ровной земли между пальмами уже стало именоваться лагерем). Вдвоем — не совсем точно. Они вышли порознь, один за другим, и почти случайно встретились на тихой полосе мягкого песка, которая растянулась по западному берегу Острова. Они не спеша прогуливались, радуясь тому, что окружающее их спокойствие природы проникало и внутрь и что естественная подавленность людей, не евших вторые сутки, почти исчезла.

Они шли, и если бы кто-то сейчас услышал их разговор, то вряд ли их слова взволновали бы даже самого подозрительного человека. Разговор шел о том, как скоро надоедят кокосы, единственная доступная сейчас пища, и чем еще можно разнообразить это убожество. Еще по дороге сюда, до начала Игры 10-и говорил, что там, где есть море и есть берег, он сможет устроить деликатесный стол на любое количество персон. Сейчас он почему-то не вспоминал о своих словах, и 13-н, хотя и отлично помнила эту фразу, тоже предпочитала не напоминать о ней.

Разговор их был, как уже сказано, безобидным. Но оба прекрасно понимали кое-что, о чем вслух не говорили, — то, что они гуляют сейчас именно вдвоем, а эта беседа о еде — всего лишь прикрытие. Прикрытие того, что вскоре станет называться Коалиция. Они уже решили, что их голоса всегда будут направлены против одного человека. В ближайшее время это вряд

ли пригодится, но скоро, совсем скоро два голоса станут самой главной силой Игры. Глядя друг другу в глаза, они улыбались — за будущее в Игре можно не волноваться, оно принадлежит им.

...Возвращались в лагерь они также порознь. 13-н предложила (и тут же получила его согласие), что их союз пока стоит держать в секрете от Племени. Пока еще их слишком легко можно разбить. Но потом... Подойдя к лагерю, 10-и встретился взглядом с 12-б, и одной секунды ему хватило, чтобы понять: 12-б о многом догадывается. «От, старый черт», — хмыкнул 10-и привычно. Это никак не поколебало его спокойствия.

...Если бы 10-и услышал хоть краем уха, о чем беседовал с некоторыми из Игроков 12-б в его отсутствие, он вряд ли был бы столь невозмутим...

«Вот, мля, хренотень какая вышла! Попадос!» — 5-с сидел на песке, подставив безразмерно широкую спину мягким лучам только взошедшего солнца. Оно мягко грело его тело, выгоняя скопившийся за ночь озноб. Ночью опять прошел ливень, он свободно пробивал крышу, и Игроки опять вымокли насквозь. 5-с оглянулся: сине-зеленое прозрачное море, небо с остатками ночных туч, яркая зелень кокосовых пальм. Но весь этот мир казался 5-с каким-то нереальным, как за стеклом. Его разум не мог до конца вместить нынешнее положение вещей. И что-то, холодком живущее под сердцем, подсказывало, что оно и к лучшему. Реальность для 5-с была штукой непереносимо-убийственной. Никогда не видевший моря, не умеющий плавать, не умеющий обходиться без пищи более нескольких часов — он оказался на этом микроскопическом пятачке суши посреди океана. И стал заложником собственного тела — тела, на строительство которого потратил долгие годы и которым гордился. С утра у него закружилась голова и неприятно застучало сердце, а дальше будет только хуже. За два дня твердая, безвкусная, белая с черными скрипящими крошками скорлупы мякоть кокоса уже вызывала у него стойкое отвращение. Но больше не было ничего, чем можно было бы поддержать его такие безграничные (ТАМ, до Игры) силы. Сейчас их почти не осталось. 5-с был вполне вменяемым человеком и где-то даже понимал, что еще несколько дней — и с ним случится что-то страшное. Эта пленка, кокон, закрывающий от реальности его рассудок, скоро порвется. «Зачем я здесь?!» — спросил он себя риторически в тысячный уже раз. Сорок дней, через которые закончится Игра, — ему не выдержать. 5-с не понимал, как его сюда занесло и что он здесь делает, он отказывался вспоминать то обстоятельство, что он САМ пришел на отбор, что рвался изо всех сил, что редко чего-либо в жизни он хотел так сильно. «Это был не я».

Сутки назад, на второе утро Игры 5-с принял решение выходить из Игры. Ср (биип!) он хотел на все, никто не предупреждал, что будет ТАК. «Эх, вообще-то предупреждали...» — подумалось ему с тоской. Просто 5-с был человеком, не ведающим страха и поражений, и представить себе ситуацию, которая окажется сильнее его, просто не мог. Хотя именно такая ситуация была сейчас.

Раздались тихие шаги — 5-с обернулся. К нему, размахивая руками, приближалась 9-н, улыбаясь и глядя ему прямо в лицо. 5-с не удержался от гримасы. С момента высадки 9-н нисколько не изменила своим привычкам, оставаясь затычкой для дыры любой конфигурации. Ее чуть хриплый голос постоянно разносился над лагерем, перекрывая иногда даже командирские порывкивания 10-и. Ее, казалось, нимало не заботило то раздражение, которое она вызывала у окружающих. Сейчас 5-с нашел мужество признаться себе, что еще сильнее, чем этот неумолкающий треп, его раздражает бодрость и энергичность 9-н.

«Мне надо с тобой поговорить, — сказала она, опускаясь рядом. — Можно?»

Первое, что он увидел, на рассвете, когда открыл глаза после ночного тревожного сна. были резные ветви пальмы, черные на фоне бледного, незнакомого оттенка неба. В темной еще сельве кто-то отчаянно пропищал.

И... и на него обрушилась — молотом по голове — лавина запахов. Ощущаемые очистившимся от табачной копоти носом завораживающие звуки сельвы и — подкладкой под них — вечный шум прибоя, вся сверхщедрая яркость этого маленького мирка, который был частью Карибских островов (а не только местом Игры — он понял это только сейчас), — все это 1-с увидел, услышал, почувал.

Человеческие пять чувств оказались неподготовленными для передачи в мозг (в душу?) того мира, в котором они оказались по прихоти Богов и по своему чистому в неведении

желанию. Потребовалось некоторое время на адаптацию — и теперь она закончилась. И впервые подумал: «Что же станет с нами потом, когда Игра закончится? Вся жизнь вокруг будет для нас, как больной зуб. Мы мутируем».

Постепенно дыхание и пульс, сбившиеся от обрушившегося на него водопада эмоций, пришли в норму, и это открытие стало блекнуть и уменьшаться в размерах. Когда из хижины (а он спал отдельно, в гамаке) стали выползать Игроки, все рассветные мысли окончательно съезжились и уползли в темные глубины сознания. Сегодня им предстояло очередное испытание и, быть может, Совет. А значит, у него есть шансы вылететь из Игры. «Надо себя обезопасить», — инстинкт самосохранения занял на время всего его, без остатка. Игра вошла в него, он был Игроком — и это было единственно важным.

Вспышка чувств угасла и забылась (на время), но после нее осталось ощущение — пропало что-то важное, как будто в трюме корабля появилась течь, а команда пребывает в блаженном неведении, хотя сами скоро потонут.

Из Игрока стало по капле вытекать его прошлое, его прежняя сущность. Пока это выразилось только в том, что он с удивлением отметил, что совсем не грустит по дому, что еды бы побольше — и можно здесь оставаться до седых волос.

Солнце перешло зенит, и в лагере синих, вопреки воле и желаниям, настало затишье. Игроки лежали на песке, прикрыв головы разнообразными головными уборами, изредка заходя в воду, лениво, словно нехотя. Только 4-с неутомимо плескался в воде уже не первый час, чем в конечном итоге привлек внимание 1-с. Приподнявшись на локте, он стал рассматривать 4-с, его глаза, в которых всегда можно было увидеть настроение и отношение к человеку, сейчас были полуприкрыты, лицо непроницаемо. Хм, вот ни болта себе — родственничек. Соплеменник... А по-другому посмотреть, Иван-дурак, иначе не скажешь». Блаженно улыбающийся 4-с действительно выглядел дурашливо. Еще пару месяцев назад он здорово завидовал тем, кто летом ездит к Черному морю.

4-с скоро почувствовал на себе его взгляд и, резко повернувшись, поймал его. И улыбнулся еще шире. Выйдя из воды, он упал на песок и несколько раз отжался. Тогда стало видно, что его тело толстоватого увальня состоит из чистых мышц. Сейчас на него смотрело уже все Племя. Даже 3-а и 8-а, пытавшиеся раскопать норку краба, занятые этим, казалось, сверх всякой меры, скосили глаза в ту же сторону, к 4-с.

«Здоров, ой здоров... С таким мы будем — ха-ха-ха-ха дружить...» В этот момент 4-с поднялся и подошел к 1-с. Наклонился и, бросив быстрый взгляд в сторону старших Игроков (3-а и 8-а), неожиданно произнес: «Вот му(биип!)и, а?!» И снова улыбнулся. 1-с не успел среагировать, слишком такое заявление походило на волос в супе на фоне общей подчеркнутой лояльной вежливости и слишком это совпадало с его мыслями. Он только открыл рот, а 4-с уже отошел и завязал беседу с 6-е, которая лежала на песке, изящно выгнувшись. «От, коза какая! И главное, врубается ведь, что эти черные лоскутки на белом песке выглядят по-настоящему круто, для того и лежит на солнцепеке. Не жди, ничтожество, я не туповатый 4-с, я на твои титьки не поведусь...»

Так думал 1-с и додумался до того, что его беспокойное сердце еще больше ускорило ритм, настолько его раздражали поза, наряд, выражение лица и манера разговаривать 6-е. Мысль о том, с чего это так разоткровенничался 4-с, ушла в подсознание. Если бы ему кто-нибудь сказал, что 4-с проронил эту ругань не случайно, рассчитывая проверить его, 1-с, реакцию, он бы о-о-очень удивился.

«Раз, раз, раз, раз... Быстрее, быстрее. Давайте, сволочи, не тормозите, быстрее! Шевелитесь, шевелитесь!!!» — 1-с мысленно разговаривал со своими руками. До недавнего времени он любил себя, любил свои мышцы, был ими доволен. Но последний год у него шло все наперекосяк, он почти перестал есть, но скуривал по две пачки в день и не раз ловил себя на том, что, если бы не 2-а, он бы давно уже ездил по барыгам. В результате его мышцы ссохлись до карикатурных канатов. И, вынужденный ходить почти полностью раздетым перед незнакомыми ему людьми, он, и так психованный, раздражался еще больше. Утешением служило знание о том, что все равно он сильнее и выносливее большинства людей.

Но сейчас мышцы переставали слушаться, 1-с с отвращением чувствовал, что еще максимум полчаса работы — и руки начнет сводить. И неважно, что он сидит, согнувшись, уже

не один и не два часа, хотя напарники его меняются. Он, 1-с, должен держаться дольше всех их, вместе взятых.

Теперь напротив него, сменив 4-с, снова уселся 3-а. Он послушно взялся за короткую палочку, привязанную к конопляному шнуру, и на «раз-два» принялся тянуть ее на себя, затем отпуская, как будто работал с 1-с двуручной пилой. Шел (третий? четвертый?) час добывания огня. Известную всем с детства схему попробовал реализовать 1-с, может, поэтому он, меняя партнеров, не отходил от дощечки с дыркой, в которую вертикально была воткнута палка. На нее, в свою очередь, была намотана веревка. Короче, добыча огня трением. На картинке все просто.

Одним из трех ножей 1-с расковырял ямку на сухой плоской деревяшке, вставил туда прямую сухую ветку. Он подозвал 3-а, проходящего мимо («пускай посмотрит, хоть толк от него будет, приложит руку к тому, до чего сам не допетрил»), и, усевшись на песке и зафиксировав основную деревяшку ногами, они начали вращать вертикальную палку. Меньше чем через минуту сердце у 1-с чуть горлом не выскочило от радости. Из конусообразной ямки, в которой шло трение, явственно потянуло горелым деревом, еще десять секунд — и пошел дым. И тогда серые, стальные его глаза стали ярко-голубыми, совсем мальчишескими от шальной радости, он триумфально посмотрел на 3-а: «...Смотри, очкастый, смотри! Ишь, облажался ты? Маскируешься, под радостного косишь?! Ничего, я вижу, какие у тебя глаза тоскливые. Не по нраву тебе МОЯ победа... Или, б(биип!), уже глючит меня? 2-а правильно говорила, в этой Игре нужно полегче быть. И к людям тоже...» Сначала 1-с себя осаживал, пытаюсь следовать советам, просьбам, требованиям, мольбам своей не разлей вода девушки. «Будь, по-жа-луй-ста, не таким грубым. Люди в основном твоей злости не заслуживают. Зачем ты так? Ты же на самом деле не злой!..» До этой поры он и держался. Или старался держаться. Внешне, по крайней мере, у него получалось.

Но... но сегодня, последние три часа, семеро Игроков, Племя, становились свидетелями его полного фиаско. В начале, когда вокруг бешено вращающейся палки закурился дым, сбежалось все Племя. Даже Смотрящий Острова, молодой «видовский» журналист, встал рядом явно не для соблюдения Правил (присутствовать при всех сколько-нибудь значительных событиях на Острове), а из-за азартного любопытства.

Дым пошел гуще, 1-с резко вытащил палку, отбросил ее в сторону и, согнувшись над дымящейся воронкой, подул в нее. Через несколько секунд дым исчез, ничего не изменилось. Но дым, был дым. 1-с торжествующе оглянулся по сторонам. Племя, особенно девушки, стояли вокруг — на лицах выражение почти религиозной сосредоточенности. 1-с снова укрепил веретено, как он назвал вертикальную палку, сунул в руки 3-а веревку: «Давай, сейчас, через раз — получится!» Но ни сейчас, ни через раз не получилось. Хвастливое выражение постепенно исчезало с лица 1-с, и, в обратной пропорции, чуть презрительная ирония появлялась в застекленных глазах 3-а.

«Раз, раз, еще, еще!» — бормотал 1-с, дергая к себе-от себя закрученный вокруг сверла шнур. Из-под него валил густой едкий дым, от него щипало нос, он был горячим и пах Огнем. Но он уже не обманывал 1-с. Тот видел этот дым уже множество раз и знал, что в сердце его нет Огня, что это фикция, жестокая шутка законов физики. Но он крутил снова и снова, непонятно на что рассчитывая. Он давно перестал чувствовать свою поясницу и руки — сначала они ныли от многочасовых сгибаний-разгибаний, потом просто исчезли из зоны ощущений.

На следующее утро его разум долго отказывался верить в то, что произошло с его телом. Раскаленные гвозди загонялись в позвоночник при малейшем движении. Болели плечи, обгоревшие под солнцем. Какое-то время он лежал, не шевелясь. Потом, стараясь двигаться плавно, перекатился на бок, затем на живот. Полежав так, он встал на четвереньки, медленно подтянул колени к груди и еще более медленно выпрямился.

Камера зафиксировала — последним из Племени проснулся 1-с. Он вышел из хижины, улыбаясь, и легкой трусцой побежал через пляж к морю.

5

«Красиво...» — зеленое пятно сельвы, белая полоска пляжа, белейшая нитка прибоя в

бесконечной бирюзе — вид из окна маленького самолета, со стремительностью шмеля рассекающего пространство Москва-Карибы. И обратно. (До конца Игры АЛ хотел успеть слетать домой и вернуться. Как один из Всевидящих он обладал правом и возможностью перемещаться по планете с любой скоростью и в любую точку.)

Сейчас он попросил пилота заложить еще один круг над Островами. АЛ подумал, что здорово было бы показать это зрелище Игрокам. «Почему бы не сделать это бонусом для Оставшегося (может, еще и для нескольких последних) — показать Острова Игры с высоты птичьего полета...»

АЛ смотрел на Острова, не отрываясь. Красота зрелища заключалась в его неестественности — две крошки суши, прыщиками выделяющиеся на морщинистой коже моря. Окружающее эту маленькую землю пространство соленой воды раскидывалось во все стороны, теряясь в дымке, затянувшей горизонт. Едва заметный жемчужный дымок над одним из них казался памятником человеческому упорству (упрямству?). Два Острова в пустыне океана.

«Одиночество. Вот так должно выглядеть одиночество. Вот ведь совпадение — нашли с СК такое место. Игра заставляет каждого Игрока играть (жить) поодиночке...»

Особенно трепетно удивляло то, что «а ведь это мы — МЫ — вдохнули в них жизнь. Они же были необитаемыми. Там ведь воды нет... А они вон как устроились». Изначально АЛ и СК думали закидывать Игрокам фляги с водой каждую ночь. Но Игроки насобачились собирать дождевую воду.

Они полетели на восток, и долгие часы под крылом его самолета была вода, и ничего больше. Острова Игры были единственной сушей на много-много километров вокруг.

Между Богами и их народом должна быть связь, желательно двусторонняя. Всевидящие вспомнили об этой аксиоме перед самым началом Игры. Обдумывать что-то грандиозное не было ни времени, ни, честно говоря, желания (голова уже начинала распухать от обилия саморазмножающихся проблем), и они просто повесили на каждом Острове по бамбуковой коробочке, назвав их почтовыми ящиками. Каждое утро свежий Смотрящий (они работали на Островах посуточно и посменно) привозил Игрокам почту.

День четвертый Игры. «Вас ждет испытание Огнем и Водой», было сказано в письме.

Огня не удалось добыть ни одному из Племен. Только у синих валил густой дым. Наблюдая за ними, СК почувствовал настоящий охотничий азарт и поймал себя на том, что ему очень хочется, чтобы Огонь все-таки появился, пусть даже это пойдет вразрез с планом Игры. (Кроме всего прочего, появление Огня — это всплеск радости, появление «победных» стереотипов в словах и мыслях, а Игра рассчитана на угнетение и давление на Игроков. Создавая ее, Боги умышленно были скупы на возможное предоставление радости Игрокам.) СК без усилия подавил в себе соперничество — его решение было таково, что огонь Игроки должны получить из рук Бога, одного из Всевидящих.

Отслеживая каждый шаг Игроков на бесстрастных немых мониторах, СК видел и чувствовал состояние каждого из Игроков. Он видел, что Племя оранжевых, потерпев крах в добывании огня лупой, забросило это занятие. Но в отличие от откровенно затосковавшего из-за неудачи 1-с («Что, уже спекся? Что-то быстро...», — думал СК), мужчины оранжевых не выказывали никаких признаков расстройства из-за отсутствия огня. Подавленным (еще вчера) выглядел лишь здоровяк 5-с, но и у него постоянное выражение растерянности на лице сменилось обычным уверенным спокойствием. Иногда в его глазах пробежали угрюмо-мрачные искры. Казалось, в его голове созрела какая-то мрачная идея, и под ее влиянием 5-с наконец собрался.

...Ночью опять прошел ливень, еще немного, и для Игроков войдет в привычку просыпаться насквозь мокрыми. Впрочем, у синих дела обстояли почти отлично — 4-с оказался рукастым парнем, и построенная им хижина почти не протекала, мокли только 1-с и 3-а, лежащие с краев, до них долетали капли. («Интересно, 1-с сознательно взял себе такое место — промокающее, но самое дальнее от 3-а?» — подумал СК. Размышление было, скорее, интуитивным. Пока ни 1-с, ни кто-то другой в Племени не проявили симпатии или агрессии по отношению друг к другу.)

Оранжевые, руководимые 12-б, построили шалаш без пола. Кусок полиэтилена, который лежал в одном из сундуков, 12-б нанизал на палки. Они стали скатами шалаша. В результате он

каждую ночь исправно протекал. Всевидящие были уверены в том, что это настроит против 12-б соплеменников. Но ничего подобного не произошло: он по-прежнему пользовался уважением. СК воспринимал ситуацию двойственно: ему был симпатичен 12-б, «крепкий старик», но, с другой стороны, ему очень не нравился его, СК, просчет в психологии. В «падении курса акций» 12-б он был почти уверен. И когда СК наблюдал за поведением Племени оранжевых, и не думавших злиться на 12-б за плохой дом, в голове у него начал позвякивать первый тревожный звоночек. Если с самого начала поведение Игроков отходит от расчетов Богов, то о том, что начнет твориться в Игре позже... А СК привык доверять своей интуиции.

«Про(биип!), продуем, как кутята...» — 1-с все больше одолевала адреналиновая горячка — вечером первое испытание, первая схватка. Но еще сильнее беспокоило неотвязное предчувствие, что первое испытание станет последним для кого-то из его Племени.

Смотрящий предупредил их, что до «часа Икс» осталось совсем немного, и все синие сидели на берегу. Сейчас они снова (так же как и тогда, в первые минуты на Острове) сидели плотно, мужчины подбадривали девушек, и настрой был достаточно мощным. В стараниях всех развеселить сейчас особенно преуспевал 1-с, что вообще-то было на него не похоже. До этого момента он держался угрюмо. Если бы Игрокам сообщили сейчас, о чем 1-с думает, они бы сильно удивились.

«Ишь, 8-а — смотрит эдаким мачо, мол, важна не победа... И ведь знает, гад, что облагается на испытании, я же чую его, не могу я сейчас ошибиться, а тоже — нос кверху. Слишком ты, носато-очкастый, много о себе мнишь! А этот: „Робя, если проихраем...“ — хохол до(биип!)ый».

Когда раздался приближающийся звук мотора, все... (нет, не вздрогнули), но по лицам пробежало странное, похожее на недоумение выражение, сменившееся улыбками. Оказывается, всем им, жителям каменных джунглей, было достаточно 72 часов на природе, чтобы отвыкнуть от такой простой вещи, как шум мотора, звук, который ухо горожанина в обычной жизни даже не замечает, отфильтровывая.

В лодке, управляемой индейцем, приехал уже знакомый им Смотрящий. Смято поздоровавшись, он со скороговоркой «в темпе, в темпе!» посадил Племя в лодку. Снова заревел мотор, и суденышко, выписав дугу, поплыло в неизвестном еще Игрокам направлении. Восемь лиц одновременно повернулись назад. Молча они смотрели на удаляющийся берег. Каждый сейчас остро осознал, что, может, именно он(а) видит эту картинку последний раз, каждый, отговаривая себя от дурных мыслей, тем не менее тихо произнес слова прощания. И каждый почувствовал себя странно — неширокий пляж, сменяющийся клочком сельвы, уже стал чем-то совсем близким. Клочок суши, без пищи и огня, с утлой хижинкой...

Пять минут по гладкому морю лодка слегка подпрыгивала, выбивая брызги, и они летели на лица Игроков, приятно освежая, выдувая из груди пакостную тоскливость. Когда индеец сбавил обороты и заложил к берегу, Игроки почувствовали правильную нервную возбужденность.

На широкой песчаной косе стоял большой (в три человеческих роста) рукастый идол. В растопыренных руках он держал две чаши. К нему подходили два ряда факелов, воткнутых в песок. На воде плавали небольшие поплавки с такими же факелами, тоже в два ряда. В конце этих «наводных» рядов покачивались на волнах два плота.

Синие стояли, громко переговариваясь, мужчины размахивали руками. Они обсуждали, в чем будет суть предстоящего состязания, как им действовать. 4-с первый раз за эти дни повысил голос, ему нужно было перекрикивать 3-а и 8-а. 1-с, до этого молча слушавший их спор, наконец вступил в общую полемику, бросив несколько резких фраз. «Кто в лес, кто вылез... Точняк, продуем...», — ему снова стало тоскливо. В этот момент снова зашумел лодочный мотор, привезли Племя оранжевых. Не оглянувшись ни разу на своих, 1-с побежал к причаливающей лодке. Первый выпрыгнул высокий, чуть сутулый парень («А это что за?!»), он повернулся и ловко подхватил 2-а, помогая ей сойти на берег, не замочившись. Подбежавший 1-с выхватил ее из рук парня и прижал к себе.

После короткой, рывком, пробежки он шумно дышал, высоко поднимая грудь. 2-а прижималась к нему всем телом так, что на ее руках поднялись бугры мышц.

— Здравствуй, моя милая, девочка... моя...

— Ой, я так соскучилась, так... — И 1-с почувствовал чью-то холодную руку у себя на сердце. 2-а была не из той категории девушек, которые щебечут всякий ласковый бред, не придавая сказанным словам большого значения. В одном слове, сказанном 2-а, 1-с услышал почти звериную тоску.

— Я не могу без тебя, совсем не могу.

— Держись, милая, держись, пожалуйста, — для меня.

Оба Племена деликатно не смотрели в сторону этой пары. Здесь сейчас были в сборе все Смотрящие, и они стояли в смущении. Правила не разрешали общения между Игроками из разных Племен, но эта ситуация была явно внештатной...

...Они стояли молча, даже не целовались — просто он обнимал ее своими худыми руками, а она, сложив ладони на его груди, прижималась к нему. Красивая пара. Кто-то мягко тронул 1-с за плечо, он резко обернулся. Рядом стоял Смотрящий: «Ребят, простите. Пора расходиться. Игра...» — «Сейчас, сейчас идем», — говорил 1-с, продолжая обнимать девушку и не двигаясь с места. Когда наконец он разжал свои объятия, это выглядело так, будто он преодолевает при этом какое-то невидимое, но сильное сопротивление. На секунду эта сила победила — он снова обнял 2-а, прошептал ей что-то на ухо. И они разошлись в разные стороны.

Первое из межплеменных испытаний. СБ, стоя в небольшой палатке, разбитой в кустах, курил последнюю перед началом сигарету, в небольшое оконце глядя на Игроков. Он попытался поставить себя на их место. «Вот стоят они и знают, что уже завтра их станет на одного меньше. Интересно, а они уже решили хотя бы не вместе, хотя бы каждый для себя? Кто против кого? И тот, кто уйдет завтра, — он знает, что это будет он? Или она?..» Он заметил, как 1-с и 4-с начали шумно вдыхать воздух, оглядываясь по сторонам, — они почувствовали сладкий запах курева. «Интересно, каково им сейчас, курилкам, — три дня стресса, без еды. За сигарету, поди, душу заложат...» — и СБ почувствовал то, о чем думал до этого сам, о чем Боги предупреждали Смотрящих: ему захотелось передать им сигарету. «Ну, кину я им сигарету. А прикуривать они от чего будут, интересно?» — СБ затоптал окурочек и вышел к Игрокам.

— Сегодня у вас первое испытание, испытание огнем и водой. — СБ начал объяснять Игрокам суть предстоящего. На плоту будет гореть огонь. От огня на плоту надо поджечь все факелы на воде, затем, вытащив плот и неся его на руках, сделать то же самое с факелами на берегу. И наконец, зажечь огонь в чашах, которые держал в руках идол.

— Готовы? Пошли!!! — СБ резко взмахнул рукой.

Игроки бросились в воду и поплыли к плоту. Первыми до плотов доплыли 4-с у синих и 2-а с 11-и у оранжевых. Но одно из правил состязания требовало, чтобы у плота было все Племя. Держась в воде на одном месте, лучшие пловцы смотрели, как подплывают, один за другим, остальные. От нетерпения их лица исказили гримасы, они громко кричали, торопя своих.

Дольше всех до своего плота добирался 5-с. «Хана... или еще не хана? Не, держусь вроде. До плота, главное, доплыть». Он размеренно работал руками, изо всех сил сдерживая себя, чтобы не перескочить на хаотичное бултыхание и шлепки по воде. Когда он доплыл, Племя синих уже толкало плот по своей дорожке. Длиннорукий 1-с держал факел и, поджигая его от огня в чаше на плоту, передавал пламя на поплавки. Из воды они тоже выскочили первые. До старта 4-с предупредил остальных: плот надо брать на плечи еще в воде и выходить с ним на плечах — это легче, чем взваливать его на себя уже на суше. У оранжевых никто о таком не догадался, и синие выиграли еще несколько метров. Сейчас они уже шли вдоль факелов, ведущих к идолу, поджигая их один за другим. Игроки громко орали, уже бессвязно, просто от выброса адреналина.

«Успеваем, неужели успеваем?! Мы — первые!» — 1-с закричал от радости. Хотя они прошли только половину пути по суше, он понимал, что его Племя вырвалось вперед. Крики оранжевых, раздающиеся за спиной, на секунду сменились общим «О-о-ох!», потом закричали еще громче. «Навернулись, упали», — подумал 1-с. Вечером того же дня, вспоминая эти секунды, 1-с сильно удивился. Тогда, на состязании, ему даже в голову не пришло, что плот мог упасть на 2-а. Мозг был заполнен одним: «Вперед, вперед (биип!)»!

Еще до начала состязания 10-и понял, что на том отрезке, который предстоит преодолеть

на суше, ему будет тяжелее всех. Плот, обманчиво легкий на воде, обрел пугающую массивность мокрого дерева, как только его вытащили из моря. И когда 10-и, прокричав своим командирским голосом: «Взяли!» (и Племя стало взваливать плот на плечи), почувствовал, что сейчас надорвется.

Но ничего не произошло, и он, с отстраненным удивлением осознал, что тяжесть, разложенная на восемь человек, уже не страшна, что он, 10-и, резво перебирает ногами вместе со всеми, неся плот к факелам. «Нормально, вынесла нелегкая...» — скакануло в голове у 10-и, но допрыгать до конца мысль не успела. Ноги 10-и помимо его воли и сознания подкосились, он споткнулся. Плот, лежащий на плечах, тут же обрел свой вес, всей тяжестью надавив на 10-и сверху. И он упал. 2-а, идущая сзади, налетела на него и чуть не упала. Из-за резкого перекоса оранжевые выронили плот. Возникла краткая неразбериха. Но они все-таки сумели быстро снять плот с упавших, и 10-и смог подняться. Он снова поставил плечо под общий груз, но знал, что донести прежнюю ношу до идола не сможет, и чуть просел, согнув ноги в коленях. Тогда его «порция» распределилась между двумя Игроками, 2-а и 11-и, стоящими спереди и сзади 10-и. Одиннадцатый был парень, но как смогла удержать плот такая хрупкая с виду 2-а, было непонятно.

Раздался краткий досадливый мат (кажется, 5-с). Они отставали, проигрывали синим настолько явно, что бороться не имело смысла. В экстремальных ситуациях у людей, бывает, появляются паранормальные способности. И сейчас 10-и почувствовал, о чем остальные Игроки подумали почти синхронно: «Бросаем эту дрянь. Все равно проиграли!»

Снова раздался мат, кто-то кричал: «Вперед, пошли! Не останавливаться!» И они побежали. Это кричали 12-б и 11-и, держащие плот спереди. Они увидели, что у синих происходит непонятная заминка. Противники остановились на середине пути и не двигались с места.

«Пошли, пошли!» — снова кричал 10-и. Они уже вышли на факельную дорожку, 16-о начала поджигать факелы. Разрыв между отстающими и лидерами стал стремительно сокращаться. А синие все стояли на месте.

«Мать твою! Мать твою!!! Он (биип!) не горит!!!» — Глаза 1-с налились кровью, он продолжал держать огонь около одного факела. Девушки скулили, 4-с, стоящий впереди, бешено орал: «Давай, давай. Вперед! (биип!)» Но у 1-с метался в голове голос Бога Игры: «Если хоть один факел останется незажженным, вы проиграли». И 1-с продолжал держать плот одной рукой: «Стоим!!!» Племя оранжевых тем временем сравнялось с ними и вышло вперед.

Еще несколько секунд факел по-прежнему не горел, заколдованный факел. И в горящем мозгу 1-с проскочило: «Они специально намочили факел. Мокрая пенька никогда не загорится. Они специально...» Только тогда он крикнул Племени: «Вперед!!» И увидел сразу, как в высоких руках идола (вернее, в одной руке) загорелось пламя. Оранжевые победили.

Они бросили плот (бревна глухо стукнули о песок). 1-с, еще не окончательно поверивший в эту подлость Богов, оглядел Племя. Лица 3-а и 8-а ничего не выражали, на них были только маски саркастических усмешек. У девушек, 6-е, 14-с, 15-и, были лица бесконечно уставших людей, на лбах повисли капли пота. Только сейчас 1-с подумал о том, каково было девчонкам тащить эту тяжеленную дуру, и, неожиданно для себя: «А молодцы девчонки. И эта, 6-е, тоже молодец. Хотя какая теперь разница... Продули...» Потом он посмотрел на 4-с и увидел, что глаза у того (один зрачок был залит кровью — лопнул сосуд) бешено вращаются, как у какой-то дьявольской куклы. 1-с был не из пугливых, но сейчас он почти испугался — такой дикостью и бешенством светился взгляд 4-с.

Потом... потом он оглянулся и увидел, что СБ уже вручает приз победившим — коробок со спичками. На секунду 1-с почувствовал прилив радости — он представил себе 2-а, зябко протягивающую руки к ночному огню. Но эту картинку заволокло кровавой пеленой перешедшего от 4-с бешенства — он встретился глазами с СБ, тот как ни в чем не бывало улыбался. 1-с рефлекторно шагнул в его сторону, СБ улыбаться перестал, но не отвел взгляда. После короткого поединка глазами 1-с почувствовал, что бесконтрольная злоба проходит. Но на ее место заползает чернильное пятно депрессии. «За что нас так?»

СБ услышал рычащие крики еще на улице. Зайдя в дом, в котором были расположены «третий глаз», хранилище аппаратуры и монтажная, он оказался в группе Смотрящих. Они все

были здесь, стояли в коридоре, ведшем в смотровую, и молча курили. Из смотровой раздавалось рычание раненого льва. «СК бушует», — прокомментировал один из Смотрящих.

— Здравствуйте... — несмотря на многолетнюю дружбу, СБ продолжал обращаться к нему с уважительным «вы».

— (Бииип!). — СК не дал ему договорить, раздался только новый взрыв эмоций. СБ резко дернул головой — мимо пролетела пепельница.

— Нет, ты представляешь (бииип!)?

— Да знаю, я ведь сам там был.

— Да, был! И не проверил?

— Да что там проверять-то было? Или мне к каждому факелу со спичками нужно подходить? Ну кто мог знать, что какой-то (бииип!), — СБ не употреблял в разговоре мата, обходясь чуть старомодными интеллигентными оборотами, но сейчас и он тоже завелся, — что какой-то местный обкуренный факел в воду уронит, а потом его вместе со всеми положит?!!

— Да? А что, так было? — СК по-прежнему тяжело дышал, но, кажется, самое страшное было позади.

— А как еще он мог намочнуть?

— Хм, наверно, действительно... Ох, знал же я, своих надо привозить! А то на билетах сэкономили, а теперь такая лажа... — СК болезненно поморщился: — Ты хоть можешь представить, что они сейчас чувствуют?

— Могу. — Голос СК сразу стал похоронным.

— Хочешь, сейчас микрофоны включу, послушаешь, как они нас называют?!!

— Да я представляю...

— Нет, такого ты себе представить не можешь! Елы-палы, что же делать теперь?!

— Что теперь убиваться? Мы же сами это все затеяли. По-любому, один должен сегодня уйти...

— Но я не могу, понимаешь, не могу, чтобы человек выходил из Игры, из моей Игры, с такими мыслями!

СК тяжело плюхнулся в кресло и замолчал, хлопая себя по карманам. СБ протянул ему пачку и зажигалку.

— Много курите, СК.

— Да иди ты... — Голос СК, по-прежнему мрачный, уже звучал мирно. — Что с местным пареньком-то этим сделали?

— А что ему, укурку, сделаешь? Ну, уволили. По ушам пару раз врезали...

— Кто врезал-то?

— Я.

— Игроки видели?

— Нет.

— Ну и ладно. Игра должна продолжаться. Слушай, СБ, пожалуйста. — Голос СК зазвучал просительно, почти униженно: — Ты же знаешь, как я тут зашиваюсь... Не в службу, а в... В общем, можешь впредь все еще и сам проверять? Что я не успею?

— Ну, конечно. О чем разговор...

— Ох... Жалко их...

— Жалко. — СБ тоже закурил.

Оранжевые сидели у костра в круг, одинаково выставив вперед руки, ладони открыты. Они провели без тепла всего три полных дня, и это были три дня на тропических широтах, но сейчас, всем телом впитывая живое тепло костра, они уже не представляли, как у них получалось прожить эти дни без огня.

Племя тихо переговаривалось, кажется, первый раз с момента высадки все были вместе и разговаривали не о том, где лучше поставить дом и как добыть еду. Три дня без еды — для некоторых это был нереально страшный срок, но теперь все чувствовали себя вполне сносно. В тепле огня им всем было хорошо и уютно. Даже разговор, текший по кругу, был каким-то тихим и пушистым — Игроки стали рассказывать о своих последних днях перед Игрой. Молчал только один Игрок.

2-а стояла чуть поодаль, выпадая в темноту из общего круга. Ее лица не было видно, а ей

этого больше всего сейчас и хотелось. Она уже поняла, что единственный способ побыть наедине с самой собой на этом чертовски маленьком островке — только опустить голову, позволив волосам закрыть лицо.

«Господи, какие у него были глаза.. Как же страшно... — Искаженное бешеной злобой лицо любимого человека стояло у нее перед взглядом, не исчезая. — Совсем звериное... Одна ненависть. А к кому? Неужели к нам? Из-за победы... Но... значит, он в тот момент и меня тоже ненавидел... Меня? — Ей впервые за много лет захотелось заплакать. — Так не бывает, так не может быть!» Много лет назад она видела такие же глаза у 1-с, но с тех пор сумела почти совсем вытравить их из памяти. К тому же тогда этот взгляд был направлен не на нее, а на... (...он пинал его ногами, пинал уже неподвижное тело, крупно дергающееся при каждом новом ударе. Ей было страшно, страшно и больно, она никогда не могла относиться к людям, как к врагам. А он — мог. И этот звериный оскал любимого человека ранил ее сильнее, чем того, кого он сейчас бил ногами в тяжелых ботинках...) «...Как страшно... И как плохо без него...» Торопливые минутные объятия сегодня перед испытанием лишь усилили ее тоску, как одна конфета может только усилить голод. К тому же у нее адски болел живот, а по спине словно долго били молотком — она надорвалась, выдержав двойную тяжесть на испытании. Ей до слез хотелось почувствовать сейчас его руки — они были волшебными, и боль всегда проходила, когда он ее гладил. «Если бы сейчас он меня обнял, погладил спину — все бы прошло сразу...»

«Милая, милая моя... Сильная, ты такая сильная у меня. Ты так старалась сегодня...» — 1-с сидел на песке, глядя на далекий огонь костра на далеком соседнем Острове. Он опять и опять прокручивал в голове этот день, проигранное испытание. Когда тот же индеец привез их обратно на Остров, неожиданно начал кипятиться 3-а. Он говорил очень много слов, склоняя всех к бунту. На необитаемом Острове не было того, против кого можно было бунтовать, и у 1-с скоро разболелась голова от въедливой сатиры 3-а, которая казалась ему кастрированной. «Пар в свисток!» — подумал 1-с. Впрочем, голова могла болеть еще и от голода. А сейчас он почти успокоился, хотя в душе у него было чернее здешних ночей. Но он переживал не из-за пакостной перспективы. 1-с снова и снова думал про испытание, точнее, про несколько минут до него. Он пару раз выругался сквозь зубы. Мало кому могло прийти в голову, что 1-с материт себя: «(биип!)... почему я к ней после испытания не подошел, идиот! Ведь можно же было! Нет, тебе, придурок, надо было обязательно разозлиться. Бык (бип!)ев!» — ругательство «бык» в свой адрес от тощего 1-с было смешным. Правда, он не знал, что в песке прячется электрожучок и что его тихий шепот может слышать кто-то, кроме него самого. «Как же я позволил такое? Ушел, даже не посмотрел на нее... Тоска-а-а-а...» Он по-собачьи закинул голову вверх. Яркое даже ночью небо с непривычно перевернутыми созвездиями затягивали черные тени. Снова будет дождь.

Он сидел тихо, и два силуэта, закрывших часть неба, прошли мимо него, негромко переговариваясь. Он догадался по голосам, что это 6-е и 4-с. «Интересно, о чем это они секретничали? Утром 6-е не станет, тут уж не напишешь ничего...», — так он уже давно решил, все взвесив. Может, поэтому (а может, из-за того, что он видел, как выложилась 6-е на испытании) он не испытывал к ней прежней раздраженной злости. Да она и сама притихла, ее голос не пищал больше над лагерем.

Вместо него вещал 3-а. Послушав, что он говорит, 1-с поднялся, отряхнув песок, и пошел к хижине. «Хм, а ведь не самая плохая мысль», — подумал он. Он вообще всегда любил неповиновение.

6

Буркнув в конце разговора: «Я перезвоню», — СК выключил мобильник. СБ встретился глазами с его взглядом исподлобья — в глазах СК бегущей строкой светилось желание снова начать швыряться предметами. Но была и какая-то радость.

— Слушай, ты сегодня в «третьем глазе» был?

— Нет еще.

— И вчера не был?

— М-м.

— Понимаешь, я вчера ночью сидел, их треп слушал, я не представлял себе, что они обо всем этом серьезно говорят! Вот гады! Ведь Игра ломается. — Голос СК был под стать взгляду, злобно-радостный.

— ??

— Синие отказываются на Совет ехать!

— ?!?!

— А вот так! Смотри! — СК вскочил, схватил СБ за рукав и, протаскив его по коридору, втолкнул в смотровую. Ткнул пальцем в экран. — Ты смотри, что делают!

На экране была хижина синих. На фоне стена дождя: «Природа совсем чего-то сегодня раскапризничалась, мало, что ли, ночного ливня?..» На экране она походила на обои, наклеенные на стену хижины. С краю сидели двое Смотрящих в блестящих плащах. (СБ удивился — должен быть один, двое — уже против Правил.) Они что-то старательно доказывали синим. (Микрофон под хижинной залило водой, звук не транслировался.) Племя сидело рядком, одинаково подтянув колени к подбородкам, обхватив ноги руками.

— Ну и что там?

— Они. Отказываются. Ехать. На Совет. — СК проговорил эти слова отдельно, и СБ стало понятно выражение его лица. СК бесился от того, что Игра, его детище, выходит из-под контроля. Но при этом он никуда не мог деться от врожденной романтичности: его радовало, что Племя не хочет «съесть» своего.

— А чего... Молодцы, — СБ засмеялся, — мне нравится!

Глядя на Смотрящего, в глазах которого все явственней проступало отчаяние, 1-с неожиданно испытал приступ совершенно идиотского веселья. «Ага! — улыбаясь, сказал он. — Анарки ин зе Юкей*, та самая!»

...Вчера 3-а предложил совершенно, на взгляд 1-с, гениальную штуку. Не ехать на Совет. Устроить забастовку («Хорошо бы еще массовые беспорядки!» — добавил тогда 1-с). Предложение идеально легло на общую подавленность. Никто не мог понять, зачем Боги устроили такую гадость (а в том, что это сделано специально, никто не сомневался), и от этого было еще хуже. Слова 3-а упали в благодатную почву и за ночь проросли пышным цветом. Наверно, подсознательно Игрокам еще и хотелось остаться в доме, которым стала для них хижина. В такую погоду никому нет никакого желания выползть на свет Божий. С середины ночи лило не переставая. Так что сейчас Племя уперлось с силой волов и упрямством ослов. «Мы. Не будем. „Съесть“. Своих».

Смотрящие все больше и больше отчаивались. Игра вышла из-под контроля. Или вот-вот выйдет. «Мы. Не будем. „Съесть“. Своих».

Раздались шлепающие звуки шагов, и в хижину, заняв последний объем свободного пространства, зашла, пригнувшись, молодая женщина, невысокого роста, с живыми темными глазами. Она тоже была Смотрящей. Игроки поприветствовали ее, и по их голосам стало ясно, что они знают новоприбывшую давно и она им симпатична. (Так и было. Она начала работать Смотрящей еще на отборах.) Девушка улыбнулась всем сразу и каждому отдельно. И начала первой:

— Ребят, я еще не видела отъеда. Что произошло, расскажите?

— Что... Нам факел подсунули... мокрый! (Биип!)

— Как? Кто подсунул? И что?

— Кто? В пальто! Боги.. А может, вы, Смотрящие! — Племя отвечало в несколько голосов и добавляло непечатное.

— Ребят, вы что говорите-то? — она выглядела неподдельно обиженной.

— А что нам думать-то еще?! Что, не нарочно?

— Синие, ну, конечно, не нарочно! Кому надо вас сдавать?

— Да мы вот тоже думаем, кому...

— Послушайте... Я вам клянусь, я даю слово — никто из Смотрящих, из Богов тем более не мог такого сделать специально!

— Да (биип!), если и не специально, — при этих словах все одновременно иронично хмыкнули, — все равно нечестно!

— Ну... — она не сразу нашлась, что ответить.

— Ну... ну если бы выиграли, то кто-то из оранжевых бы исчез, — она сказала это всем, но смотрела только на одного.

— Но это хотя бы честно было! — ответил он с вызовом в глазах. Мол, «не сломаете!».

— Аа! — голос Смотрящей поменялся. — Вы о честности заговорили? А о чем вы думали, когда сюда ехали? Когда вам контракт показали?

— Эм-м.. — теперь безответно замычало Племя.

— Вы же изначально знали, что здесь Правила бесчестные. Какая честь в этой Игре?! — Казалось, что крыша исчезла и на их головы обрушилась стена холодной воды. Такие, во всяком случае, у них сделались лица.

...В этот момент двое Богов, сидящих у «третьего глаза», поняли, что Правила победили. Игра продолжается...

Одинаково сутулясь, они вышли из хижины. Дождь заметно ослаб, теперь это была мелкая морось, оседающая на одежде, с дыханием попадающая внутрь. У берега уже стояла лодка (спора со Смотрящими, они не услышали ее появления) со знакомым индейцем. «...Вот такой здесь Харон...» Его лицо было как бесстрастная маска. «...Интересно, он знает, что назад везти на одного меньше?...» Горбясь и больно стучаясь о банки и шпангоуты, они поехали на Остров Совета.

Все свободные Хранители, Смотрящие, Боги собрались у экранов. Звук был включен на максимум. То дело, к которому приступили Игроки, внушало всем суеверный ужас. Это действие было стержнем Игры, ее краеугольным камнем. ПРОИГРАВШЕЕ ИСПЫТАНИЕ ПЛЕМЯ ДОЛЖНО ИЗБАВИТЬСЯ ОТ ОДНОГО ИЗ СВОИХ ЛЮДЕЙ. Решение принимается тайным голосованием. Официально это называлось «съедением одного».

Игроки по одному подходили к урне, писали одну цифру и одну букву на маленьких пергаментках и, если хотели, добавляли несколько слов — уже в камеру, установленную перед урной. Им выпал тяжкий жребий — первыми «съесть» человека. Все знали, что сразу после «съедения» выбывший получит все, что пожелает, и даже больше. Его ждет райская нега — таково одно из Правил. Из хижины с сырыми спальниками, с пустого Острова без намека на животных и съедобные растения, из жизни без единого блага цивилизации, даже без огня — в хороший отель с чистыми простынями, кондиционером, исполнительными слугами, с отличным рестораном. Все равно каждый Игрок понимал (и это было написано на лицах), что сейчас они совершают жестокость, сравнимую только с каннибализмом.

В Москве, отсматривая полученную с курьером видеокассету из «третьего глаза», АЛ подумал: «Да, они-то, конечно, знали, на что шли. То есть не знали, такое знать невозможно, но были извещены. А на испытании такая (ббип!)ня получилась... А они все равно — голосуют. Согласились». Ему очень хотелось думать, что Игроки сняли свой бойкот Правилам не потому, что Смотрящая напомнила про их подписи под договором, а потому, что набрались сил сделать это — как набирают воздух в легкие перед прыжком с высокой скалы в море. Ответить за свои слова (точнее, за подпись) и сделать то, что по критерию общечеловеческих ценностей является почти подлостью, — для этого надо перешагнуть через себя. Для этого нужны силы. Очень много сил. Так думал АЛ. Хотя рассудок ему подсказывал, что уже в ближайшие дни все изменится и на Советах он будет видеть на лицах Игроков злорадство, мстительность... Но он мог позволить себе отгонять эти мысли.

Пока.

Большинством голосов Племя изгнало 6-е. Каждый из них счел нужным сказать про нее что-то хорошее, но причина происходящего была очевидна — она слишком избалована, слишком эгоистична, слишком... 4-с понимал, что этот список можно продолжить, но на душе все равно осталась горечь. Сам он голосовал против 8-а. Он видел, как сдружились («вот, спелись б(биип!) и в стаде!») 3-а и 8-а, он не смог пока распознать, что за человек этот худой 1-с — то ли говнюк, то ли правильный парень. Девушки — вообще темный лес для него. Все это время он чувствовал благодарность 6-е за то, что она искренне, как он был уверен, искала с ним дружбы, и сейчас ему стало одиноко. Хреново... Жизнь научила 4-с и побеждать, и переживать поражения, держать удар, но ЭТУ Игру ему хотелось выиграть до необходимости. Слишком уж сильно надо было измазаться в дерьме, пока играешь, и 4-с не представлял, что станет с ним, если он услышит на Совете свое имя и поймет, что пачкался даром. «Победа —

или смерть...»

Он сидел на носу лодки, на первой банке и иногда жмурился от летящих соленых брызг. 4-е сидел спиной к своему Племени, но отчетливо видел перед собой каждого из соплеменников, по очереди представляя себе их лица. 3-а вел себя вполне мирно, по-дружески, но 4-с кожей чувствовал, что вокруг него появляются нити невидимой паутины, и паук этот 3-а. Он «подружился» (по отношению к ним 4-с не мог произносить это слово серьезно) с 8-а — уже два голоса на следующем Совете. 8-а из одного города с 15-и, этой серой мышкой, и наверняка повлияет на нее. Значит — три. И это как минимум три голоса, управляемые 3-а, три голоса против 4-с. Он прекрасно понимал, что 3-а не тот человек, который будет рефлексировать (хотя слова такого 4-с не знал) и который хладнокровно знает, что 4-с самый сильный из Игроков, самый опасный. Сейчас ему пришло в голову, что 3-а вполне мог начать предлагать Игрокам бунт не ради чьего-то спасения, а всего лишь для авторитета.

Плохи дела... Он обернулся и увидел, что 1-с смотрит на него, явно давно уже ожидая, когда он повернется. Улыбнувшись, 1-с на секунду скосил глаза вниз. 4-с проследил за его взглядом. 1-с разжал кулак — на ладони лежала сигарета. 1-с быстро ее спрятал. «Вот это сюрприз!!!» — у 4-с даже пульс участился. Пройдя через две войны, побывав в стольких жестоких ситуациях, сколько и присниться не могло простому человеку, 4-с привык, что в кармане всегда лежит пачка сигарет и зажигалка. Закон такой. Есть сигареты — значит, не так уж все и плохо, «несцынапл», прорвемся. Эти три (точнее, уже четыре, даже с половиной) дня ему удавалось заглушить мысль о сигаретах лишь чудовищным усилием воли. Но увидев сигарету, 4-с понял, что чувствует крыса перед салом. Он шутливо сложил руки у груди, скорчил рожу, как будто вымаливая что-то у 1-с. Но думал при этом вполне серьезно, хоть и с долей ужаса, что сделать ради пары затяжек он способен многое. 1-с подмигнул, помотал головой.

По его прикидкам, он шел уже около полутора часов. 1-с понял, что Остров имеет вытянутую форму, походит на нож, брошенный в лужу моря древним великаном. Их лагерь был на рукояти, он прошел по ней, по лезвию, постоял на острие, глядя на особенно сильный в этом месте прибой, и продолжил путь по другой стороне Острова. «...Кругосветка заканчивается, здравствуй, дом!...». В этот момент он увидел четыре человеческие фигуры, что-то делавшие в прибрежном кустарнике. 1-с рефлекторно присел.

Это были Хранители, они что-то закапывали в землю. Поработав лопатами еще несколько минут, Хранители огляделись по сторонам и присели на песок. Один из них достал рацию и о чем-то коротко переговорил. Вскоре раздался шум мотора, к берегу подплыла лодка. Подойдя с обоих бортов, они одновременно запрыгнули в нее. Один остался на берегу. Сломав несколько веток, он задом наперед прошел по тому месту, где они сидели, заметая ветками следы. Потом выпрямился, толкнул лодку и сам быстро заскочил в нее. Мотор взревел громче, лодка развернулась и вскоре превратилась в черточку на горизонте.

Тогда 1-с поднялся и, зачем-то затаив дыхание, подошел к этому месту. Первое, что он увидел, — несколько полуприсяпанных песком окурков. Он опустил на колени и подобрал самый длинный, в котором оставалось немного табака. Помедлив несколько секунд, 1-с распотрошил бычок, ссыпав табак на ладонь, и получившуюся горстку отправил в рот, под губу. Потом он огляделся еще раз. «...Главное — быть в нужном месте в нужное время». Поодаль 1-с увидел пластиковую бутылку с яркой этикеткой. Он поднял ее и выпил в несколько жадных глотков. Сладкая газировка, никогда ему не нравившаяся, сейчас показалась амброзией, он ощутил, как она впитывается в стенки пустого желудка, отдавая сахар, драгоценные калории. Впервые с начала Игры он почувствовал прилив теплой энергии. Прихватив еще пару окурков («рано или поздно огонь добудем»), он бодро зашагал к лагерю.

Еще издалека он заметил (или почувствовал) оживление. Игроки (теперь семеро) стояли кучкой, что-то разглядывая. 1-с ускорил шаг. Оказалось, они нашли свежее письмо: «На Острове есть еда и питье. Осталось только найти...» — вычурные буквы на настоящем пергаменте. Племя вразнобой выдвигало советы, тыкая в разные стороны пальцами. Особенно важно разглагольствовал 3-а, хотя, возможно, 1-с так только показалось. Он стоял, сдерживая улыбку, молча слушая выдвигаемые версии. Наконец победил 3-а. Действуя по его указаниям, Племя рассыпалось в цепь и двинулось в глубь Острова, прочесывая каждый метр. Такими

темпами, прикинул 1-с, они доберутся до нужного места дня через два. И еще не факт, что кто-то заметит следы лопат. 1-с открыто усмехнулся им в спины. В этот момент 3-а обернулся и успел заметить ухмылку 1-с.

— А ты что не идешь?

— Да неохота. Я лучше сам по себе.

— Ну, ну, смотри, — настала очередь 3-а усмехаться. В его усмешке легко читалось «сосунок!».

Оставшись один, 1-с быстро пошел к месту клада, выбрав кратчайшую прямую. По прямой дорога заняла минут пятнадцать, не больше. Но когда 1-с наконец вышел к берегу, он дышал так, как будто пробежал долгий кросс. Душный воздух островного леса, густой подлесок, с хищным проворством хватаящий за одежду и царапающий лицо и руки вымотали его неожиданно быстро. «Фух... Да это с голодухи все. Даже голова закружилась. Теперь с каждым днем все хуже будет». — 1-с почувствовал новый приступ слабости, и лицо его потемнело. Новая слабость пришла не из мышц, не из быстро бьющегося сердца. Это дух его, предвидя приближение трудных дней, зашептал предательски: «Надо уходить, пока не поздно». 1-с ненавидел свою слабость так, как можно ненавидеть только себя самого. С годами он научился с ней бороться, не обращать внимания, сдерживать ватную слабость коленей в лютые моменты. Но этот подлый голосок все равно звучал, не отступая, каждый раз надеясь взять верх. «Ну, урод, шевелись! — приказал он сам себе, однако голос не пропадал. — Ты что, мразь, ничтожество! Пять дней прошло — и скис?! А ей какво? Ты за десятерых сейчас должен жить, так, чтобы она даже на другом Острове тебя чувствовала! Дави эту слабость, дави!» Вспомнив о своей девушке, 1-с почувствовал тоску, которая здесь, на Острове, росла с каждым днем, — бесформенное нечто, чернильное пятно, приходящее к нему по ночам и запускающее в сердце острые, как бритва, когти. Но сейчас эта тварь помогла ему. Слабость прошла, теперь он стал зол. Просто зол. Он любил свою злость, бережно растил это чувство. Только последние годы, познакомившись с 2-а, 1-е почти все время держал свою злость где-то далеко, не позволяя ей вырываться наружу. Он видел, что светлой 2-а бывало больно, когда он злился. Но сейчас-то он был один.

Что-то напевая и чудовищно при этом фальшивя, он начал раскидывать землю прихваченным из лагеря мачете. Уже через несколько взмахов 1-с увидел доски, из которых была сделана крышка сундука. Помогая свободной рукой, он расчистил крышку и открыл сундук, не поднимая его из земли. Содержимое заставило его присвистнуть: там было несколько консервных банок, пара пакетов с рисом и с чем-то белым (мука?) и большие фляги воды. Еще там была небольшая трезубая острога. Находочка... 1-с взял в охапку пакеты с рисом и все фляги, острогу сунул за пояс, по карманам рассовал консервные банки, сколько влезло. И пошел к лагерю.

Подходя к хижине, он увидел в ней одинокую фигуру. 4-с сидел, скрестив ноги по-турецки, и грустно смотрел в одну точку.

— А ты что не пошел с ними?

— Да, не могу с этим (биип!) вообще рядом стоять. Ого! Ого! Вот это класс! Нашел-таки! — 4-с вскочил, одним прыжком очутился около 1-с и помог ему разгрузиться.

— Пошли. Там еще есть.

Уже вдвоем они пошли по следам 1-с — обломанные ветки, примятый тростник, отпечатки высоких десантных ботинок на сырой земле.

— Эх, огоньку бы сейчас! Сели бы, поболтали..

— Да, неплохо было бы. Черт, второй день небо серое, дощечка эта отсырела... Ни хрена не сделаешь. — 1-с тоже чувствовал беспокоящее легкое желание вдохнуть табачного дыма. Хоть одну затяжку! Они посмотрели на небо. С тех пор как их стало семеро, ни разу не показывалось солнце.

— А эти, — в голосе 4-с прозвучало злорадство, — ищут, ищут. Ну, следопыты юные, пусть поищут!

— Не любишь ты их...

— Не люблю! А ты что, сам не видишь — они как пауки, все плетут чего-то.

— Пришли, — сказал 1-с, обрывая тему.

— Ну что, как думаешь — пора? — с последним словом СК выпустил в воздух густой шар сигарного дыма.

— Думаю, пора.

— Да, вроде уже затосковали ребята. Или, может, подождать еще?

— Ладно, что ждать. Издеваться так не стоит.

— Пожалуй.

Они повернулись к экранам. Оранжевые варили что-то в котелке, что-то очень вкусное, судя по их лицам. Синие сидели вокруг такого же котелка, 1-с зачерпывал оттуда раковиной нечто белое и раскладывал на листья — семь порций.

— Что это?

— Да они рис размочили. И кажется, муки добавили.

— Не, слушай! Однозначно — даем им.

— Ну, о'кей.

1-с так и не смог объяснить, что подтолкнуло его к почтовому ящику. Скорее всего, после того как он нашел запас еды, 1-с решил соответствовать появившемуся у него авторитету и пошел «на инспекцию».

Когда он заглянул в бамбуковую коробку, висящую на дереве, то первой мыслью было: «Снится! Я сплю!» Он с трудом удержался, чтобы не ущипнуть себя за руку. Это было бы слишком по-идиотски, даже наедине с самим собой. В бамбуке лежала свежая доставка — коробок спичек.

1-с вытащил его и пошел обратно в лагерь, едва сдерживая желание станцевать под собственный аккомпанемент. Когда он появился рядом с хижиной, все выжидающе повернулись к нему. «Ого! Они уже смотрят, что я им еще принес! Круто! Я — вождь!» 1-с засмеялся, на ходу подкинул в воздух коробок, поймал, снова подкинул, теперь чуть дальше — неуловимым движением его подхватил 4-с. Племя, ликуя, бросилось обнимать 1-с. Он ощутил на себе сразу шесть объятий, несколько упругостей женских грудей.

Дрова были наколоты с запасом, костер весело трещал под мелкой моросью. Вокруг костра возились девушки, все три, они что-то азартно готовили, не подпуская к этому священнодействию мужчин. 4-с почувствовал на себе чей-то взгляд, обернулся — 1-с смотрел на него и подмигивал, мотая головой (уже знакомым жестом) в сторону сельвы. 4-с подмигнул в ответ, поднялся и небрежной походкой, беспечно посвистывая, пошел в лес. Скрывшись за деревьями, он присел на корточки и стал ждать. Через пару минут в сплошной зелени здешней растительности мелькнуло светлое пятно джинсовой рубахи 1-с. 4-с тихонько свистнул. 1-с подошел к нему, молча достал из кармана сигарету и спички. Закурил, сделал две затяжки и, задержав дым в легких, передал курево 4-с, глядя на него враз подобревшими глазами.

4-с глубоко затянулся, раз, другой, задержал дым, передал 1-с. Глаза его также мгновенно окосели, на лице расплылась блаженная улыбка.

— Где взял-то? — наконец заговорил первым 4-с.

— Нашел. — 1-с хитро ухмыльнулся. — У меня еще есть. Два окурка, там, где сундук был, нашел сегодня.

— Жи-ы-ыве-о-ом...

— А то!

— Спасибо, 1-с!

— Ладно, — он опять ухмыльнулся, — сочтемся.

— Как думаешь, что завтра будет?

— Дожить надо...

— И то верно. Блин, с этими двумя запросто можем опять проиграть.

— А хоть бы и проиграем — мне не жалко. Быстрее этого паука уберем. Только надо вместе держаться. И тогда сильнее всех станем.

— Я добиваю?

— Давай.

1-с сделал последнюю затяжку и закашлялся — затлел фильтр. Они поднялись и пошли обратно, к лагерю. Перед этим хлопнули друг друга по плечу. В полный мороси воздух добавили густоты накатывающиеся на Остров сумерки.

Вышедшие к костру из сумрака парни были сейчас очень похожи, хотя один из них на три года старше, в два раза шире и прошел две войны, а другой — типичная «столичная штучка», любитель футбольных беспорядков и охотник до пива и травы.

3-а отметил про себя, что отлучившиеся ненадолго 4-с и 1-с вернулись с заговорщицкими лицами. Вдвоем они были ему не страшны. Но оба они были симпатичными, и женская половина Племени смотрела на них с явным расположением. Если к ним присоединится еще кто-то, то их союз может стать опасным. «Значит, надо убирать девушек. Посмотреть, на кого эти красавчики глаз положат, и убирать», — 3-а остался спокоен. Пока они прочесывали лес, он успел переговорить с 8-а и, еще более осторожно, с 15-и. Так что союзники для осуществления своей тактики у него уже появились.

7

Утро седьмого дня — дня очередного испытания. На раннем рассвете из маленькой деревянной гостиницы, целиком арендованной для сотрудников Игры, выходили Смотрящие и Хранители, Бои выносили коробки с аппаратурой. Сегодня Племенам предстояло второе Испытание, еще один Игрок уйдет из Игры.

Боги стояли на низком балконе, глядя на разгорающийся над мерцающим морем восток. Эти несколько рассветных часов были, по сути, единственными свободными для всех, и дышать нежным, густым воздухом на балконе стало уже традицией.

День обещал быть ясным, на небе, с которого свет быстро слизывал леденцы ярких звезд, не видно ни облачка. «Как, интересно, сейчас на Островах, — подумал один из Всевидящих, но возвращаться в душную, прокуренную операторскую не хотелось. — Эти люди, сами себя обрекшие на голод и еще черт-те знает на что... Вот они (он, она?) — сейчас дрыхнут, кутаясь в спальники, или тоже вышли на пляж и смотрят на эту благодать? Хоть у кого-нибудь из них открыты глаза на то, что вокруг, на этот рай? Или они думают только об Игре?..»

За почтой обычно ходил 11-и. Он вообще вставал раньше всех и из скудного списка каждодневных дел, появившихся в лагере вместе с огнем и едой, половину в охотку взваливал на свои тощие плечи. (Да, теперь у них была еда. Они варили твердую кокосовую мякоть, превращая ее в кашу, а вчера вечером в ловушку, сплетенную из гибкой лозы, попало несколько рыбешек.) Он и принес в неохотно просыпающийся лагерь новость. «...Сегодня вас пригласят на ланч. Но меню может показаться вам несколько экзотическим...», — прочитал он и обвел глазами оранжевых, задержавшись на женской их части. Им сегодня будет особенно гадко. Каждого из них предупредили, что может случиться и испытание с проверкой на брезгливость, но никто не мог подумать, что это случится так скоро. Они отгоняли от себя эту мысль.

«Ой, мамочка! Что же будет? Ох, ужас... Жуки? Или какие-нибудь личинки? Или дрянь, вроде пиявок...» — дальше думать она не могла, ее затошнило. Он запрокинула голову, посмотрела вверх. Густо-зеленые листья огромных стройных пальм слегка покачивались на фоне неба. Картинка была настолько яркой, цвета такими насыщенными, что все вместе казалось плодом воображения. Босыми ногами она почувствовала мелкий белый коралловый песок. Такой противный ночью, когда он забивался под одежду, царапая тело, и в спальники, сейчас, под ногами, он казался ласковым, мягким, как пух. «Сегодня я увижу его. Сегодня! Сегодня! Совсем скоро». Видение кишачих белых личинок растаяло, ей стало хорошо и уютно на этом свете. За три прошедших дня неутрачивающая тоска совсем вымотала ее. «Мой 1-с, родной...» Потом она снова нахмурилась, вспомнив его глаза тогда, на последнем испытании, глаза дикого варвара. Таким она представляла его на футбольных трибунах. «Нет, не может быть. Мне показалось, просто показалось. Он не может Так на меня смотреть».

«Так, значит сегодня одного не станет», — 5-с лениво плескался в воде, умываясь и разминая затекшую во сне массу своих мускулов. Он заранее был уверен, что проиграют сегодня оранжевые. И вскоре им предстоит расстаться с одним из своих. «Своих. Да какие они, к богу, свои?! Вот ведь змеи какие! Есть тут хоть один нормальный? 12-б? Да он как и Десятый, такой же жучок... Ох, жучок... Главная, конечно, 13-н. Вот кто лиса настоящая». После разговора с 9-н у 5-с словно открылось второе дыхание. То, о чем она рассказала ему, было

неожиданным, как резкий окрик. Или как удар током. Теперь 5-с совсем не был похож на того уменьшившегося в размерах, растерянного, словно оглушенного пыльным мешком человека. То, что Игроки его Племени собрались «съесть» его, что в нем видят конкурента, бодрило лучше любого анаболика. 5-с уже не думал о голоде.

«Так, значит, сегодня одного не станет. Значитца, эти двое — против меня. Кто еще? 11-и — тот вряд ли, не тот номер. Нормальный вроде мужик. Ему бы отъесться. 2-а? Бог ее знает, скрытная она какая-то... Молчит все время, что там у нее в голове?» 5-с, не торопясь вылезать из враждебной ему воды, продолжал строить умозаключения. Его еще не отпустил непреодолимый иррациональный страх перед водой, охвативший при высадке. Но он продолжал купаться, глуша противное ощущение, отдавая себе отчет в его немужской склизкости. И вода была единственное место, где можно побыть, не встречаясь взглядами с другими Игроками, некоторые из них стали ему непереносимо неприятны. В жизни он был сильным мужчиной, часто, пользуясь своей силой, обращался с окружающими грубо. Но такая ситуация оказалась для него неожиданной. Вступая в Игру, он, несмотря на предупреждения, почему-то не думал о подобных раскладах. Всегда и везде будучи безоговорочным победителем, 5-с никогда не прибегал к хитрости, не нуждался в ней.

В общем, он не был так уж не прав. Только в своих рассуждениях 5-с забыл об одном из членов своего Племени, о веселой девушке с номером 16, 16-о. Она целыми днями напролет купалась и гуляла, загорала, одеваясь, как на уютном курорте. Иногда вместе с цветастой летней юбкой надевала бельевого лифчик с кружевами.

А еще 5-с совсем забыл, что пару дней назад 9-н внушала ему безгловое отвращение своей беспрестанной болтовней.

16-о была за себя спокойна. Еще неизвестно, думала она, чем закончится испытание. Даже если они и проиграют, ей это ничем не грозит. Она уже выяснила, как будут голосовать большинство Игроков, и ее имя прозвучало лишь один раз. Тихая и, как казалось 16-о, скрытная 2-а неожиданно сказала, глядя ей в глаза, что будет голосовать против нее. 16-о просто усмехнулась. Она-то уже почти озаботилась молчаливостью 2-а, видя в ней какую-то особую, жесткую подготовку к интриге. А оказалось, что это лишь немногословность замотанной прачки.

Сама 16-о не представляла, как еще можно играть, не строя союзы и не сговорившись в несколько голосов вычеркивать одного за другим остальных. Потом, когда никого не останется, она настроит их друг против друга, пусть передерутся, как пауки в банке. А она постоит, посмотрит.

Но это все потом, еще не скоро. 16-о забыла, когда последний раз была на море, и густая сизая зелень близкой воды наполняла ее восторгом. По природе своей она была сильным человеком, и этот вынужденный пост никак не повлиял на ее настроение. Тем более что теперь у них был огонь, какая-то пища. Еще где-то на Острове спрятана еда, об этом сообщило вчерашнее послание. Хотя «клад» еще не нашли, но ведь найдут же рано или поздно.

Так, спокойная за будущее, 16-о старалась получить от дня настоящего удовольствие. Она радовалась солнцу и морю и каждый раз после купания, растягиваясь на горячем песке, благодарилась судьбу за то, что оказалась в Игре. Она была в раю и рассчитывала пробыть в нем еще долго. Очень долго.

То, как 2-а добровольно возилась у костра, пытаясь приготовить что-то удобоваримое, или мыла небогатую посуду (так же добровольно 10-и и 11-и заготавливали дрова), ее просто смешило. Пусть, глупая, старается. Небось, надеется, что ее пожалеют и оставят. Ну, блажен кто верует.

На всякий случай (для полного спокойствия) она решила подружиться с 5-с. Тем более что этот здоровый мужик ей и «просто так» нравился, его сила заставит других опасаться голосовать против него. И тех, кто рядом. А еще 5-с все время валялся на полоске песка, иногда заставляя себя лениво переворачиваться. Они натирали друг друга кремом от солнечных ожогов (единственная цивилизованная роскошь, позволенная организаторами), болтали обо всем на свете...

Их привезли одновременно, синих и оранжевых. Из лодки синих 1-с выскочил прямо на ходу, до берега было несколько метров и воды по пояс. Неожиданно мощно пропахивая воду,

он побежал к оранжевым. На носу их лодки сидела его 2-а. Она поднялась, поддерживаемая дружелюбно улыбающимся 11-и, и прыгнула в протянутые руки 1-с. Крепко прижимая ее к себе, он вынес ее на берег и опустил на песок, сам лег рядом. Через несколько секунд к ним подбежала Смотрящая из местных и затараторила: «Сорри, сорри!», — знаками показывая, что им надо разойтись в разные стороны. 1-с резко повернулся и бросил на нее один взгляд, от которого Смотрящую сдуло на несколько метров. Она остановилась в растерянности, потом, увидев улыбки у своих русских коллег, отошла.

Игроки, почувствовав послабление, собрались в одну группу, вежливо отделившись от двоих кустами. Пользуясь неожиданным моментом свободы, Племена торопливо пересказывали друг другу новости. Враги по Игре, они не могли еще испытывать к сопернику по-настоящему темных чувств, слишком долго все вместе были на отборе. Только один из них, 4-с, чуть заметно засмутился при встрече. Казалось, он стеснялся своей вспышки гнева три дня назад. Поздоровавшись со всеми, он отошел в сторону с 5-с. Они познакомились на отборе и за дорогу очень сдружились, так во всяком случае думал 4-с. В душе он даже радовался, что они оказались в разных Племенах, — ему не хотелось враждовать с 5-с.

— Ну, как у вас там жизнь?

— Да жопа полная!

— А чего?

— Да эта, представляешь, 13-н, с этим глистом, 10-и, снюхалась, теперь еще молодым мозги компостирует. Ох, быть беде...

— А что, думаешь, тебя?

— А кого ж еще? Они знают, что я их ненавижу, вот и стараются!

— Да, у нас тоже один такой паук есть...

— Этот, что ль? — 5-с кивнул в сторону 3-а.

— Ну да. Слушай, а как эта гнусь, ну, 9-н? Не убил ее еще? — Они познакомились, когда, в очередной раз услышав неумолчный треск ее языка, оба вышли из помещения. И потом говорили друг другу, что если 9-н окажется в Игре, то они ее утопят.

— 9-н? — 5-с, казалось, запнулся. — Да, знаешь, нормальная девка оказалась. Ну эта... — 5-с неожиданно обнаружил, что ему в голову не приходит ни одно достойное определение, которым можно наградить 9-н. — Эта... знаешь, все делает классно, помогает всем.

На прошлом испытании перед самым стартом 9-н действительно начала объяснять всему Племени, как следует нести плот. Взгляды, которым одарили ее просто обалдевшие от этого мужчины, она, кажется, просто не заметила. Тогда 5-с еле сдержался, чтобы не обругать ее по матери.

Худшие предположения впечатлительных девушек оправдались. Игроков рассадили за длинным столом, поставленным прямо в сельве. Подошел СБ. Он оглядел всех с каким-то странным выражением на лице, поздоровался и... сдернул покрывало с предметов, стоящих во главе стола. Все разом выдохнули, раздался чей-то присвист и возглас: «Адна-ака...»

В больших стеклянных мисках шевелились сбившиеся в одну массу личинки. В одной миске они походили на огромные муравьиные яйца, в другой суетились черные многоножки.

То, с какой скоростью исчезли продукты, найденные в закопанном сундуке, казалось неправдоподобной злой шуткой. Ни разу никто не почувствовал сытости, в воспоминаниях не осталось вкуса на языке — раз — и нет их, пуста коробочка. Кокосы, кокосы, чья мякоть представлялась такой экзотически нежной, такой маняще-белой, теперь все явственнее приобретали вкус жеваной бумаги, застревали между зубами и, самое главное, никоим образом не насыщали. Съесть больше одного ломтя (которые мастерски научился вычищать из скорлупы 4-с) было невозможно. Да и сами орехи, как выяснилось, на Острове довольно редкий трофей. В районе лагеря кокосовых пальм с орехами не было, их собирали только на дальнем конце Острова, в количестве весьма скудном. Тащиться по солнцепеку (или еще хуже — через убийственно влажную сельву) ради того, чтобы принести два ореха, охотники находились редко. Больше двух не утащишь, неочищенные орехи большие и неудобно круглые, а брать с собой мачете и очищать их на месте почему-то никто не догадался. Игроки вспоминали контракт, где было написано, что Боги обеспечивают Игроков пищей, необходимой для физического выживания. Только теперь они додумались до того, что для физического

выживания человеку достаточно одной банки консервов в месяц. Не сдохнет. Сначала все ждали следующего извещения об очередном «кладе». Но однажды 1-с поделился своими надеждами с одним из Смотрящих. Высокий тяжелый дядька, усами и низким голосом похожий на опоздавшего (на пару веков) родиться здешнего пирата, недобро усмехнулся мечтаниям Игрока и, смакуя первое слово, вынес приговор: «Ни х(биип!)я вам больше не будет!» Приближался голод. Голод.

На какое-то время ситуацию с кормом разрулили крабы, которых на Острове водилось в изобилии. Сначала им не придавали значения: нелепые прыжки 3-а, который носился с москитной сеткой в руках противоположными зигзагами, вызывали недобрый гогот. Количество истраченной энергии не соответствовало результату — членистоногое, в конечном итоге погибшее под пяткой нового Паганеля, не произвело впечатления съедобного.

После детальной вивисекции были отысканы жалкие волокна в лапках и предположительно съедобные сгустки белка под панцирем. Однако в соревнованиях человек-краб несомненное лидерство принадлежало, тем не менее, последним. Игра не стоила свеч.

Способ ловли крабов был открыт, как и все гениальное, случайно. 1-с, в чью привычку вошли прогулки по длинным пляжам и ковыряние песка, однажды перевернул бревно и обнаружил там по меньшей мере десятков пар бесстрашно выставленных на него клешней. Ослепленные неожиданным светом, ночные (в принципе) твари застыли на месте. Их можно было собирать пачками, было бы куда складывать. Первый сбегал за Четвертым, они вернулись с импровизированным ведром (пластиковой емкостью, прибитой к Острову волной) и принесли в лагерь ведро четырьмя руками — оно было полно крабов. Количество живых существ бодрило, добыча казалась значимой.

Эта иллюзия кормила Племя еще несколько дней, пока не выяснили, что котелком, полным свеже сваренных крабов, нельзя наесться даже одному человеку. Девяносто девять процентов веса и объема этого харча составлял хитин, желчный пузырь и прочая дрянь. Высасывание мяса из маленьких лапок больше всего напоминало процедуру поедания семечек — можно лузгать до умопомрачения, но насыщения это не приносит. Больших крабов на Острове не водилось.

Это злило, бесило, раздражало (выбирайте любой из понравившихся глаголов). Через Смотрящих до них доходили слухи о продуктивном процветании оранжевых, они же продолжали довольствоваться ясельными порциями кокосовой каши, вызывающей у части Игроков «каков стол, таков и стул». Рекламная брошюрка, на которую купился каждый из них (и пришел в Игру), обещала дикие джунгли, «полные кайманов и оцелотов». Зеленых насаждений на Островах действительно хватало, в отличие от обещанных пресмыкающихся и млекопитающих. Они действительно водились на архипелаге, но начисто отсутствовали на Островах — обиталищах Игроков. Причины (точнее, причина) были весьма банальны — отсутствие источника пресной воды. Мечты о пятнистой шкуре с еще свежими брызгами крови, небрежно брошенной под ноги прекрасной островитянке, пришлось забыть.

В голове у 7-и не было ничего, лишь сердце сжимал тоскливый ужас, в горле стоял тошнотный ком.

Первый приступ паники накатил на 7-и еще утром, после того как вернулась 14-с с почтой. У нее враз ослабли колени. Солнце уже висело в небе, но воздух еще оставался прохладным — а по ее телу прокатилась волна, оставившая за собой липкий пот.

В Москве 7-и считали «дамой света», она видела, как неодобрительно косятся на нее люди, когда она приезжала на отборы на своем «мерсе», а когда она называла свою профессию, то вокруг появлялись оскорбительные ухмылки. Она действительно была богата, хороша собой, могла позволить себе все, или почти все, в этом мире. (Так что ее присутствие в Игре считали непонятной блажью, в ней подозревали какого-то агента, «темную лошадку», упорно не соглашались понять того, зачем девушка из роскошной, полной самого классного комфорта жизни пошла в Игру.) Но 7-и не стеснялась — она была из простой русской семьи, и того уровня, на котором она жила сейчас, она достигла только сама. («Мерседесы» в нашем климате с неба не сыплются.)

В молодые годы она подолгу жила в деревне, часто ходила в походы, так что отсутствие

комфорта не было для нее чем-то шокирующим. Она была готова и к тому, что ей будет труднее остальных завоевывать признание и уважение. Но она старалась — со спокойным лицом, без видимого напряжения, она голодала, работала наравне с мужчинами при строительстве и при заготовке дров. Ее трудолюбие и выносливость уже начали приносить плоды — она видела, что большинство на нее смотрят с откровенной одобрительностью. Разумеется, в основном это были мужчины.

Она считала себя готовой к физическим испытаниям и лишениям, да так оно и было. Но то, что предстояло ей сейчас... Еще в детстве, когда их компания ходила ловить бабочек, она не могла смотреть на трофеи. Она не замечала ни чарующей расцветки, ни элегантной формы крыльев — только подрагивающее мягкое брюшко, наполненное слизью. Однажды в лесу на нее упала гусеница, и она упала в обморок. Ей тогда было уже 17, с большой компанией они лазили по Алтаю.

...Копашающееся нечто в посудинах на столе вызывало у нее желание выскочить из-за стола и бежать, не оглядываясь, взяв кусок мыла, зайти в прозрачную воду и тереть кожу, намыливая ее снова и снова. Пока она держала себя в руках, так как личинки были от нее далеко, но что ей делать, когда понадобится брать их руками и есть...

Испытание началось. Смотрящие поставили перед каждым плоскую круглую дощечку, на которой лежало по одной личинке. Пока не самой большой, белой. Съедали их по очереди — синий-оранжевый. Пока трабл случился только с 13-н. Беззаботно улыбаясь, она положила личинку в рот, но по ее горлу пробежала волна, кадык судорожно дернулся. Ее затошнило, но она нагнулась над столом и стиснула зубы. Приступ прошел, она вслепую взяла со стола чашку из кокоса, отпила несколько глотков.

7-и сидела в середине Племени, стремительно приближалась ее очередь. Когда наконец свою порцию «деликатеса» съела ее соседка, 7-и заколотило крупной дрожью. Стол, грубое подобие блюда, грязно-белая извивающаяся пакость на ней — все стало расплываться от брызнувшей из глаз соленой влаги. Скамейка под ней ошутимо поплыла куда-то вверх и в сторону — закружилась голова. В горло как будто запихнули большой вонючий ком — она не могла продохнуть, тошнота навалилась одной сплошной волной. Почти ничего не соображая и ничего не видя, она делала руками какие-то движения.

Вдруг до нее донесся смутный гул. Он разросся, это походило на звук приближающейся и разбивающейся о скалы волны. Она открыла глаза — и увидела, что скамейка и весь остальной мир вокруг перестал кружиться. Племя, сидевшее вокруг нее, предельно громко галдело, хлопая в ладони, улыбаясь, ближайšie протягивали к ней руки, гладили по плечам. 7-и посмотрела на круглую деревяшку. Она была пуста. И только сейчас до нее дошло, что она заставила себя съесть этот ужас. Ее воля оказалась сильнее, но для разума это было слишком сильное испытание, и он отключился, спасаясь от... То, что она сейчас сделала, — диктовалось импульсами, идущими от воли.

Хлопая глазами, она огляделась. Ей аплодировали не только синие, но и сидящее напротив Племя соперников. Она сглотнула, пошевелила языком и почувствовала во рту странное послевкусие. Тогда она схватила чашку и стала жадно пить, проталкивая через горло воду насильно, как что-то твердое, имеющее грани.

5-с вышел с поляны Совета (который уже раз) в слегка ошарашенном состоянии. Расклад голосования на «съедение» был для него неожиданностью. Он готовился услышать свое имя, презрительно глядя на 10-и и ставшую с ним неразлучной 13-н. «Шакалы, вот шакалы», — скрежетало в голове. Злость придавала ему силы, последние два дня он прожил, как будто питался солнечной энергией.

Но... но когда восьмерка решала, без кого им становиться семеркой, большинство голосов оказалось против 16-о. Про него же вообще, казалось, никто и не думал. Получалось, что 9-н подсунула ему куклу, дезу. Но он много разговаривал с ней последние 72 часа, и в ее маленьких глазах он не видел ни капли скрытности, хитрости — ничего, что могло бы насторожить или походить на обман. В глазах 9-н была только преданность друга.

«А вдруг...» От новой мысли 5-с даже остановился. На его бычьей шее проступили жилы, камни перекатились под кожей на скулах. «А вдруг это их маневр, их финт ушами?! Если они обтяпали „съедение“ безобидной 16-о только для того, чтобы успокоить его, 5-с (заодно и всех

остальных)?» 5-с посмотрел на 10-и, разговаривающего в этот момент с одиннадцатым. Тот увидел его взгляд и быстро отвел глаза. «Ну, понятно!..» — завеса темноты в действиях Игроков спала, 5-с стало действительно все ясно.

Так во всяком случае думал он сам. Простая мысль о том, что 16-о сегодня вышибли из Игры только потому, что она не потрудились за эти дни пальцем о палец стукнуть, ему в голову не пришла. Предчувствие, что вокруг него сгущаются тучи, было тем не менее верным. 5-с не мог сообразить, что остальные Игроки просто-напросто имеют к нему те же претензии. За эти дни он один раз принес несколько бревен, что заняло у него полчаса, и вместе со всеми прошелся по лесу в поисках «клада». Все остальное время он бездельничал.

— Ну, что скажешь?

— А че тут говорить, — СБ закурил очередную сигарету. Последнее время он перешел с легких на крепкие, окончательно поняв, что сейчас по крайней мере завязать не удастся, — не бывает, чтобы человек ТАК играл... Она же искренняя по-настоящему. Туповатая, по-моему — но, может, поэтому открытая такая, вся на виду.

СБ старался говорить убедительно, сам в свои слова не очень веря. То, что они отсмотрели сегодня, не лезло в ворота ИХ представлений о жизни и поведении, но в русском языке такое слово и понятие существовало, называется б(биип!)во. СБ (знал) видел, что СК очень гордится тем, каких людей он наградил званием Игрока, что его задумка была шире и значительней, чем просто яркое шоу. Он хотел, чтобы в условиях, заставляющих совершать подлости, Игроки, наоборот, показали примеры настоящего благородства. За время отбора СК искренне полюбил всех Игроков, каждому сочувствовал. И СБ сейчас видел, что СК очень, очень не хочется окончательно соглашаться с тем, что как минимум один Игрок готов пойти на б(биип!)о во имя Победы в Игре. Очень.

СК прикурил одну сигарету от другой и снова опустил голову, выставив вперед тяжелый лоб. СБ заметил, что за эту неделю у СК глубже очертились морщины, под глазами проступили коричневые круги. Они находились на Карибах уже дней пятнадцать, но СК оставался нордически белокожим. Он не загорал, не плавал — он вообще почти не выходил на улицу, просиживая 25 часов в день в операторской и смотровой.

Последние полчаса они отсмотрели все материалы, прослушали все имеющиеся расшифровки разговоров одного только Игрока. Этим Игроком была 9-н из оранжевых, мелкого роста девушка, одна из первых получившая прозвище Энерджайзер. В одном из недавних разговоров у костра прозвучало недовольное «в каждой бочке затычка», но в целом Племя, кажется, сменило гнев на милость. Она заслуживала уважения хотя бы своей неумемной энергией.

Так Всевидящие узнали, что за последние дни 9-н выбрала время для каждого из Игроков. Точнее (нет, не для каждого, конечно), для всех потенциальных вождей и лидеров, между которыми уже ворочался непримиримый медведь ревнивой конкуренции. 9-н выбирала момент, когда Игрок был один, и подходила, заводя разговор. В каждом случае она говорила одно и то же: «Тебя собираются „съесть“. Но ты не один. Я постараюсь тебе помочь».

— Слушай, что же тогда получается?! Она СПЕЦИАЛЬНО между ними вражду сеет?

— А что же, по-вашему, она еще делает...

— Но смотри... — СК взял пульт и отмотал одну из кассет назад. — Смотри! На лицо смотри. Она же искренне сейчас говорит. Это точно, я жизнь знаю, слава богу. Не может человек ТАК врать. У нее глаза честные.

— Ну тогда...

— Да что тогда?! — голос СК, прежде тихий, чуть печальный, начал набирать нервную силу.

— Тогда только и остается, что она каждый раз говорит по-настоящему. Что ей все нравятся. Что она хочет подружиться со всеми.

— И устроить между ними драку?

— Ладно, СК. Может, мы просто слишком старые стали. — СБ усмехнулся. Ему только исполнился тридцатник, СК был ненамного старше. — Не понимаем молодежь. Давайте ТАКИХ выводов не делать. От начала Игры всего ничего прошло. Будущее покажет.

...Будущее действительно показало. Оранжевые проиграли и следующий конкурс, и на

Совете голоса разделились. Точнее, Игроки разделились еще до Совета, две группировки почти прекратили общение, одни смотрели на других с презрением, обещавшим вот-вот перейти в ненависть. «Вне политики» оставались самые молодые Игроки, 11-и и 2-а. Девушку, кажется, вообще не волновало происходящее вокруг, она большую часть времени проводила за хозяйственными делами (которых прибавилось после того, как сундук с припасами и предметами был все-таки найден). Выглядело это так, что она занимает себя чем угодно, лишь бы не сидеть спокойно. Может, поэтому ее не пыталась сманить на свою сторону ни одна из группировок: Игроки оставались прежде всего людьми. («Долго ли?» — Всевидящие задавали этот вопрос сами себе и друг другу все чаще). Ее разлуке с 1-с сочувствовали, и ее не трогали. До поры до времени.

В конечном итоге вылетел явный лидер 12-б. Игра набирала обороты, они стали избавляться не от «ненужных», а от конкурентов. СК не просчитался. Теперь в единоборство вступали 10-и (будучи морским офицером, он почему-то получил прозвище «полковник» или «полкаш») и вечно мрачный 5-с. Медлительно-ленивый и раньше, теперь он стал попросту забивать на все работы в лагере, все больше валяясь на пляже или сидя под пальмами, беседовал с 9-н, с которой у них началась настоящая дружба (во всяком случае так это выглядело). Он бойкотировал сам процесс Робинзонады, живя только ожиданиями следующего испытания и Совета. Не приученный особо прислушиваться к чужому мнению, он (скорее всего, это не было *ignorance**) просто не замечал укоризненных взглядов и подколов от остальных.

8

«Человек становится Маугли за семь дней. Или погибает», — громко сказал главный Хранитель. Собеседникам (Смотрящим и Боям) не было причин не доверять его словам. Они знали, что этот человек видел то, что не каждому приснится в самом страшном кошмаре. Этот Хранитель видел много СТРАХА, и, выбелив ему виски в волчий оттенок, страх людской подарил ему еще и особенную, злую мудрость. Понимание (и знание) человеческой фактуры.

Не зря он был главным Хранителем, и все ему верили на слово. Тем не менее кто-то переспросил: «Так быстро?» — «Ну, конечно, сейчас не имеется в виду ПОЛНОЕ превращение в зверчеловека, но рефлекс, инстинкты, чувства, мысли — они переходят на новую систему работы, восприятия. И вот эта перестройка — она занимает не больше семи дней».

Смотрящие и Хранители пили. Пьянство было единственным развлечением на этом клочке суши с потугами на цивилизацию, и это же было их естественным стилем жизни. Но каждый из них знал в сердцевине своей души, что вливать в себя огонь с кубиками плавящегося льда их заставляет что-то еще. Сутки на отдых (таков был график их работы: день на Острове, в Игре, день здесь, на приколе) — возможность расслабиться, отдохнуть, переварить все то, что сделали и сказали Игроки. Смотрящие оказывались в роли вуайеристов и исповедников одновременно. Как наэлектризованный эбонит притягивает пыль, так они (с каждым днем Игры — все больше) притягивали к себе все чувства и эмоции, что были на Островах Игры, то тихо собирающиеся в замысловатые узоры-комбинации, то неожиданно взрывающиеся. И уже не один из них тихо проклял себя (подогрев самокопание местным ромом) за то, что вступил в Игру, — долг был не из простых.

«Человек становится Маугли за семь дней». С начала Игры прошло много больше. Отправной точкой их беседы (все на той же веранде бара) послужил крупный план, пойманный одним из Смотрящих сегодня утром.

Боги скинули с неба маленький ящик (на парашюте). Ящик упал далеко в море, синие доставали его из пучины и доставляли на берег с полной самоотверженностью. Им грезились пиво, сигареты, консервы или рис, наконец! Черт побери! Приплясывая на месте от нетерпения, Племя забавно долго вырывало друг у друга из рук топор. Каждый полагал, что уж он-то заслужил честь быть открывателем посылки.

Был ли это (заранее продуманный) давний расчет Богов, или утренняя импровизация — так или иначе содержимое посылки попало не в бровь, а в глаз. Из ящика габаритами полтора на полметра и солидного веса были извлечены свинцовые чушки, еще раз свинцовые чушки, и

еще раз — они же. Все это служило утяжелителем — иначе не раскрылся бы парашют. И призом за все эти титанические усилия стал... маленький шоколадный батончик. Разочарования синих (особенно бредящих куравом 1-с и 4-с) словами не описать. Сцена вынимания из посылки махонькой шоколадки была гротескно трагична до надрыва живота смешной. Никакой Белла Лугоши так не сыграет.

Оправившись (совсем не быстро) от шока, синие, абсолютно обессиленные таким обломом, наметили очевидные порывы разбрестись по лагерю и в лежачем положении всласть пострадать от подлости Богов. Но вначале предстояло решить, что делать с этой какашкой сладкого. И тогда 3-а, последние дни не вылезавший из шкуры руководителя, единолично постановил: «Шоколад делится только между женщинами». Решение было справедливым — попробовал бы кто из мужчин возразить!

Вот в этот-то самый момент Смотрящий удачно перевел камеру на лицо 1-с, засняв кадры, ставшие сегодняшним хитом. Лицо (особенно — глаза) молодого Игрока являло собой арену сражения. Схватки между человеком и зверем. Вся его прошлая, человеческая жизнь, говорила — будь джентльменом, тем более, какой прок от одного кусочка. Проснувшийся зверь требовал схватить батончик, убежать в джунгли и там проглотить в одиночку. Картинка была сильной.

С прибаутками просмотрев этот эпизод раз двадцать, Смотрящие продолжили обсуждение в баре. Они говорили все разом, много смеялись... Смех заглушал тревогу, но иногда она все-таки проскальзывала, как игла сквозь обернутую вокруг нее ткань, а алкоголь выпивался без видимого удовольствия: они вливали в глотки ром и виски, как простую воду. Это не было никем произнесено, но было понято всеми. Это висело в воздухе. Висело над ними. И в любой момент могло обрушиться, поставив печать проклятия. Они, Смотрящие, сделают эту Игру, они воплощают дерзкую идею СК, помогают вдохнуть в нее жизнь. И если ЭТО произойдет, то вина будет на всех них.

В Игроках просыпался ЗВЕРЬ. Пока что он был еще ручной, Игроки видели его и играли с ним, как с котенком. «Но... не пожрет ли зверь их души? Ведь если в ком-то из Игроков зверь окажется сильнее человека и пожрет его — это НАША вина». Это понимали все они и тихонько молились за Игроков. Молились, чтобы вопреки жестокости условий и Правилам они остались людьми.

...Только один СК твердо знал, что это обязательно начнет происходить. Ради этого он и затеял Игру, это было ее солью. Посмотреть, как долго сможет человек оставаться человеком.

В лагере синих царил внешнее спокойствие. Их жизнь вошла в тихую колею, так выглядело внешне. На их Острове, в отличие от соседнего, не было кокосовых рощ, но отдельные пальмы попадались. Вскоре они уже знали о каждой из них (в основном благодаря длительным прогулкам 1-с. Несмотря на то что у него были ровные отношения со всеми девушками, с 4-с, да и с 3-а и с 8-а не конфликтовал, он по-прежнему предпочитал одиночество), и каждое утро начиналось (после купаний, которые становились все более и более вялыми) с похода за орехами. Обычно ходили 4-с и 7-и, иногда к ним присоединялся 1-с. Про первых двоих уже начали распространяться слухи... нет, не слухи, конечно (какие слухи могут быть среди людей, не расстающихся буквально 23 часа в сутки?), но аура флирта душистым облаком следовала за ними, куда бы они ни пошли. А они этого совсем не стеснялись и, словно специально провоцируя Племя на многозначительные взгляды в спину, все чаще уходили на дальний конец Острова «за кокосами».

Может, поэтому, а может, просто из нежелания оказываться втянутым в интригу или из нежелания лишнего общения — в общем, когда 1-с очередным жарким полднем отправился по их следам, он чувствовал какое-то неудобство. Пару раз 1-с забегал в море и проплывал несколько метров под водой, освежаясь, потом шел дальше. Он нашел их на дальней косе — широкой полосе белого мягкого песка. Вопреки ожиданиям (а сейчас он отметил про себя, что все-таки ожидал чего-то... интимного), 4-с и 7-и сидели, точнее, лежали на приличном расстоянии друг от друга. Они играли в какую-то игру, судя по выражению их лиц, причем 7-и напрочь выигрывала. 1-с подошел ближе, его шаги глушил мягкий прибой и песок. «Ун, дос, трес, quadro», — считал 4-с, лицо его при этом выражало муку мученическую. Он запнулся и искательно посмотрел на 7-и, робко улыбаясь. Если бы 1-с не увидел этого сам, то такого выражения на лице 4-с он просто не представлял. «Елы, палы, и всего-то?» — удивленно

подумал он.

Дорога до места Игры заняла три дня, и большая часть пути проходила по латинским странам. Он видел, что 4-с был одним из «немых», а 7-и легко щебетала со служащими аэропортов и прочим смуглым людом. Теперь, значит, 4-с решил не быть больше безголосой чуркой и попросил 7-и научить его испанскому. Не желая продемонстрировать собственную тугоумность, он уводил свою учительницу на край их маленького света. Теперь 1-с рассмеялся — ему бы тоже не улыбнулось показывать 2-а свою слабость или некомпетентность.

От его смеха они повернулись к нему, прикрывая глаза ладонями. 7-и улыбнулась ему, 4-с, наоборот, серьезно сдвинул брови — сразу заметил мрачность во взгляде своего нового приятеля. 1-с опустил рядом с ними на песок.

— Ребят! Простите. У меня плохие новости. 7-и, против тебя голосовать будут.

— Да, я знаю. — 7-и улыбнулась, как будто услышала что-то забавное, но не очень. Большие глаза ее потемнели.

— Да ладно тебе. — сказал 4-с. — Смотри, что у нас? Я с ней вдвоем, а ты — ты же не будешь против нас (он так и сказал «нас»)? Вот и три уже. А эти пусть голосуют, как хотят.

— Ребят... Серег, Инн, — то, что он назвал их имена, а не Ай-Ди* Игрока, непривычно ударило слух, — они сговорились. Все четверо. Надо что-то сделать, ребят.

Они говорили долго, иногда повышая голоса, иногда опускаясь до полупшепота. Говорили в основном мужчины, Инна переводила взгляд с одного на другого. В одну из пауз она сказала:

— Спасибо тебе, Серег — обратившись к 1-с также по имени. («Откуда она его знает?») — подумал тогда 1-с.)

— Да не за что, — 1-с махнул рукой. — Мне, честно говоря, на тебя на(биип!) было до сегодняшнего утра. Просто то, что они, — он брезгливо подчеркнул слово «они», — задумали, это полное дерьмо. — И улыбнулся 7-и, которая сидела, с изумлением глядя на него из-за такого обилия ругани. 4-с одобрительно хмыкнул.

Когда они поднялись и двинули назад, к лагерю, солнце уже прошло заметный отрезок по небу. Они подошли к лагерю и увидели обращенный на них взгляд 3-а. Этот Игрок, замысливший стать вождем в демократическом обществе, определенно не пропускал мимо внимания ни одного изменения в поведении остальных. 1-с вспомнил, что так же он смотрел, когда они с 4-с возвращались после «раскурки». Только теперь их стало трое.

3-а отвернулся. «Быстро спелись мальчики и девочки». Он, конечно, сразу догадался, что за разговор был у этой троицы, но лишь улыбнулся. То, что задумал он, было на порядок выше (и сильнее — он был уверен) их детских игр. 3-а приехал сюда выигрывать, он давно продумал стратегию и сейчас претворял ее в жизнь Племени. Он был уверен в себе, в своих построениях, в своей победе. И в своем даре убеждения. Эти сопляки ему не ровня.

Неизменным вызовом мужской части Игроков оставалось море, нагло являющее Игрокам свои неисчерпаемые запасы (в виде крупных рыб, шныряющих по мелководью), но не спешащее оными делиться. Поймать рыбу было нечем.

Одним из Смотрящих был местный житель, не волокущий ни по-английски, ни по-испански, но имеющий явные симпатии к Игрокам. Однажды (еще в самом начале Игры) он подозвал нескольких Игроков и показал им, как из гибкой лозы и лиан сделать ловушку для рыбы. Под опытным руководством ловушка была быстро сооружена, но пока ее КПД ограничивался тем, что она хоть как-то занимала мысли (хотя бы некоторых) Игроков, мозги которых стремительно вскипали в горяче-влажном климате и островной клаустрофобии. Однообразие занятий, потребностей и окружающих рож вызывали идиосинкразию. Ловушка для рыбы была одним из немногих развлечений, чем-то вроде здешней лотереи. Пока, впрочем, никто не выиграл.

Постепенно на это занятие плюнули все, кроме 1-с. Он же, кстати, возился с леской и крючками, которые оказались в рюкзаке 7-и. (Добился, впрочем, только того, что все это бесценное в руках умелого человека хозяйство унесло после сильной ночной грозы. Хотя он с самого начала подчеркивал, что не рыбак.) Отплывая ежедневно к буйку из бамбукового колена, он, тараша в соленой воде вмиг воспаляющиеся глаза, разглядывал внутренности ловушки. Каждый раз 1-с ловился на одну и ту же иллюзию — болтающиеся внутри полкокоса несколько крабов и еще какая-то тухлятина шевелились от подводных волн и казались ему

одушевленной добычей.

Каждый раз он возвращался ни с чем и ловил на себе взгляды соплеменников — равнодушные, вопросительно-тревожные, ироничные, с надеждой, с издевкой (или все это ему просто казалось). В глазах 3-а, оформившегося как вожака, он читал небрежное презрение: вождь видел в потугах 1-с нежелание заниматься лагерными делами. 1-с этого особенно не скрывал, явно затягивая время своих проверок и следующего за ними отдыха на пляже. Казалось, он нарывался на конфликт, демонстрируя в такой лабильной форме свое отношение к тону 3-а. В разговоре со Смотрящим он назвал это «пар в свисток».

...Калорий в рацион синих подковерная дипломатия не добавляла...

...Прошло две недели с начала и одна неделя — с момента первого срыва СК. За прошедшие семь дней этот эпизод из жизни Богов и Смотрящих уже стал просто анекдотом с бородой и быстро стирался из памяти.

То, что творилось сейчас, отличалось от прежнего скандала как летний дождик во время пикника на природе от извержения вулкана. В ту половину здания, где собирались Всевидающие, остальные не заходили. Смотрящие и Хранители сидели поодиночке или небольшими группами на веранде отеля, на стульях ближайшего бара и шумно обсуждали последнюю новость, чуть пригибая головы («При артобстреле эта сторона улицы наиболее опасна, а другая — вообще каюк») при взрывах ругани, долетавших из «Третьего глаза».

Жучок исправно выслушал разговор трех синих и дал послушать другим. То, о чем разговаривали 1-с, 4-с и общепризнанная секс-граната 7-и, было подобно стихийному бедствию. Судя по их разговору, кто-то из Смотрящих или Хранителей слил информацию Игрокам, точнее, Игроку, а еще точнее — 1-с.

Одно из условий Игры заключалось в том, что каждый день каждый Игрок давал получасовое интервью Смотрящему. Смотрящий мог задавать любые вопросы, Игрок волен был выбирать, на какие из них ему отвечать. Информация, данная Игроком Смотрящему, являлась информацией, за разглашение которой полагалась смертная казнь через растерзание дикими животными (аудиенция у Всевидающих). Таково было одно из самых важных Правил. Игроки не должны знать о том, что думает их соплеменник, если тот сам не желает открыть карты.

Также Правила подразумевали, что у Смотрящих не может быть личных пристрастий, тем более страшным грехом было подыгрывание фаворитам, это безвозвратно разрушало ткань Игры. Еще только приступая к воплощению своей идеи, СК и АЛ полагали, что одно подобное происшествие — и можно упаковывать аппаратуру и ехать домой. И вот — случилось.

...Рычание разносилось всю ночь, затихнув с первыми лучами солнца. Нельзя сказать, что для Смотрящих эта ночь была бессонной, но если кто-то из них и видел эротические сны, то это было жесткое садистское порно. О спокойствии, в которое совершенно бессознательно и так естественно погружалась душа человека, приехавшего в эти края, теперь можно было забыть. На рассвете у всех синхронно заверещали мобильники и рации. Был объявлен общий сбор.

СК сидел в своей излюбленной позе, по-бычьему наклонив голову и исподлобья разглядывая входящих. В его серых глазах отчетливо появился оттенок синей ружейной стали. Смотрящие быстро расселись, прихлебывая кофе, который специально для них варил с ночи местный бармен — тройной крепости.

СК молчал. Говорил АЛ, уже успевший вернуться из Москвы.

— Мы, конечно, знали, что что-нибудь подобное произойдет. Все здесь присутствующие — нормальные люди. Не исключая, что, вернувшись, кто-то из вас напишет статью или сделает передачу, разносящую нашу Игру по всем кочкам (в оригинале — ругательство. — Прим. ред.). Но... но каждый из вас подписывал контракт, каждый знал, ну как минимум был предупрежден, на что идет. (Неожиданно для себя АЛ обнаружил, что говорит слова, недавно отслушанные в смотровой. Когда синие отказывались продолжать Игру, то же самое говорила им девушка Смотрящая.) И все-таки это произошло. Я прекрасно понимаю, мы все прекрасно понимаем мотивы, которым руководствовался... Да, именно так. И каждый из вас предупрежден об ответственности, налагаемой за подобный... м-м... проступок. Это — немедленное удаление с Карибов, из Игры и вообще из зоны, на которую простирается наше влияние. Раскаиваться этот человек будет, поверьте мне, немелко. Я позабочусь. — АЛ надолго

замолчал, расстреливая собравшихся взглядами.

Если и раньше они были невеселы, то теперь выражение их лиц по шкале горестей человеческих соответствовало, наверно, похоронам любимого хомячка в детстве.

СК вступил в разговор.

— Таковы были плоды наших первых размышлений после увиденного. Теперь же... — СК замолчал. У него вдруг возникло совершенно мальчишеское желание посмотреть, как долго сможет протянуться эта пауза. Прошла, кажется, целая вечность, а собрание все оставалось беззвучным и неподвижным, просто немая сцена. — Теперь же нами принято решение... продолжить Игру. И. Оставить. Происшествие. В Прошлом. (Биип!) с ним. Мы рады, что работаем с людьми, а не с бездушными роботами. Значит, мы в вас не ошиблись. Антракт, негодяи! Надеюсь, подобный разговор у нас последний.

Смотрящие по-прежнему сидели неподвижно.

СК улыбнулся.

— Сегодня очередное испытание. По лодкам, ребята!

— СК... — она подошла к нему, материализовавшись из воздуха, когда вся команда уже двигалась, поднимая клубы пыли и оскверняя утренний воздух сигаретным дымом. — Это я слила. Можете меня уволить.

— Я знаю. Элементарно, Ватсон. Твоя же смена была.

...Ловить мальков — это тоже придумал 3-а, используя всю ту же москитную сетку. Занятие было потешное, но, кроме шуток, Племя наконец-то почувствовало сытость. Мальков ловили тысячами и закидывали в котелок, туда же — измельченный кокос. Получавшаяся тюря была по-настоящему отвратной на вкус (а особенно мерзостно было ощущение лопающихся на зубах черных рыбьих зрачков), но здорово спасала от голода, желудки были полны. Соответственно, вверх поползло и настроение.

Надо было видеть, как залоснился от гордости за свою сытную идею 3-а. Довольно, как оказалось, безрукий, он был счастлив продемонстрировать свою мужскую полноценность — вот он я, самец-добытчик.

Вопль раздался с другой стороны узкой части Острова, где стояла их хижина и горел огонь. Все Игроки, находившиеся в лагере, дружно оторвались от своих дел и, встревоженно посмотрев друг на друга, повернули уши в сторону источника шума. Вопль повторился, на сей раз ощутимо ближе. Теперь стала различима его радостная тональность (все расслабились, тревога прошла, не успев возникнуть), а также номер орущего. Кричал 1-с. Он вообще обладал невоспитанно громким голосом и иногда приковывал к себе внимание, сам того не ожидая. 3-а, как раз несущий к костру сетку со смертниками-мальками, обвел Игроков демонстративно раздраженным взглядом.

«Какой прок с него?! Один шум да раздражение! Ни малейшего представления о воспитанности! Да плюс еще мозгов ни на что не хватает: не может сам стратегию создать, другим мешает (другие состояли из одного 3-а) И ведь, мерзавец, отлично соображает, что девушкам этим глупеньким он нравится... А может, с 4-с попробовать контакт установить. Подойти после заката по-тихому: мол, ты парень умный, не то что этот шибздик».

Появление 1-с в лагере прервало мысли 3-а.

1-с подошел к нему и, на глазах окруживших их Игроков, вынул руки из-за спины. О-ох! — в каждой было по огромной рыбине, они были такие большие, что их хватит на роскошный ужин всему Племени. На этом фоне улов 3-а выглядит неумной пародией на рыбалку. Удача улыбнулась 1-с, улов послужил достойной наградой за упрямство.

«Пора этих мальчишек выбрасывать!» — в который раз сказал себе 3-а, но впервые — так твердо. Сегодняшнее торжество первого испоганило ему весь день, и даже восхитительная жареная рыба не принесла радости. «Сначала мы их ослабим — выкинем 7-и», — 3-а занялся своим любимым делом — комбинированием. 3-а быстро увлекся, настроение улучшилось. Он сидел на бревне, меланхолично глядя в огонь. Вокруг Игроки славили 1-с, рассыпаясь в цветистой лести.

— Ну и на фига? — третий Всевидящий, АЛ, сам не мог понять, как реагировать на услышанное.

— ... как тебе сказать.. — они с СК были на «ты», — у них же в контрактах записано:

«обеспечиваются продовольствием в количестве, необходимом для физического выживания».

— Ну бросили бы им пачку риса с почтой!

— Да паренек этот, 1-с... Держится за ловушку, как голый за свечку. Видно же, что не умеет ни хрена, а старается, настырный. Вот и захотелось ему как-то... поспособствовать.

— А Хранители, небось, воздух в баллонах потратили — где заправлять?

— Да брось ты! Им самим это в радость, а то уже скучно стало. А так — половили рыбки, водолаз сплавал, в корзинку подводную запихал. 1-с нашел. Романтика... — СК усмехнулся.

Однако подсунув синим рыбу в ловушку, Всевидящие нарушили какое-то незримое равновесие, чаши весов поменяли расположение. Правда, тяжелее оказалась чаша Игры: с того дня в ловушки время от времени рыба стала попадаться без посторонней помощи.

На тот момент синие выиграли три испытания подряд. Помимо численного преимущества, они (сейчас) вели и чисто психологически, являясь на испытания с такими выражениями лиц, которых добиваются от своих подопечных инструктора рукопашного боя в ВДВ. «Хана всем, сучьи дети». У оранжевых же царили видимые глазу разброд и шатания. Создавалось впечатление, что за всех отдувается лишь 11-и. В самом молодом Игроке, с каждым днем все более походившем на иллюстрации из истории Второй мировой, таились мистические запасы взрывной силы и выносливости. 5-с же, от которого все ожидали (в том числе и он сам) ратных подвигов, вел себя как лев после любви. Остальные Игроки являли собой весь спектр состояний духа и тела.

У синих была хоть какая-то сплоченность, или ее видимость, под знаком лидерства 3-а. Последние дни его громкий авторитетный голос раздавался в лагере чаще голосов остальных, преимущественно в снисходительно-советливом, реже — в командном тоне. Остальная шестерка выбросила белый флаг, без конфликтов подчиняясь его «советам». Справедливости ради надо сказать, что начальником он действительно был неплохим, без самодурства и толково наводя порядок. Сам 3-а любил повторять: «Ну, я двенадцать лет на руководящей работе», подразумевая, очевидно, свои неисчерпаемые таланты вождя.

Его безмятежное настроение лишь один раз подпортил этот хамоватый сопляк, мальчишка 1-с. Тогда на их долю выпало необычное испытание, нужно было создать нечто монументальное, что-то, что мог увидеть пилот самолета. (Задание было чисто условным — самолеты над этими двумя Островами не летали.) Тогда обсуждение различных проектов прошло весьма бурно, и идеи 1-с и 3-а никак не желали совпадать. Раздраженный долгим спором на солнцепеке, 3-а в конце концов брякнул: «Да сколько уже твоих идей терпели здесь фиаско!» Заряд был выпущен явно сгоряча, совершенно не в жилу. 1-с, однако, не оценил юмора и, всерьез взбеленившись, с совсем нехорошим лицом взял наперевес весло. Слава богу, остальное Племя в этот момент было в лагере и не видело позора своего вождя (сам он себя проклял за подобную неосторожность: сопляк сопляком, но 1-с вызывал симпатии Племени, и вступать с ним в открытую вражду было бы просчетом). 1-с, неожиданно взорвавшись, также быстро и затих, безропотно приняв план 3-а и приступив вместе со всеми к работе. Чем напомнил 3-а «лимонку», лишенную боевой рубашки. «Ну, как я и думал. Скис мальчишка», — подытожил он.

Очередным испытанием для Игроков стала километровая полоса препятствий, проложенная по длинному пляжу соседствующего с Игрой Острова. (Кстати, пляж этот был «историческим» — здесь высаживался Х. Колумб.) Имевшие численное преимущество синие должны были снять с дистанции одного своего. Им, вызвав на себя несколько откровенно презрительных взглядов, неожиданно стал 1-с. От него Смотрящие меньше всего ожидали подобного экспромта. Но объяснение его пассивности нашлось достаточно быстро, когда приплыла лодка оранжевых. 1-с совершил нехитрый ритуал, произросший из импровизации, — забежал в море и подхватил (из лодки) на руки свою девушку. Вердикт: он не хочет играть против оранжевых, потому что следующей могут «прикончить» 2-а.

Поведение тем не менее было признано неспортивным, и 1-с ненадолго оказался в вакууме опалы. Краткого лисьего перемигивания, которым он обменялся со своим тезкой, никто не заметил. Бросив своим короткое «удачи!», он отправился к далекому финишу, где ему предстояло болеть за исход испытания.

СК поудобнее устроился в кресле и взял в руки пепельницу, чтобы не тянуться каждый

раз. Регламент испытания (около пяти минут, быстрее ослабевшим от кокосовой диеты Игрокам не пробежать) предполагал, что он успеет выкурить не менее двух сигарет. СБ поднял руку и, резко опустив ее, дал начало испытанию. СК обратил внимание: еще совсем недавно, еще пятнадцать дней назад, Игроки смотрели на СБ и на его взмах руки затаив дыхание, по-детски распахнув глаза и (некоторые) разинув рты. Теперь же на него едва бросался беглый взгляд, он стал лишь маленькой точкой в новой системе координат Игроков. «И даже к такому человек привыкает». — СК сегодня был настроен философски. Это было испытанием «на жизнь», то есть победившее Племя оставалось в прежнем составе, проигравшие изгоняли одного. (Еще Всевидящие решили устраивать промежуточные испытания с призами.) Но и угроза вылета из Игры, такая пугающая совсем недавно, теперь уже таковой не была. «Привыкают... Но и устают...»

Они побежали неожиданно медленным темпом, это объяснялось тем, что каждое препятствие надо было преодолевать всем вместе, и скорость задавал слабейший. То, что у оранжевых тормозом будет 5-с, было очевидно — такое божье создание, теперь похожее на обломок скалы (он похудел уже на 25 килограммов, его силуэт и черты лица обрели резкость), по определению не могло шустрить. У синих подобного Игрока не было, все они выглядели более или менее одинаково. Но, на удивление, вперед они не вырывались. «Экономят силы», — рассудил СК. Неудивительно — километровая полоса препятствий для две недели толком не жвавших людей — это круто, и они не были уверены в том, что силы им не изменят прямо на дистанции.

Преграды оказались, в общем-то, стандартными. То есть стандартными они были для морской пехоты США — их из КМБ, не мудрствуя лукаво, содрали Всевидящие. Из оставшихся четырнадцати с ними был безусловно знаком только один — 4-с. Этот парень служил в элитных войсках, спецназ разведки, и должен был проходить такие полосы с завязанными глазами. Но он-то и допустил первую ошибку. Когда требовалось положить на две П-образные конструкции длинное бревно, чтобы потом по нему могла пробежать вся команда, 4-с положил его круглой стороной вниз (другая бочина бревна была чуть подтесана в плоскость) так, что каждый Игрок из его Племени, встававший на бревно, падал вниз — бревно колготилось под ногами.

Эта ошибка словно задала тон дистанции — у синих все пошло наперекосяк и еще хуже. С каната упал Игрок (все тот же, кстати, 4-с), в узком лазе на них осыпался потолок. Но удача, не отворачивавшаяся от синих последнее время, наконец обратила внимание на своих подопечных. На последнем отрезке пути синие догнали оранжевых и даже вырвались вперед. Оставался короткий отрезок чистого песка, и за ним — ворота финиша, у которых стояли индифферентный СБ и подергивающийся в пляске святого Витта 1-с.

...Происшедшее за этим было столь неправдоподобным, что СК совершил первый в своей жизни идиотский поступок. Опрокинув на колени пепельницу, он схватил пульт и сделал то, что сделал бы любой киноман. А именно — нажал на кнопку покадровой перемотки назад. То, что этим он похеривает запись Игры, он понял лишь через несколько секунд, когда окурочек прожег тонкую ткань брюк. Умерев и воскреснув через секунду, СК нажал на пульте кнопку «запись». При этом ему свело палец. Камеры, послушные единому пульту, снова заработали, вы-бросив на экраны лица синих, оранжевых и СБ. Победителями были оранжевые. Выражение лиц у всех оказалось одинаково пристукнутым — финал Игры выпадал за рамки реальности.

В нескольких метрах от финиша, при очевидной (осязаемой, обоняемой) победе... 7-и упала и стала кататься по песку, схватившись за ногу. За свою изящную, породистую ногу. 4-с, элитный спецназовец (одну из наград получивший как раз за вынос раненого из-под обстрела), плюхнулся перед 7-и на колени и схватился за голову.

В общем, разгром был необъяснимым и от этого еще более полным. Синие попадали на песок, разбившись на отдельные кучки бесформенного белка. Не хватало одного 1-с, как всегда, они с 2-а скрылись в зарослях. Если бы кто-то захотел посмотреть на них, то увидел бы, что вместо обычных поцелуев они заняты какой-то важной беседой. Точнее, говорил только 1-с, улыбаясь при этом плотоядно, а девушка его слушала. Как она могла терпеть такую ухмыляющую обезьяну (причем хищную), было решительно непонятно. Но хоть лицо ее и выражало осуждающее удивление, глаза все так же сияли двумя солнцами.

Но этого никто не увидел. Здесь не было стационарных камер, а СК лично распорядился не доставать этих двоих объективами в те короткие раз в три дня минуты, когда они были вместе. Они ему нравились, и он иногда чувствовал себя неловко за тот жестокий розыгрыш, за их разбор на разные Острова. Хотя сам и удивлялся своей нелепой сентиментальности.

Синие шли на Совет. Им вновь предстояло заняться чисткой. Зачисткой. Так выразился в одном из последних разговоров со Смотрящим 4-с. Произнесенное слово проскочило незамеченным, и Всевидящие обратили на него внимание только сейчас, когда отсматривали материалы нескольких последних дней из жизни синих. Они собрали все кассеты со всех камер и, затарившись кофе и сигаретами до Второго пришествия, засели в отдельной комнате.

Казалось невероятным, чтобы люди, денно и нощно находящиеся под наблюдением, смогли соорудить какой-то заговор. Тем более так, чтобы он прошел мимо всех камер. Но иначе, чем плодом долгой кропотливой пропагандистской и дипломатической работы, результаты голосования назвать было нельзя.

...Утро. Выползающее на полусогнутых Племя вяло полощется в море. 4-с на несколько минут оказывается рядом с 15-и. Говорит ей несколько слов, от которых 15-и явно приходит в замешательство. Но беседа длится всего несколько секунд, ни о чем серьезном за такое время договориться нельзя. Короткий кивок 4-с в сторону моря остается без внимания.

...День. Сиеста. Игроки сидят в хижине или покачиваются в развешанных вокруг гамаках (они выиграли их на одном из испытаний). 15-и, сладко потянувшись, встает и направляется к морю. Через какое-то время туда же отправляется 4-с. Они заплывают далеко и договариваются ли они о чем-то, или плавают порознь, узнать теперь невозможно — они в «мертвой» (для камер) зоне.

...Вечер. 1-с стоит по пояс в воде, чистит зубы и разговаривает с 14-с. Голоса не разобрать — мешают шелест волн.

...Дорога на очередное испытание — 1-с нарушает ставшую обычной процедуру посадки и вместо своего места в середине лодки садится на носу, усадив рядом 14-с.

Всевидящие познакомились таким образом с каждой мелочью и деталью последних семидесяти двух часов на Острове синих. Много каких-то косвенных недомолвок, обменов взглядами итэпэ — никак не тянет на теорию заговора. Трудно заподозрить что-либо. Тем более когда у тебя не несколько десятков камер, а всего два глаза и очки.

Несколько дней назад 7-и неожиданно для всех победила в очередном испытании, заслужив для всего Племени право на жизнь. Испытание было тяжелым, и 7-и наглядно продемонстрировала, что по физическим данным она сильнее всех девушек Племени.

1-с тогда сказал в интервью, что он очень рад тому, что 7-и оказалась не просто изящной красоткой, но и сильным во всех отношениях человеком. 4-с, подружившийся с ней еще раньше, теперь просто сдувал с нее песчинки и гордился, как чем-то эксклюзивно принадлежащим только ему. Тем большим шоком для них стало то, о чем рассказала первому Смотрящая: 3-а без особого труда настроил против 7-и всех девушек Племени, опираясь на весомый аргумент, — конкурент существует для того, чтобы его топить. 8-а, с виду брыкливый, покорно и даже охотно согласился отдать свой голос большинству.

Патетически настроенный 1-с тут же ссыпал сенсацию Сергею и Инне (теперь он называл их только так, подчеркнуто игнорируя номера) и заодно отдал им и свой голос. Для спасения 7-и не хватало одного голоса. Тогда 1-с и 4-с дали залп гаубичной артиллерии своего мужского обаяния — тщательно выбирая время и место, они принялись охмурять девушек, убеждая их «не брать греха на душу».

Шансы у двух группировок сравнялись — обе девушки заняли колебательную позицию. 1-с и 4-с тем не менее здраво отдавали себе отчет в том, что зыбкое равновесие не может долго продолжаться, и через несколько дней идеи 3-а снова займут подобающее место в головах 14-с и 15-и. И тогда они решили слить испытание. Умышленно проиграть, чтобы быстрее выяснить, чья возьмет.

Такова была версия Всевидящих. Будучи стройной и неоспоримой с точки зрения логики, версия имела один недостаток — нехватку фактов. 3-а вел свою «пропаганду» почти открыто, избегая лишь ушей «виновницы торжества», «оппозиционная» парочка обстряпала свой заговор незаметно. Что, в свою очередь, наводило на серьезные размышления — камеры не всемогущи,

хитромудрые Игроки научились прятаться.

Впрочем, иные объяснения происшедшему на Совете найти было трудно.

На Совете большинством голосов Племя «съело» 3-а. Против 7-и было подано две неубедительные заявки. Авторы их, 3-а и 8-а, сидели в растерянности, переходящей в протрацию. Когда СБ огласил результаты голосования, 3-а открыл рот и забыл его закрыть. Справедливость восторжествовала. Работа двух заговорщиков была выше всяких похвал. Занавес, аплодисменты...

— Пойми, мне самому эти козни 3-а были... мучило от них, согласен. Но и ты пойми, пожалуйста, что это — ИГРА, и Правила нельзя нарушать.

— Даже ради справедливости?

— Даже ради нее.

— Но ведь я не дала совершиться откровенной подлости...

— Разговор окончен.

Разгром и паника. Так, в общих чертах, можно было описать то, что творилось в лагере синих. Точнее, в рядах оппозиции. Особый цимес заключался в том, что ряды состояли из полутора человек — до неприличия затосковавший по «съеденному» 3-а 8-а и отчасти 15-и, которая единственная не отвернулась от 8-а. (Или, точнее, не поворачивалась к нему только для того, чтобы вставить очередную шпильку в нежное место, как делал наслаждающийся процессом 1-с.) Их осталось шестеро, и откровенными лидерами теперь стали 7-и и 4-с, отчасти — примкнувший к ним 1-с. Было очевидно, что именно они будут вести Игру в дальнейшем.

Синие выиграли очередное испытание, стрельбу из оружия каменного века, призом стала корзина с овощами и фруктами и несколько живых куриц. После трех недель, проведенных на кокосах и жалком крабьем мясе, вкус и запах жареного мяса, свежей прохладной мякоти сочных плодов — все это казалось неправдоподобным сном. Племя забросило скромные развлечения, целыми днями покачиваясь в гамаках и треская плоды побед. Зрелище было сильным, что-то среднее между свиным хлевом и лежбищем котиков. Балдевшие от такого троглодитства Смотрящие тщетно пытались расшевелить полусонных синих. Если они и выпадали из гамаков, то лишь для того, чтобы опорожнить кишечник, удаляясь в близлежащие кусты, благородно неся на исхудавших ногах раздувшиеся мамоны (животы). Так продолжалось, пока все курицы и огромная корзина овощей не превратились в сладкое воспоминание. В океане меда для двоих из этого Племени была лишь одна ложка дегтя — 1-с и 4-с тяжело страдали без курева...

У оранжевых тем временем уже несколько раз замечали пролетающую над Островом изможденную старуху с косой. Жрать было не то чтобы совсем нечего, но ведь и в Освенциме официальный рацион считался необычайно калорийным. Просто кормили там чуть ли не опилками, которые человеческий желудок бессилён переварить.

Между Сциллой и Харибдой оказалась 2-а. На каждое испытание 1-с привозил ей завернутые в листья знаки внимания — оладьи из банана и хлебного дерева, куски куриного мяса. Кушать все это в одну изрядно сжавшуюся глотку ей не позволяли воспитание и природная совесть, и она делилась с остальными. В результате на каждого получалось по жалкой крохе. 1-с раздраженно бурчал, недовольный такими раскладами, 2-а смеялась и затыкала его бормотание поцелуями.

Гроза начала собираться на одном из очередных конкурсов. 2-а подошла к нему с обычной ласковой улыбкой, и они долго стояли, обнявшись. Отлепив ее от себя и взглянув ей в лицо, он увидел в глазах цвета моря какой-то новый оттенок печали.

— Колись, солнышко... Что случилось?

— Милый... Ты.. Ты не очень расстроишься, если на следующем Совете меня «съедят»?

— ... — сообщение требовало долгого поэтапного осмысления. — Ты че говоришь-то?

Со слов Смотрящих и по своим коротким наблюдениям он полагал, что его девушка пользуется уважением и симпатиями на своем Острове. Чтобы ее «съесть», требовалось большинство голосов, что казалось абсурдом.

— Она ко мне вчера вечером подошла, говорит: «Ты с нами?» Я говорю: «Не знаю, не решила». И тогда: «Ну, если ты не с нами, то мы тебя следующей исключаем».

— Мх-хм... милая. А ты действительно не можешь быть с ними?

— Пойми, как ты сейчас скажешь, так я и сделаю.

— Но сердце-то тебе что подсказывает?

— Я не хочу голосовать так, как она просит.

— Ну и делай, как правильно. Мне, правда, тяжело будет, но я выдержу. А ты... Ты хоть отъешься, поживешь первый раз в жизни по-королевски.

— Спасибо, милый. — Она снова прижалась к нему, и голос звучал глухо. — Я знала, что ты так скажешь.

Дали сигнал к началу. 1-с, поцеловав ее на прощанье, пошел к своей команде. Каждый шаг давался ему с трудом. На него навалилась огромная холодная тяжесть. Синие заметили его состояние, но ограничились соболезнующими взглядами. Захочет, сам расскажет.

«О, Боги! А может, действительно так сделать? Ну как я без нее-то буду?! Я же не смогу! А так — поживем вместе... Блин, ну надо же — всю жизнь мечтать оказаться с ней на необитаемом острове, и попасть на разные Острова... Что ж за (бип!) эта, на кой им Анька-то сдалась? Хм, думают, она прогнется — а вот хрен им в глотку, чтобы голова не болталась! Ну, если что, то просто своих попрошу...»

Это испытание проходило на дальнем конце их Острова, и в лагерь они возвращались пешком вдоль берега. Первым 1-с переговорил с 14-с, идущей чуть поодаль от всех.

— Послушай, ты можешь выполнить одну мою просьбу?

— Все, что в моих силах. — 14-с подняла на него васильковые глаза.

— Когда мы проиграем, ты можешь отдать свой голос против меня?

С одной и той же дикой просьбой он в течение вечера обошел всех соплеменников. У всех его вопрос вызвал одинаково ошарашенную реакцию, но, в общем, никто не отказал. Только его новый друг 4-с долго осуждающе крутил головой. И 7-и забеспокоилась от вопроса так, что не смогла уснуть и долго сидела в темноте под звездами. Но у нее это было женской солидарностью — она подумала, что 2-а заболела и ее снимут с Игры, а 1-с непременно хочет быть рядом с ней. Она симпатизировала сладкой парочке и искренне им сочувствовала. Профессиональная модель, 7-и сразу оценила неброскую красоту этой девушки, глубину ее чистых глаз и ясную улыбку. И она мысленно пожелала ей здоровья, а им обоим — счастья.

...СК устало шел в свои апартаменты, под его тяжелым шагом прогибались, уютно поскрипывая, половицы. Концовка дня его сильно разочаровала, а он не любил разочаровываться. Особенно в людях. Особенно в тех, кого выбрал сам. Просьба 1-с была воплем избалованного слабака. «Неужели был прав АЛ, когда называл его слабаком? Нет, не может такого быть... Эх, ты сам прекрасно знаешь, что может быть все, что угодно!»

Очередное испытание. Серьезное даже для «свежих» людей, а для жарящихся на медленном огне солнца и голода людей оно предстает просто страшным. На глубине четырех метров на дне лежат сундуки. Сундуки очень тяжелые. Задание — вытащить их на берег.

Оба Племена собрались горстками торчащих из воды голов возле двух поплавков. (Поплавки означали место, где лежат сундуки.) СБ махнул рукой. Сделав несколько мощных вдохов, под воду ушел первый Игрок из синих, 4-с. Его не было очень долго, а едва он показался над водой, вращая глазами и отфыркиваясь, вниз пошли сразу двое — 1-с и 8-а. «Ох, ни х(биип!) себе!...» — это была первая и последняя мысль, посетившая 1-с на этом испытании. Сундук был тяжелым до неправдоподобия, и с первой попытки 1-с не получилось даже поднять его со дна. Когда он вынырнул, 4-с на воде уже не было, он снова нырнул. В 1-с вспыхнул огонь знакомой злости, злобы, направленной на самого себя. «Сделать — или сдохнуть!» — в следующий свой нырок он вцепился в ручку сундука и поволок его по дну. Перед глазами пошли круги, в ушах зазвенело, но он продолжал тащить груз, видя, как колышющееся зеркало над головой становится все ближе. Отпустил сундук и, оттолкнувшись от дна, полетел вверх. Тело уже отказывало ему повиноваться, и он рефлекторно вдохнул, пустив в легкие соленую воду. Кашляя, пытаясь вытолкнуть из груди теснящую боль, он оглянулся на соперников. Оранжевые сильно отстали.

Узнав условия конкурса, 2-а поняла, что львиная доля ответственности за победу или поражение сегодня будет лежать на ней. Остальное — на 11-и. Оставшиеся в Племени не смогли бы даже донырнуть до сундука, не говоря уже о том, чтобы его тащить. По крайней мере на первом отрезке, там, где изрядная глубина.

Так и получилось. Оранжевые один за другим уходили под воду, надолго пропадая из виду, но темное пятно сундука под ними не двигалось с места. Наконец настала ее очередь, и она нырнула, приказав себе протолкнуть подлую коробку хотя бы на метр. Хотя бы на десять сантиметров. В соленой воде она не хотела открывать глаза и нашла сундук и веревочную петлю на нем на ощупь. Ухватилась, покрепче уперлась ногами в дно, потащила, напрягая спину. Нахлынувший восторг едва не выбил из ее легких остатки воздуха — ей удалось! Получилось! Поднимая песчаную взвесь, сундук двигался за ней. «Он будет гордиться!» — Она сама удивилась пришедшей, когда она выныривала, на ум мысли. За ней опустился 11-и и продвинул сундук еще на несколько метров. Потом опять последовала череда холостых погружений, потом... 11-и легко хлопнув ее по макушке, обращая на себя внимание, нырнул без очереди. Его не было очень долго, и она, наконец, нырнула следом, вопреки инстинкту открыв глаза. То, что она увидела, запомнилось ей на всю жизнь: держа сундук на весу, в руках, 11-и шагал по дну длинными шагами. Это было просто нереально! Из его рта выходили потоки пузырей, глаза вылезали из орбит, но он продолжал идти. 2-а зависла на средней глубине, не зная, чем сейчас можно помочь. Легкое касание по спине, и почти сразу что-то стукнуло ее по шее. Разом выпустив весь воздух, она в панике поднялась на поверхность. 5-с беспорядочно молотил по воде руками (и, судя по удару, еще и ногами). Голова его почти погрузилась в воду, на поверхности были одни глаза. Пополом с пузырями он вытолкнул на поверхность короткое «тону!». Впрочем, восклицательный знак здесь неуместен. Хотя движения 5-с были движениями человека, близкого к панике, голос прозвучал спокойно. Он просто констатировал.

Работая ногами, 2-а выскочила из воды почти по пояс. «Человек тонет!» — закричала она и дала семафор руками. От общей группы людей на берегу отделились две фигуры. Мощно взмахивая руками, они несколько раз высоко подпрыгнули, перескакивая через волны прибоя, и синхронно нырнули, вынырнув уже на приличном расстоянии от берега. Расстояние до места, где то появлялась, то снова исчезала голова 5-с, они пробуравили со скоростью, близкой к скорости звука.

2-а, видевшая все это краем глаза, плавала в это время вокруг своего соплеменника. Она-то плавала как акула, и в жизни ей однажды уже пришлось спасать утопающего. Но как помочь 5-с, рука которого была чуть тоньше ее туловища, не знала. В очередной раз подняв над водой голову, 5-с поглядел на нее. И 2-а, несмотря на паническую карусель в голове, почувствовала удивление. Глаза 5-с не были стеклянными глазами смертельно напуганного человека, в них не метался ужас — они были, как и всегда, безмятежно спокойны. В этот момент над ухом кто-то фыркнул, и смуглая рука довольно грубо отодвинула девушку в сторону. Подросли Хранители. Их, кажется, тоже чуть обескуражили габариты кандидата в утопленники. Первым нашелся Хранитель со смачным прозвищем Человек-легенда. Он схватил 5-с за запястье и поднял руку вверх, не давая 5-с снова погрузиться в воду. Позволил ему сделать несколько вдохов и спросил:

— Ты чего, Серый?! Устал, что ли? — Хранители избегали называть Игроков по номерам, видя в «именном» обращении какое-то мистическое дополнение к их охранной функции. — Игрок должен быть целым.

— Судорога, ногу свело. — В тон ему ответил 5-с.

— Что, и сейчас тоже?

— Нет, сейчас уже отпустило.

— Ну, вот и все, плыви дальше, — улыбнулся Человек-легенда.

Вот и все. Врагу не сдастся наш гордый Варяг. Все загалдели, теперь уже облегченно.

Зато возник вопрос, что делать с испытанием. На то время, пока продолжалась возня с 5-с, ритм действий Племен, естественно, скомкался. Впереди тем не менее были синие. Сейчас они все стояли ближе к берегу, где можно было достать до дна ногами.

Команды позвали на берег отдохнуть три минуты. После чего было предложено продолжить испытание с того места, где оно было прервано. Последние вдохи на твердой земле — СБ снова поднял руку. Опустил — оранжевые и синие бросились в воду по второму разу. У одних впереди были 2-а и 11-и, у других — все мужчины Племени.

1-с и 4-с хорошо заметили место, где был оставлен сундук, — метрах в десяти. Они нырнули, на секунду выставив над водой пятки... И тут же выскочили обратно. «Что за

(биип!)ня?!!» — подумал 1-с и увидел такой же вопрос в глазах 4-с и 8-а. Сундука не было.

Они несколько раз ныряли, осматриваясь под водой. Первым сундук нашел 4-с. Отчаянно сквернословя, он ткнул пальцем в сторону открытого моря. 1-с проплыл, сколько мог, под водой, и уже на исходе воздуха заметил в прозрачной толще темное пятно на белом песке. Какая-то таинственная сила переставила сундук дальше в море, почти к самому месту старта. «Что за (биип!)ня?!!»

Они доплыли до сундука и снова поволокли его по дну к берегу. Когда они проделали половину пути (девушки Племени остались на мелководье, подбадривая их криками), в забитые водой уши проник радостный вопль, тут же слившийся в многоголосый вой. Оранжевые достигли берега.

Еще не понимая происшедшего, 1-с, 8-а и 4-с несколько раз нырнули. Потом поплыли к берегу. Девушки дождались мужчин, и все Племя синих, выйдя из воды одновременно, побрело вдоль берега в непонятном направлении, не слыша криков Смотрящих и Хранителей. У всех в голове было одно: «Опять. Опять. Второй раз».

Камеры и жучки передавали только картинку и звук. Ту атмосферу, которая (ощущаемая кожей) висела в лагере синих, Смотрящие и Боги, сидевшие в смотровой, могли лишь представлять. Большим воображением, впрочем, для этого обладать было не нужно. Второй раз за Игру — это невероятно, этого просто не может быть!

В смотровой, как всегда в поганые моменты, было не протолкнуться. Отсутствовал только СК. Он пил в баре, закусывая водку феназепамом и деля количество ракет в ракетнице на общее количество нанятых Боев. Он хотел их перестрелять. Но получалась бесконечно малая дробь, не соответствующая поставленной задаче.

АЛ и СБ увидели на экранах смертельную тоску. Они ожидали, честно говоря, что синие откажутся от дальнейшего проведения Игры. Но синие просто пришли в лагерь с потухшим костром и молча расселись по гамакам и на берегу. Никто из них не произнес ни слова, никто не попытался разжечь потухший огонь. Вместо людей сидели зомби.

Неожиданно экраны зарыбились и стали гаснуть один за другим. Необъяснимость происшедшего настолько вписывалась в общее настроение, что никто даже не удивился. Ну, вырубилась аппаратура, которая была в принципе безотказной — что такого? На фоне прошедшего испытания это было мелочью. АЛ и в голову не пришло, что кто-то отключил энергию.

9

Игроки сидели вокруг потухшего костра. Они были очень похожи на жевунов из «Волшебника страны Оз» — их челюсти синхронно работали с громким хрустом, уши шевелились. Они ели все подряд — сэндвичи, желе (прямо из банок), сушеные бананы... Не жевали только 1-с и 4-с. Потому что они курили. По неторопливости их движений делался вывод, что это уже не первая после трехнедельного перерыва сигарета и что у них есть еще.

Смотрящие, принешие это роскошество, стояли чуть в стороне, молча ожидая, пока Игроки насытятся. («Проблюется — не проблюется?») — подумал один из них, глядя на то, как затягивается иссохший до состояния мощей 1-с. И сам поразился собственному цинизму. «Да, Игра уже всех коснулась. И нас тоже»). Смотрящие не боялись быть изгнанными за нарушение Правил — они обесточили весь Остров, все жучки и камеры были на приколе.

Когда Смотрящие пришли в лагерь и молча ссыпали на землю свои дары, Игроки даже не удивились. После свинства, учиненного над ними, жалкая пища уже не могла утешить. Впрочем, отказываться тоже никто не стал.

Одна из Смотрящих (девушка) ждала конца пиршества с особенным волнением, переходящим в предпаническое состояние. «А если меня 4-с зарежет?») — Она подумала об этом почти всерьез. Но... уже второй раз с начала Игры она оказывалась в положении, когда на ней лежала вся ответственность за то, как развернутся события дальше. Было очевидно, что Игроки, отойдя от первого шока, затребуют вертолет и билеты на родину. Играть по таким правилам дураков нет.

В прошлый раз ей удалось убедить Племя. Что будет теперь? Она была далеко не уверена

в том, что все и сегодня закончится миром между Игррой и Игроками. Но кроме нее никто больше не мог это сделать. Нужно было хотя бы попробовать. И она начала, похоронно вздохнув. Для начала решила рассказать им, что же произошло с сундуком.

Подводные пловцы (аквалангисты), также набранные из местных, что-то не слышали из команд с берега. Точнее, слышали, но не так. И оттащили ящик синих на то же расстояние, что и у оранжевых. Уравняли, так сказать, шансы. Восстановили подводную справедливость.

— Ребята! Это означает только одно. То, что судьба сейчас против вас. Я клянусь (Господи, кажется, я уже это говорила?!), что никто из нас, Богов и Смотрящих, не делал ничего специально. Это случай, кретинский случай! Вы не должны сломаться, вы сильнее!

Племя безмолствовало. Два неофициальных вождя обменялись долгими взглядами, в которых содержались килобайты взаимной информации. «Поверим гадам?»

— Вы сильнее, ребята! Игроки! Синие! Вы не должны отступить!

В этот момент раздалось стрекозье «всик-всик-всик», быстро набравшее полновесный звук. Пробежал ветерок. Кто-то прилетел на Остров на вертолете...

...Старший Смотрящий лично полетел на вертолете на Остров. Он разговаривал с синими больше часа. Из всего известного в искусстве общения арсенала он не использовал только падение ниц и омовение ног собеседника. Переломной точкой стало посыпание головы пеплом, что, учитывая красноречивую национальность Смотрящего, было дико смешно. До этого Игроки слушали его стенания и клятвы молча, одинаково прищурившись и скрестив руки на груди. В какой-то момент он подумал, что картинка похожа на плохое воспоминание из детства — хулиганы пристают к пионеру, а он увещевает их: «Ребята, не надо, ребята!» (Лица, осанки и общая мизансцена — синие стояли перед Богом полукругом — были в тон.)

— Да идите-ка вы на х(биип!), — неожиданно сказал 1-с и поднял к лицу сжатые кулаки. Но в его голосе было что-то, что подсказало старшему Смотрящему: «Игра спасена. Они не сломались». Агрессивно стоявший в боксерской стойке 1-с выглядел забавно. Он был ниже прилетевшего на полголовы и легче не меньше чем в два раза. Слон и Моська. Старший Смотрящий за-смеялся. Его смех кто-то подхватил. «Игра будет продолжаться».

...Выслушав чей-то монолог, СК отключил телефон. «Хватит уже на сегодня потрясений». Вдруг он обнаружил, что стоит посреди улицы, перед их отелем, в руке у него зажата заряженная ракетница. Длинный балкон на втором этаже битком заполнен его командой. Смотрящие глядели на своего капитана и ждали, кого он прихлопнет первым.

Тогда СК поднял ствол вверх и выпустил в бархатное вечернее небо все ракеты, одну за другой. «Salud!» — донеслось с другой стороны улицы, с веранды бара, откуда он только что вышел. Местные смотрели на гринго с улыбочивым одобрением.

«Игра будет продолжаться!...» — много позже, вспоминая тот день, СК понял, что никогда в жизни не был таким счастливым...

«Все... все кончено...» — много позже, вспоминая тот день, 2-а поняла, что это был самый черный день в ее жизни. Они возвращались с очередного испытания, которое проходило на удаленном от места Игры островке, дорога занимала больше часа. Она сидела на носу лодки, подставляя лицо ветру, позволяя упругому воздуху промокать непрошенные слезы. «...Он любил меня, всегда говорил, что гордится мной, потому что я — сильная. Я сильная. Я сильная. Я сильная. Я — сильная! ...Все кончено...»

Это испытание они проиграли. Иначе и быть не могло. Синие приехали на него с оскаленными лицами вурдалаков. Победа — или смерть, и они были готовы выгрызть ее зубами. И синие победили.

Им не удалось переговорить до испытания — едва лодка синих причалила, их вызвали на старт. А после...

После она подбежала к нему, чтобы поздравить с победой. Еще на ходу 2-а заметила, но не успела осмыслить ледяную странность происходящего — он шел со своим Племенем в сторону их лодки. Он был спиной к ней. Он от нее уходил. 2-а догнала 1-с и обняла его. Он тоже сомкнул вокруг ее истончавшего тела руки, но она не почувствовала обычного теплого спокойствия, которое всегда охватывало ее, когда она прижималась к любимому. Только холод. Непробиваемый острый холод. Такой же она чувствовала совсем недавно, после первой ночи Игры, когда в кромешной тьме ее кожу хлестали и хлестали холодные струи, пробивавшие

намокшую одежду.

Она посмотрела ему в лицо и увидела в глазах воплощение этого температурного феномена. 1-с смотрел на нее прямо и жестко.

— Ну, как вам живется, хорошо? Шоколадки и кофе в постель вам еще не привозят? — 2-а показалось, что она ослышалась, что ее обнимает какой-то чужой человек.

— Сережка... Ты что?

— Ну, вам так Боги помогают... Тепло у них под крылышком? — В его голосе лязгнуло что-то, что оттолкнуло ее, как удар в грудь.

Она смотрела на жениха, любимого, половинку, игрока Ай-Ди 1-с ошарашенными, полными слез глазами, а он... он повернулся и пошел от нее прочь.

«Господи, за что? За что ты сделал его зверем? Он же совсем ребенок! Вот и сейчас он забыл... Он просто забыл, что это Игра, и стал всерьез ко всему относиться. Господи! Он же незлой, у него душа добрая... Господи, верни ему память, пусть он вспомнит обо мне!» — Слезы текли из ее глаз, разъедавая душу. На горизонте выростал из воды их Остров, скоро они приедут и все Племя увидит ее лицо. Они не должны ничего увидеть, она должна... должна! Скрыть свою боль.

Она снова вспомнила его глаза — всегда такие лучистые, смотревшие на нее с солнечной нежностью. И острая боль так ударила ее в сердце, что она чуть не задохнулась...

«Ну, все (биип!). Сегодня меня не станет». Недавно 5-с чуть не утонул, но сейчас, вспомнив те минуты на/под водой, понял, что это ничто по сравнению с той тоской, которая задавила его сейчас. «Шакалы, яма змеиная...» — теперь Игроки 10-и и 13-н откровенно перестали скрывать от Племени свои отношения и договоренности. Они правили. Выбросив из Игры главного конкурента 12-б, 10-и, 13-н успокоились. Они видели, что никто уже не сможет противопоставить какую-либо силу против, и, понимая это, 5-с ненавидел их все больше и больше.

«Слушай! — сказал он вдруг сам себе, когда они вернулись на свой Остров. Есть же еще шанс! 2-а! — Он даже засмеялся, таким странным было то, что эта идея не появилась раньше. — Она же честная девчонка. Кажется, честная. Не может же она заодно с этим гнильем быть?!»

5-с вылез из воды, со своего обычного места (на метр дальше линии прибоя), и отправился в лагерь. Подойдя к хижине, костру, скамейкам, сделанным неуютным 11-и, он вдруг испытал острое чувство: проклиная себя за то, что ввязался в Игру, страдая от голода и жажды, от постоянного ожидания подлости людской... он сроднился с этим Островом, этими пальмами, этим особым запахом постоянно, день-ночь, горящего костра. Сейчас 5-с увидел каждую мелочь, каждая деталь была в четком фокусе. И он понял, как ему не хочется выходить из Игры.

Он искал 2-а. Заглянул в хижину, в кокосовую рощу, где соплеменники собирали орехи, сходил к опушке, где рос сахарный тростник. Ее нигде не было, но, когда он наткнулся на остальных соплеменников, то ощущал свою чужеродность. Как будто он на другом краю пропасти. Они отводили от него глаза, но в этом не было стыда или страха — он стал уже мертвецом, он — фантом, он вне Игры.

Наконец 5-с нашел ее на отдаленном пляже. Она сидела, подтянув к подбородку свои длинные ноги, обхватив руками тонкие лодыжки.

— Ань... Аня? — 5-с опустился рядом. Он подчеркнуто назвал ее по имени. Предстоящий разговор, по разумению 5-с, зайдет ЗА рамки Игры. Он достаточно трезво мыслил и понимал, что у 2-а есть двойной резон голосовать против него. Ведь 5-с был конкурентом ее парню, 1-с. Но есть ведь еще совесть. И честь. Он обратился к ней по имени, а она как будто не услышала, продолжая смотреть на далекие горы.

— Аня? — наконец она повернулась к нему. 5-с заметил, что ее глаза были красными и чуть припухшими.

— Что, Сереж? — Девушка тоже обратилась к нему по имени, и они одновременно подумали, как быстро забылась эта форма обращения друг к другу. Игра пропитала их насквозь, нанесла на душу и тело несмывающиеся татуировки с номерами. Звуки имен застревают на языке, выговариваясь с трудом.

— Ань... Слушай, ты против кого будешь голосовать?

— Против тебя, — ответила она ровно, и голос у нее был бесцветно пуст. Кажется, ей было все равно.

— Но.. ПОЧЕМУ?!! Ты что, неужели с этими змеями заодно?!! Почему против меня-то?!

— Сереж... ты только не обижайся. Пожалуйста, не обижайся. Я ведь к тебе хорошо отношусь, поэтому и не вру тебе.

— Да что же такое?!! — он почти закричал.

Сквозь туман боли, который окутывал ее душу и разум (а разговаривала 2-а автоматически), она увидела его глаза и удивилась: взгляд, голос — все это было так не похоже на 5-с. Всегда уверенный, всегда спокойный, ни разу не позволивший себе видимого уныния, 5-с впервые с момента Игры открыл душу. Он просил. «Сегодня, наверно, день такой. Все на самих себя не похожи», — подумала она.

— Почему против?

— Сереж. Ты просто ленивый. Ты не помогаешь, ничего не делаешь. Ты хороший, симпатичный, но вот посмотри на 13-н («Вот змея! Она еще и мозги всем забить ухитрилась!» — подумал 5-с с тенью даже какого-то мрачного восхищения) — она все время у костра, что-то готовит или подметает, или моет, стирает. А ты только ешь.

5-с шел, загребая ногами мусор джунглей. Весь мир ужасался до носков его кроссовок, истрепанных и покрытых мелкими кристалликами морской соли. Один порвался, из дырки выглядывал палец. «Что ж такое, что это такое?!» — он спрашивал себя снова и снова.

5-с вспомнил свои первые дни на Острове. Тогда он постоянно был в полуобморочном состоянии от голода, с трудом стоял на ногах. К это-му дню он сбросил, по своим ощущениям, не меньше трети богатырского веса. Всю свою жизнь тратя на спорт, 5-с гордился своей силой, своим телом. Но в эти дни он с удивлением обнаружил, что ему стало легче без этих килограммов. Желудок ужасался и больше не ныл, мышцы вновь обрели силу. Он вжился в роль, у него открылось второе дыхание. 5-с был готов пахать, делать всю работу за всех — он был богатырь, силищ немерено. Тоскливое бессилие было всего лишь тяжелой (для такого большого организма) акклиматизацией. Он понял это только вчера, только вчера вечером, укладываясь на вечно сырой спальник, он вдруг поймал себя на знакомом чувстве — весь мир принадлежит ему. Завтра он встанет, и перед ним весь день, перед молодым, сильным, уверенным. Так он просыпался каждое утро до Игры, но впервые — в Игре. Только вчера. Какая злая ирония — его собираются вычеркнуть, «съесть». У 5-с открылись глаза: он взглянул на Племя со стороны и устыдился сам себя — рыхлая белая туша, круглый день полощущаяся в ленивом прибое. «Я просто не успел. Не успел прийти в себя...»

1-с сидел на песке вдали от лагеря и смотрел, как солнце бросает лучи на зубья низких материковых гор на высоком горизонте. Эту гряду было видно нечасто, только когда хорошая погода стояла два-три дня подряд и воздух успевал «просохнуть». Впервые увидев их, он обрадовался, стал тыкать пальцем: «Смотрите, смотрите, Земля!» Вид близкого материка вселял спокойствие. Но всего чуть-чуть времени на раздумья — и эта ломаная линия начала раздражать, с каждым днем все сильнее и сильнее. Большая Земля была рядом, но до нее никак не добраться. Фата-моргана, она дразнила и злила своей близкой недосыгаемостью. После он старался не смотреть в сторону материка (и заметил, что все синие ведут себя приблизительно так же), негатива и так хватало.

Но сейчас он смотрел на ряд вершин, просто смотрел, не отводя глаз и не моргая. Ему нужно было что-то, за что можно зацепиться, что-то достаточно большое и надежное, чтобы удержать его (душу?) от распада. Временами 1-с тихонько подвывал. Он был полон до краев, полон ненавистью и страхом. То, что произошло сегодня... не имело никакой логики, никакой правды. Он снова и снова смотрел во влюбленные глаза своей половинки и снова и снова произносил эти страшные слова, снова ощущал этот холод — но теперь внутри, в сердце... «Что. Я. Наделал?» Он не мог думать, а если бы мог, то понял, что умирает.

Это все Игра. Эта всемогущая Игра, ее Правила и Боги. Вступив на эту дорожку, ты становишься той птичкой, у которой увяз коготок. Можно думать что угодно, тешить себя любыми иллюзиями, но ты (априори) не станешь сильнее Игры, не сможешь сдерживать ее «снаружи». Как вода в тонущую субмарину, Игра найдет слабое место и всепробивающей струей заполнит тебя.

В какой-то (он упустил эту точку возврата. «Лох, лузер! Ты опять все прохлопал!») момент он проникся Игрой без остатка и стал ее частью. Он жил в Игре, и Игра стала единственной реальностью. И Племя оранжевых стало ВРАГАМИ. Настоящими врагами, с которыми возможна одна форма отношений — война. Смертельная война. Подумав так впервые, он решил, что свою Анну он просто не считает по-настоящему оранжевой. Но сейчас он понимал, что мозг, самоспасаясь, просто вытеснил эту мысль — «2-а — враг».

Сейчас 1-с опомнился, огляделся, и у него открылись глаза на происходящий кошмар. Нет, не на происходящий, а происходивший. Он вписался, он переселился в эту реальность, на планету Игра. Он больше не Сергей, не Спайкер, не русский, у него нет прошлого, нет сердца и той, ради которой он жил. Он только Игрок, Ай-Ди 1-с. Это продолжалось совсем недолго («Недолго?! Или, может, целую вечность?!»), но непо-правимое успело свершиться. Он потерял ее. Потерял смысл и цель жизни. Потерял 2-а — и потерял воздух и кровь в своих жилах. Он сам перекрыл себе кислород и перерезал вены. Или... или это сделала его руками Игра? Сейчас в его венах — вода, внутри — пустота. Он умирал. Те слова, которые он часто говорил ей в «той» жизни: «я не могу без тебя», — оказались правдой.

Сзади шаги. Он обернулся, к нему подошел Серега. Игрок 4-с. Постоял, глядя в глаза своему другу. И бросил ему коробок спичек, потом ушел. 1-с открыл коробок — там лежал длинный, ароматно пахнущий окурочок. И две спички. 4-с позаботился даже об этом — догадался, что у 1-с могут трястись руки.

«Что делать, что делать, что делать?» — эта мысль приходила 9-н в голову каждую секунду последних двух дней (то есть 172 800 раз), так что к хмурому полудню она с ней свыклась, сжилась. И даже (сейчас) напевала ее под легкий ненавязчивый мотивчик.

9-н не позавидуешь. Она попыталась представить себе, как бы она выглядела со стороны. Увиденное было столь ужасно отвратительным, что она испугалась, ее разум бросился прочь, как испуганный ребенок, ее разум, самоспасаясь, смог наврать самому себе. Разум вкрадчиво и убедительно объяснил ей, что 9-н замечательный человек. Она жаждет всего лишь мира. Мира, спокойствия и дружбы. Но только с кем? Сначала она подружилась с 12-б (в те короткие минуты самокопаний она призналась, что кроме обаятельного надежного мужчины она видела в нем еще и того, с кем можно пройти всю Игру), но оказалось, что поставила не на того. Потом она примкнула к 5-с. (И тогда, сама не зная зачем, наговорила ему кучу бреда. 12-б и 5-с враждовали, и 9-н полагала, что заполучить расположение ей как бывшему другу «съеденного» будет непросто. И тогда была призвана на помощь дипломатия. По словам получалось, что она один человек из Племени, испытывающий к нему симпатию.) Тогда 9-н думала, что Игроки побоятся 5-с, что его бицепсы не дадут им возможности голосовать против него, а за широкой каменной спиной спрячется и она, маленькая пичужка 9-н. Но 5-с скоро не станет, это очевидно. Едва почувствовав шаткость его позиций, 9-н попыталась спасти его (или себя?), устроив между Игроками войну. Она подходила к некоторым из них и говорила: «с нами или против нас?», каждый раз меняя имена. И опять ее карта бита. 2-а, эта тихоня («Вот, мышь серая — а такая с(биип!» — была первая мысль 9-н), эта вечная молчунья вдруг развязала свой язык, и он оказался чертовски длинным. Она рассказала 11-и и 13-н то, о чем говорила с ней 9-н, а в качестве ответной любезности услышала дубль своих слов, но с другими номерами.

Племя проголосовало против 5-с, и 9-н в одночасье стала изгоем. У 2-а появлялась на лице неподдельная (кажется, она даже не пыталась этого скрыть) брезгливость, когда рядом возникала 9-н, остальные вели себя примерно так же. 9-н переселилась на берег. Каждую ночь она спала (или не спала?), укрываясь от дождя, ветра и брызг мокрой тяжестью спальника. Она решила — раз ее изгнали, то она им всем покажет, что у нее достаточно сил прожить одной. Но заглядывая в совсем близкое будущее, 9-н чувствовала, что сердце ее начинает колотиться от страха. Следующей «съеденной» станет она.

9-н страдала, страдала страшно. Ей очень хотелось жить, ей не хотелось становиться бифштексом для Игроков. Пару раз по ночам она плакала. 9-н понимала, что спасти ее от смерти может только чудо. И она молилась, молилась Богу. Точнее, Богам. Богов звали Всевидящие. 9-н стала заложницей Игры. Игра была жизнью, правдой. Выйти из Игры — означало для нее уйти из жизни, умереть. Она спасала свою жизнь, а ради спасения жизни можно пойти на многое. У 9-н случилось раздвоение личности: одна половина оправдывала ее

ложь тем, что это только Игра и таковы Правила, другая — что надо спасать свою жизнь. (Тогда, быть может, удастся еще и отомстить за друзей.) Вторая половина полагала, что это есть единственное населенное измерение, единственная планета, где есть жизнь. Планета Игра.

После очередного конкурса, когда количество Игроков на каждом Острове сравнялось (пять к пяти), Всевидящие почувствовали некий застой. Весь экстремизм Игры превращался в рутину. Человек вновь оказался гением приспособляемости. Игроки привыкли жить впроголодь, Игроки привыкли по-новому рассчитывать свои силы. (Свои стремительно тающие силы — психика не дружила с физикой. Так, например, отплыв от берега всего метров на пятьдесят, 1-с с ужасом понял, что у него нет сил вернуться назад, энергия кончилась. Помог Случай в лице Хранителя, оказавшегося в тот момент на их Острове.) И они привыкли жить со знанием, что всех их рано или поздно «съедят». В каждом Племени каждый знал, кто уйдет следующим и когда его (ее) очередь. Все стало расписанным до мелочей — как в распорядке жизни, так и в очередности «смертей». Один раз была вспышка, только один раз. Нервишки сдали у «иностранца». 8-а, ставший объектом постоянных издевательств 1-с и 4-с, почти перестал появляться в лагере, целыми днями бродил по дальним берегам. Но однажды, выбрав время, когда все Племя оказалось в сборе, он пришел к огню и устроил грандиозный истеричный скандал. Он называл 1-с и 4-с предателями, заговорщиками-масонами. Было видно, что 8-а долго готовил свои речи, также прозрачна была его цель — уйти, громко хлопнув дверью, уйти диссидентом. Парни, сначала откровенно смеявшиеся ему в лицо, неожиданно завелись, словно сами ждали этого момента. Встав напротив оппонента, они заорали ответочку, размахивая руками и брызгая слюной в желании его переорать. Waste of time (потеря времени).

Незапертый порох сгорел впустую. Племя в очередной раз проголосовало, оставив 8-а на Острове. Разглядывая лица на экранах, Всевидящие различали в них не очень-то старательно скрываемый садизм, в речах — подтекст: «Пусть, гад, помучается». Добавочной порцией страданий для 8-а служили кокосы — единственная тогда пища Игроков. От белой мякоти у него были постоянные проблемы с печенью и прочим ливером.

Сидя чуть в стороне, в своей обычной позе (развалясь, ноги в стороны, подбородок вниз, лоб вперед), СК медленно тянул виски, плескавшееся между прозрачных кубиков. Смотрящие к этому привыкли и никто, кроме АЛ и СБ, не беспокоил его в такие минуты.

— Да, Игра идет... Куда только, неясно... Что-то с ними творится... — АЛ и СБ обсуждали лицо 1-с, взятое крупным планом в момент скандала. — С ними происходят какие-то изменения, они уже не совсем люди. Просыпается зверь... Но разве не это — принцип Игры? Не в этом ли весь ее интерес для тех, кто все это будет смотреть в уютных квартирах, за вкусным ужином с пивом?

СК молчал. Он колебался. Подсказку, словно кость голодному псу, подкинула интуиция. Попрощавшись с АЛ, который через час снова улетал в Москву, СК поднялся и, выйдя из бара прямо со стаканом в руке, пересек улицу. Никто его не остановил, не окликнул. На маленьких островах Карибов царило безбрежное спокойствие, сонное очарование глубокой дыры. Так СК представлял себе рай — он жалел, что не взял из дома тапочки. Да, домашние тапочки — самый подходящий вид обуви для этого места.

Он поднялся в одну из операторских, нашел на стеллажах нужную кассету. Бросил кассету в магнитофон, а себя — в кресло напротив. Нажал на пульте кнопку с треугольником.

...Эту съемку, дело глаз и рук одного из Смотрящих (когда СК увидел запись впервые, он, обняв Смотрящего за плечи, отвел в бар и напоил до поросычьего визга), СК считал одним из шедевров съемок Игры. 1-с, убив на это сутки и все свои силы, беспрецедентно пожертвовав обедом, соорудил на берегу три огромные буквы, обмотав их пальмовыми листьями и туалетной бумагой. (Потратив на это почти весь запас Племени, чем вызвал несколько презрительных комментариев тогда еще игравшего 3-а. Озвучил он их, правда, уже выйдя из Игры. Постфактум, так сказать.) И вечером его девушка с соседнего Острова увидела свое имя, горящее в ночи.

СК смотрел на глаза с экрана, а его ум прокручивал вчерашние кадры — те же глаза, но наполненные глумливой наглостью, низким самодовольством. «Нет, он не может. Не может эта любовь быть маской, а злоба — лицом. Не может. Все наоборот. Игра. Они не справляются. Игра жестока. Дело рук моих — жестоко». Теперь СК был готов к ответу. «Ведь вы создали

Игру, чтобы люди, став Игроками, смогли вступить в единоборство с грязью. И победить ее. В себе». Дальше было проще. «Сейчас они вымотаны, устали. Просто устали, нервы измочалены. Они воюют со злом, и это трудно. Так помоги им, черт возьми! Это-то тебе по силам?!»

10

Свежая почта принесла на Острова ветер революции. (Иначе как революционными полученные сведения назвать было нельзя.) Племена объединяются. Не будет больше синих и оранжевых. Не будет племенных испытаний. Все будут жить вместе. Осмысливая эту информацию, каждый из Игроков (скорее всего, бессознательно) поднимал глаза вверх в короткой молитве. Для всех них это были новые возможности, новые друзья, новая обстановка — та новизна, которая прохладным душем и бальзамом очистит и запыленные, и обсыпанные скрипучим колючим песком души. Объединение Племен сулило краткие дни мира, необходимый привал-перекур на долгой дороге к финалу Игры.

Правила Игры — неукоснительно добавлять бочку дегтя к каждой ложке меда. Условия слияния Племен предполагали переселение на новое, необжитое и неисследованное место, а количество предметов обихода, которое позволялось взять с Острова в новую жизнь, ограничивалось мачете-топор-котелок. Все эти новости требовали непосредственного обсуждения с будущими соплеменниками, и, специально проинструктированные Всевидящими, Смотрящие изящно натолкнули Игроков на витающую в воздухе мысль: встреча послгов.

Когда эти слова впервые прозвучали в лагере, к 1-с одновременно повернулись четыре лица с инкубаторски одинаковым выражением, которое можно было обозначить как «ну, брат, везет тебе!». Так смотрят на вечного неудачника, выигравшего автомобиль в уличной лотерее. А он молчал, и было видно только, как бешено пульсирует жилка на тонкой шее.

Потом галопом проскакали дневные часы — Племя осматривало пожитки, недоуменно констатируя, что даже на необитаемом острове они ухитрились обрести каким-то бытом, хламом. Много было не нужно, вроде мисок и чашек из кокоса, которые сделал Серега 4-с, это можно было сделать по новой и даже лучше (кокосы, бывшие роскошью для синих, на других островах архипелага падали на головы и вгоняли наиболее несообразительные головы по макушку в плечи), но к ним уже «прикипели». Вертя в руках эти коричневые полусферы, 1-с вспомнил, как бесил первые дни друг 4-с и как его появление ассоциировалось, помимо невежливого взгляда голубых глаз, еще и постоянным «тук-тук-тук». Серый все время держал в руках очередное мохнатое фаберже и легкими постукиваниями мачете превращал его в утварь. Кургузые тарелки и чашки потом преподносились Инне с неизменной галантностью. Сергей, Игрок 1-с, вдруг понял, что он уже давно стоит на одном месте, тупо глядя в одну точку. Оказывается, этот лагерь на маленьком Острове успел стать частью памяти, частью его самого. Такая короткая жизнь, 24 дня, сутки за сутками... и уже есть воспоминания, та самая тягучая сладость, которая остается в душе после того, как время вымоет все темное.

Он вернулся в реальность, огляделся на суетящееся Племя, доживавшее последние часы, вспомнил то, что ему сейчас предстоит, и сердце снова ухнуло в пропасть. Сегодня он увидит ее. И плевать, что там, где они встретятся, будет понатыкано без счета подглядывающих железяк, что по кустам будут шуршать сонмы Смотрящих и Хранителей — они все равно будут вдвоем. Вдвоем — первый раз с того момента, когда он на плоту последний раз оглянулся и увидел среди барахтающейся вдали кучки людей ее купальник цвета здешних волн, который они вместе покупали в нереально далекой Москве.

«Как же... Как же мы... я... на(биип!)! Я сделаю что угодно — песок буду жрать — только чтобы она поняла. Господи, она же половинка моя, она не сможет не понять. Она должна просто почувствовать... И простить. Простить?»

Утро незаметно перешло в яркий день, загоняющий все живое в тень, и, бесконечно простояв неподвижно в самой середине неба, солнце наконец сдвинулось в сторону гор на горизонте, когда раздался гул мотора — здешний гонг судьбы, знак оракула. Не чувствуя дружеских шлепков по спине и плечам, не слыша напутствий, он, вместо того чтобы запрыгнуть, как обычно, с носа, прошлепал по воде до низкой кормы и плюхнулся в лодку, мокрый по пояс. Несмотря на жару, он оделся в единственные брюки, белую футболку и рваные

кеды. (Майку, впрочем, можно было назвать белой чисто условно — вся она была в коричневых потеках от сока джунглей.) Усевшись на банке, он вперился в дно лодки стеклянными глазами.

«А вдруг.. вдруг не она будет, вдруг она не захочет меня видеть, и вместо нее — другой номер. Что тогда?.. А тогда... Тогда я угоню лодку и пойду на двенадцати узлах на Остров оранжевый!» — 1-с почувствовал облегчение, улыбнулся. Мысль о том, что если вместо Анны появится неопределенного возраста 13-н, он все равно увидит свою девушку не позже чем на следующее утро, — эта мысль его не посетила. Это вообще было характерно для 1-с.

Они подъехали к узко вытянутому соседнему Острову. На пляже, который занимал добрую половину этого прыщика суши, уже были видны какие-то грандиозные приготовления. Над Островом висел вертолет. Похоже, сегодня здесь собрана вся команда Игры. До качавшегося в лодке в ста метрах от берега 1-с долетела нервно вибрирующая атмосфера общего сбора. «Они приготовили что-то глобальное. Ну, придумщики!» — подумал 1-с. То, что психовал не он один, а добрая сотня людей (пусть и совсем по другому поводу), его неожиданно успокоило.

С берега по воде до них докатился окрик. Из общего муравейника выделился СБ. Он подошел к волнам и приглашающе махнул рукой. «Рука СБ — Главная Штука Игры» — от идиотской нелепости мысли 1-с переколбасило. Они подплыли к берегу, 1-с соскочил на песок и поздоровался со Всевидящим, остальным кивнул. Всевидящий СБ, глядя на него с непривычной дружественностью (вместо обычного глумливого безразличия), показал рукой на другую сторону Острова. «Ну, иди. Встречай». И 1-с побежал.

Из-под его пяток вылетали снопы песка, он смешно подпрыгивал и взмахивал руками. Пересек Остров — и увидел покачивающуюся на волнах лодку со знакомым силуэтом на корме. Забывая дышать, он поплыл к лодке широкими саженками, не чувствуя ни вечной усталости, ни сковывающей тяжести одежды и обуви.

Он залез в лодку, сильно ее раскачав. 2-а сидела, чуть ссутулившись, опустив плечи. И смотрела на него. Больно стукнувшись о шпангоуты, он перескочил к ней и обнял... нет, сграбастал в охапку, прижимая к себе (как ребенок — игрушку), к самому сердцу.

Сквозь холод мокрой одежды они ощущали жар крови друг друга, пускали друг в друга свои корни, на глазах срастаясь в один организм. Она почувствовала, как сквозь густоту волос течет горячая капля, потом еще одна. Ее любимый плакал. И тогда уже (только тогда!) она тоже разревелась. Она плакала, слушая удары его сердца, и слезы вымывали тяжелую тоску, и душа ее становилась прежней — прозрачно чистой душой ангела.

...На берегу стало тихо. Смотрящие, Хранители и Бои смотрели на челнок, в котором два человека слились в одно существо, стоящее на корме, и молчали...

СК и СБ, сидящие в палатке в зарослях, синхронно затаились (как все чаще и чаще случалось за то время, которое они провели здесь, на Островах Игры — команда Игры сроднилась до того, что жесты и поступки у всех становились зеркально похожими) последними в сигаретах затяжками, синхронно посмотрели друг на друга, синхронно усмехнулись.

— СК! Вы думаете о том же?

СК не успел ответить. В палатку вошел Старший Смотрящий. Он заговорил с порога, как, дойдя до дома, бросает на пол опостылевший рюкзак путник.

— Послушайте, давайте будем людьми! Мы...

— Опоздал, — СК остановил его изливание поднятием руки.

— ??

— Уже решено. — СК поднес к губам рацию и сказал: — Общий отбой. Пять минут на сбор аппаратуры. Срочная эвакуация с Острова. Опоздывающих — топим. Оставьте им на берегу только палатку. И вина. И хлеба.

...Сергей и Анна вышли на пустой берег, держась за руки. С другой стороны Острова доносились звуки отъезжающих моторок. Они были вдвоем. Одни. Впервые с начала Игры. Боги оказались людьми...

Она уже давно спала под белым шелком большой палатки, а он сидел на берегу и курил сигарету из найденной на берегу пачки. Он был уверен, что пачку оставили специально. Те, потусторонние, те, кого они почти не видели, но 24 часа в сутки ощущали их присутствие — их

пристальные взгляды из толстых линз камер бегали по телу как солнечные зайчики. Всевидящие, Смотрящие, Хранители — он (оказывается) привык к этим бесплотным призракам и сейчас отчетливо ощущал какую-то незаполненность в окружающем мире. Они ушли. Но, уходя, кто-то позаботился о том, чтобы Игрок 1-с улыбнулся и вспомнил о них — бросил на песок яркую пачку сигарет. «Вот Серега-то обрадуется!» — 1-с представил себе глаза своего друга, когда тот увидит эту пачку, и снова заулыбался. «Вот ведь как бывает — таким уродом моральным сначала показался». А теперь это его семья, его брат. Они одной крови. Он, Серега, Инна... А завтра он познакомит их с той, которая неслышно спит в белой палатке, разметав по подушке медовые волосы.

Небо стало фиолетовым, потом затянулось пурпуром, теперь бледнело, все больше отдавая в аквамарин. Уже была видна гряда материковых гор на горизонте. День будет ясным... Хорошо...

Она тихо подошла и села рядом, прижалась, опустив голову на плечо. Он обнял ее, прижался к ее макушке и вдыхал запах ее волос, ее тела — непохожий ни на один запах в мире, как свежий аромат росы на полевых цветах. Потом они вернулись в палатку и позавтракали хлебом, запив его остатком вина. И снова легли на белое полотно, прижимаясь друг к другу.

...Они оказались сильнее. Любовь — против Игры, они победили...

Кажется, они снова заснули. Очнувшись от звука приближающихся моторов, он увидел сквозь крышу яркое солнце. «Уже день». 1-с натянул штаны и вышел наружу. Подъехали две лодки, на первой сидел один из Смотрящих с правом голоса, один из трех, с кем Игроки имели обоюдное право общения. Ему нравился этот мужчина с черными усами и повадками здешнего пирата, он вызывал стойкое мужское уважение.

— Эй, 1-с! — крикнул он, стоя на первой банке лодки (ну, точно, пират). — У тебя есть маленькая штучка на букву «с»?!!

— Спички? — 1-с полез в карман, при этом понимая, что делает (и сказал) что-то явно не то.

— Нет! — хрипый голос Смотрящего взревел: — СОВЕСТЬ!

— А-а-а-а... м-хм...

Ой! Со вчерашнего дня 1-с перестал отдавать себе отчет в происходящем, Игра отодвинулась на какие-то далекие подсознательные планы, как эти горы вдали. И, «естессна», у него вылетело из головы, что на рассвете он должен был дать сигнал к началу объединения — две ракеты, красная и зеленая. Два раза по четыре человека сидели уже много часов на своих Островах, ожидая у моря погоды, которую он забыл устроить...

...Проклиная себя по матери, 1-с вприпрыжку вернулся в палатку, выскочил обратно уже с ракетницей и дал два выстрела. В ярком карибском небе две вспышки были почти не видны, но «должны же они проявить сочувствие! Пусть Смотрящие переконтакат по рациям и скажут Игрокам, что мы здесь решили».

Потом он вернулся в палатку, покидал в один рюкзак свои и Анины вещи и, перекинув его через плечо, взял на руки удивительно легкое, уютно пахнущее сном тело. И понес ее, завернутую в простыню, к лодке. Она открыла изумленные глаза, только когда он бережно передавал ее с рук на руки Смотрящему в лодке. «Всего три недели с мужиком прожили, я его видел раз в три дня, а вот Аньку ему в руки доверяю», — удивился он сам себе. 1-с сел в другую лодку. И помахал рукой своей любимой, расставаясь на несколько часов, чтобы снова встретиться вечером и уже никогда не расставаться. Две лодки разъехались в разные стороны — послы повезли своим Племенам новости.

1-с плыл к своему Племени на маленьком, наспех сколоченном Хранителями плоту. Большую часть пути его лицо было абсолютно отрешенно, изредка лишь озаряясь полуидиотской (так много в ней было радости) улыбкой — он весь еще был с ней, в этой волшебной ночи. Весло медленно погружалось в мюнхенскую лазурь моря, он работал им машинально, не заботясь о времени и расстояниях.

Раздался плеск, и под плотом промелькнула большая тень. Акула? Или барракуда? А может, дельфин — это вывело его из состояния блаженного оцепенения, он вернулся в Игру. И первое чувство, которое испытал (первая мысль?) удивило его своей неожиданностью: «Привезу ребятам покурить». И он понял, что успел соскучиться по своему Острову и по

Игрокам. «...Вот так штука! Соскучился! Теперь хижина — мой дом, гамак — моя постель, 4-с и 7-и... брат да сестра? Ха!» Только сейчас он понял, что все они живут в новой реальности, имя которой Игра. Здесь все другое, все по-новому.

«Я соскучился по Острову», — скажет он в своей первой по возвращении беседе со Смотрящим. СК и АЛ, просматривая этот материал, одновременно подумают: «Остров — теперь его дом. А Игра — вся вселенная. А ОН это понимает? Хорошо ему от этого или плохо?»

Синие и оранжевые решили жить на Острове оранжевых, только на другом его берегу. Список из десяти позволенных к перевозке предметов они тайно увеличили в три раза. «Все остальное мы спрячем». — «Куда?!» — «Ну, например, привяжем веревками к плоту, снизу, под водой». — «?!!!!» — «Ха! Все, что есть у синих, либо найдено, либо украдено!»

Тотемный цвет нового Племени — глубокий иссиня-зеленый, цвет здешних волн в шторм.

Объединенному Племени предстояло потерять восемь человек за пятнадцать дней. И тогда Игра закончится.

11

Первым вопросом Сереги было беззвучное шевеление губами (сзади стояли Смотрящие), в котором легко угадывалось слово «сигареты». Глаза его выражали страдание и христианскую терпеливость. 1-Серега кивнул ему в ответ, 4-Серега просиял. Он и не подозревал (точнее, они оба не подозревали) о беде, которая подстерегает их припасы.

1-Серега коротко рассказал (представляя, как 2-Анна сейчас говорит то же самое на своем Острове) Племени о результатах Совета, предвкушая, как они втроем уйдут в сельву и, развалясь под деревом, выкурят по сигарете. Но Боги распорядились иначе. Видимо, они решили, что Игроков не стоит перекармливать своим расположением. У Смотрящего на поясе ожила рация. Через минуту он сообщил синим (доживающим в этом цвете последние минуты): «Игроки! У вас есть 60 секунд на то, чтобы покинуть Остров. Все, что вы не успеете взять с собой, будет сожжено».

...Конечно, они успели. И сейчас сидели по краям плота, работая веслами, болтались между двумя Островами, отдаляясь от своего берега, но не приближаясь к другому. Так во всяком случае им казалось. Они весело перешучивались, работали с неторопливой ленцой матерых мореманов. Они прошли первый и, как они тогда все думали, самый страшный этап Игры. Впереди — новые испытания, новая жизнь с новыми соплеменниками — им все по силам, уже закончились 24 дня Игры. Они были вместе, уменьшившееся в два раза Племя. Но оказалось, что так даже легче. Плот, во всяком случае, легко слушался их движений, две оставшиеся девушки 7-Инна и 14-Снежана сидели, бездельничая, на пожитках, подбадривая мужчин русалочьим смехом.

Они были еще бодры, но эта бодрость уже начала отнимать у них силы, когда Инна, посмотрев вперед/назад, обнаружила, что встречный берег теперь ближе, чем покинутый. Были различимы стволы пальм, под ними прыгали яркие черточки — их встречали оранжевые, тоже доживающие в этом цвете последние минуты. Четверо снова мирно позавидовали одному. Он улыбался до ушей, они впервые видели на его вечно хмуром лице такое безоблачное сияние.

Труднее всего пришлось 13-Надежде, которая с начала Игры приобрела статус «мамочки», став главной по готовке и прочему хозяйству. Помогала ей в этом без напоминаний 2-Анна. Третья девушка Племени, 9-Ната, объявила бойкот на все племенные дела, оставив за собой лишь право на ежедневную миску каши. «Неплохо устроилась», — иногда думала 2-Анна, сама удивляясь не свойственному ей ранее цинизму. Но сейчас даже 9-н появилась в лагере и молча стояла в стороне, всем своим видом выказывая желание помочь. Трех женщинам предстояло сделать что-то, что могло быть названо торжественным обедом, чем можно было бы накормить все новое Племя. Задача Гераклова. Горсть риса, полученная с утренней почтой, пучок съедобных водорослей, пара десятков мелких крабов, постылые кокосы — крутись как хочешь. Тридцать два фуэте по сравнению с этим — переход улицы паралитиком после дозы снотворного.

Когда синие подплыли к их Острову, в воду прыгнул 11-Иван и с неожиданной силой

дотолкал плот до берега. Экс-синие и экс-оранжевые по очереди обняли друг друга (каждый с каждым). Их глаза были полны тревожной радости, слова приветствий звучали скупом — каждый понимал, что сейчас очень легко брякнуть фальшивку, которая немедленно будет замечена. Обнявшись и уже не отпуская друг друга, забавной четырехногой каракатицей, в сторону от всех откатились 1-Сергей и 2-Аня. Племена объединились.

Мужчины вынесли плот на берег и, используя его квадрат как фундамент, начали возводить дом (удивляясь своей сноровистой ловкости). В процессе не участвовал только Первый — заговорщицки улыбнувшись, он взглядом испросил у своего тезки извинения, и они с Аней удалились, чтобы вновь появиться уже к вечеру.

Когда они вернулись к весело шипящему и прыгающему костру Юнита и под беззлобные подначки приступили к еде (кое-что Надежде все-таки удалось, и еда ожидала их в половинках кокосов), Сергей удивился перемене настроения вокруг огня. Искренне приветливые взгляды Игроков теперь были холодно-оценивающими. Словно через тепло пламени они перебрасывали друг другу ядовитую змею. Каждый, получив ее в руки, старался как можно скорее перекинуть ее следующему, и смерть одного из них витала в воздухе. Формально объединившись под одним цветом, они оставались противниками, яд вражды отравлял радость встречи. Завтра утром их ждало испытание, и от того, кто уйдет после него, зависело все дальнейшее течение Игры.

Объединенное Племя большинством голосов «съело» 13-н, бессменную «наседку» Надежду. Это означало, что победили экс-синие, два тезки, два улыбочивых русских парня, в голубых глазах которых иногда вспыхивали искры жестокой злобы. Теперь они были вольны убирать или оставлять любого. Их голоса: 1-с, 4-с, 7-и, 14-с и ожидаемо примкнувшая к ним 9-н. Как ни странно, 2-а не захотела составить им компанию. Синхронный вздох двух Сергеев (который они испустили, услышав слова Анны: «Ребята, простите, но я так не могу»), зафиксированный микрофонами, стал на несколько дней хитом в «Третьем глазе» — Смотрящие снова и снова перематывали пленку, слушая это долгое «Оо-о-о-о-о-ох» с неизменным гогогом. В одном длинном звуке были причудливо смикшированы самые разнообразные эмоции, с преобладающей «Ну, (биип!) — бабы! Вечно от них жди подляны! (биип!)» Впрочем, это было несущественно. Следующим кандидатом на вылет стал 11-и.

Прошло две недели, в течение которых из Игры ушли 10-и, 14-с и 8-а. Уход 10-и заставил всех почувствовать себя не в своей тарелке. Он не дергался, пытаясь заслужить общее признание, ни на йоту не изменил своего поведения (после того как 4-с сказал ему: «Прости, Игорь, но ты следующий»). Он тихо собрал свои вещи, понырял за разноцветными ракушками и пожал всем руки на прощанье. Он вел себя достойно, вызывая лишь сочувствие, и от этого большинство, написавшее при голосовании его имя, потом долго ходило, опустив глаза долу. Последний (8-а), кажется, наоборот, стал считать хорошим тоном устраивать шумные скандалы, от которых, похоже, не получал удовольствия никто, даже он сам. Но остановиться тоже не мог. Два Сергея устроили ему «райскую жизнь», сопровождая каждое появление 8-а в пределах досягаемости тихим шелестом издевательств. Этот садизм тоже, казалось, был бесконтрольный — после очередного упражнения в остроумии Анна устроила своему жениху педагогическую головомойку, от которой тот просыхал сутки. «Не смей Так разговаривать с людьми!». 1-Сергея покаянно крутил головой, поджимал хвост и закатывал глаза, но завтра все повторилось: «Хохол, иди учи попугаев мове!» Игра перевалила свой зенит, и некрепкие нервы 1-с были основательно измочалены. Едва завидев того, на кого можно было выплеснуть негатив, 1-Сергея терял голову.

Игра, всемогущая Игра... В ней стала обнаруживаться неожиданная, сводящая с ума логика. Два друга, два тезки, два вождя — первый и четвертый Сереги вдруг откололись друг от друга. Черной кошкой оказался 11-и. В том, что судьба ему благоволит, не давая его «съесть», — был столь явный высший знак, что для Игроков с их постоянно пружинно взведенными нервами это стало пыткой. 11-и раз за разом выигрывал все испытания, за победу в которых полагалась неприкосновенность. Его невозможно было «съесть».

4-с был очевидным фаворитом Игры, кандидатом на звание Оставшегося. Уже давно они заключили с 1-с пакт о ненападении, основной идеей которого стало — дойти до конца Игры вместе, предоставив Судьбе выбирать между ними. Но ТОЛЬКО между ними. Единственным

очевидным конкурентом был жилистый 11-и, студент Иван. Серега-Четвертый, поначалу относившийся к нему снисходительно, теперь имел все более и более бледный вид — один за другим уходили Игроки, линия зарубок, отмечающая дни до конца Игры, становилась все длиннее, а 11-Иван неизменно ходил с черным ожерельем на шее (знаком собственного «бессмертия»). Однажды (сразу после объединения) 4-Серега, валяющийся в хижине на куче спальных, с глумливой ухмылкой бросил в адрес неизменно возящегося с колкой дров Ивану: «Запомни, студент: кто не работает, тот ест!» Вспоминая теперь свои слова, он истово молился, прося Бога-над-Игрой простить его скверномыслие. Очевидно было, что, оставляя Ивана в Игре, судьба дает Четвертому наглядный урок добродетели. «Я все понял, я исправлюсь!» — шептал Четвертый вечерами, сам понимая убогую бесполезность таких молитв.

Он осунулся, снова стал терять вроде бы пришедший в стабильность вес. Глаза его все более походили на глаза бассета. Каждую ночь перед испытанием он не спал. Четвертый вел всю Игру, побеждая раз за разом, пока его дорога не совпала с дорогой Ивана. На узкой тропинке он оказался впереди, показывая Четвертому-Сергею узкую спину с цепочкой позвоночника. И тогда Четвертый принял решение — выбросить Ивана из Игры любой ценой, во что бы то ни стало. Этому и воспротивился его верный товарищ Серега-Первый. От природы обладая повышенной чувственностью, он лучше других ощущал незримые токи тайных законов и, смоля очередной один на двоих окурков, увещевал тезку: «Одиннадцатый достоин остаться. Нам нельзя ссучиваться».

9-н чувствовала себя в спокойной безопасности — первый раз с начала Игры. Сразу после унии она, на словах приняв сторону Тринадцатой, в последний момент нарушила клятву и проголосовала против нее. Свою ложь 9-н прокомментировала в камеру: «Я отомстила». Кому и за кого, было не очень понятно (за время Игры Девятка несколько раз перебежала от одного Игрока к другому, так что...). Этим мелким предательством она обязала 4-Серегу — ведь именно ее голос обеспечил перевес в сторону Сереги (а значит, и всех синих) на том Совете. Теперь он был обязан ей своей жизнью в Игре, что гарантировало ей безопасность.

Каждое утро она встречала с улыбкой. Оставаясь загнанной крысой почти всю Игру, теперь Девятка могла просто жить. Когда она договаривалась с Четвертым, то сказала ему: «Мне нужно отомстить за своих друзей, потом я смогу спокойно выйти». Сергей принял ее слова на веру. Ему, впрочем, ничего не оставалось. После этого Девятка не отходила от него ни на шаг, с верно-стью вассала сопровождая Сергея и Инну всегда и везде. Казалось, она готова мыть им ноги. Иногда Девятка ловила взгляды, полные брезгливости и презрения от Сергея-Первого и его ненаглядной Анны, но пока что жить ей это не мешало. Скорее, ее это радовало: «Взгляды — вот и все, на что их хватает. Ручки коротки!» — и ей снова становилось легко и уютно. Теперь она видела продолжение Игры отчетливо, как на кассете в видеомагнитофоне. После того как уйдут 10-и, 14-с, 8-а — настанет очередь и этой парочки. Радуюсь их бессилию против нее, Девятка иногда чувствовала приступы злости. Но понять, что эта злость — естественное чувство, которое испытывает испачкавшийся в дерьме человек к тому, кто остался чистым, она не понимала. Или не хотела понимать — разум в который раз спасал ее от распада, гуманно позволяя забывать то, что она говорила и делала вчера. По-другому было нельзя — человек с таким грузом на душе может двигаться только в одном направлении — в дурдом. А Девятка просто ничего не помнила.

Тем страшнее был для нее диалог, который она услышала очередным улыбчивым утром. Разговаривали сепаратные лидеры — два Сергея.

— Братец... — так они обращались друг к другу. Девятке-Наташе не нравилось такое обращение, в ней шевелилась опасливая ревность.

— Братец, тебе самому не противно?

— Противно? Меня с души воротит!

— Так что же ты не пошлешь ее на болт?!

— Брат, а ты забыл — это она нас спасла.

— Спасла... Да от нее говнищем разит за милую, Аньку вообще по утрам тошнит!

— Может, ты эта-а... ну, неосторожно, в общем?.. — Четвертый попытался перейти на шутку.

— Да нет, ее от твоей собачки тошнит! — и в голосе Первого зазвучала такая ненависть,

что у «собачки» навернулись слезы на глаза.

— Серега! Братец! Я тебе обещаю. Но пока... пока.. я ведь ей тоже обещал, можешь ты это понять?

— Понять-то могу...

В джунглях человек становится Маугли за семь дней — или он обречен на гибель. Семь дней... — а дальше идет только все более и более глубокое погружение, отрыв от мира человека и приближение к миру Природы. Те, кто остался в Игре до сих пор — уже не люди. Дремлющий зверь просыпается. Проснулся. Обостренный слух, нюх, зрение, интуиция. И сейчас Первый почувствовал чье-то присутствие. (А Наталья почувствовала, что он почувствовал.) Резко оборвав разговор, он подозрительно огляделся по сторонам (ноздри его в этот момент затрепетали решительно по-волчьи) и ушел, оставив тезку рисовать палочкой на песке.

Наталья-Девятка вышла из-за кустов и подошла к своему покровителю. «Все хорошо, все в порядке, — убеждала она себя. — Ведь Четвертый сам сейчас сказал, что он мне обещал. Все будет хорошо! Все и сейчас хорошо. И мы дойдем до конца. Мы! Инна, и Серега, и я. Я! Я — такая же сильная, как они, такая же достойная. Я стану Оставшейся! — она почти успокоилась. — Только бы скорее эту парочку „сожрать“! Даже не знаю, кого мне больше хочется — Первого, мразь эту, или подружку его. А еще 11-и надо, обязательно надо!» — Наталья чувствовала, как тревожит Иван Сергея, и его волнение возбуждало в ней желание защитить свою территорию. (А Сергея-Четвертого она бессознательно считала «своей» зоной.) «Ну, он слишком благородный, слишком сильный, чтобы так делать. Ну, тогда я сделаю это за него! — решила она. — Я „съем“ Ивана!» К тому же он явно разделял отношение к ней Сергея и Анны. Значит, не заслуживал оставаться в Игре.

«Помоги, Помоги!..» — Иван не умел молиться. Раньше, в той, ставшей невероятно далекой жизни ему это было не нужно. Старательный студент из обеспеченной семьи, все в жизни он получал с достатком, не щекоча нервы добычей пропитания... Испытания пошли сплошной чередой, не оставляя времени на собирательство и рыбалку — по нескольку раз в день раздавался звук мотора, и очередной Смотрящий приходил в лагерь: «Игроки, на выход!»

11-Иван каждый раз понимал (чувствовал, ощущал всей кожей!), что его присутствие в Игре висит на волоске. Угромо-извиняющийся взгляд Четвертого («Прости, друг! Это Игра!»), кристально-честный прямой взгляд Девятой («Иван! Ты не прав!»), откровенно сочувственные взгляды Инны и Аньки и нервный взгляд психа Первого — он прекрасно все видел. Он не имеет права на ошибку. Один раз останется без «иммунитета» — и ему крышка. Это не было секретом. Однажды Первый увел его на дальний конец Острова и сказал: «Слушай, все, что я могу для тебя сделать, — это постараться не выигрывать испытания. Остальное зависит от тебя. Прости! Прости, если можешь!» — а его глаза во время этого полубессвязного монолога метались по деревьям и кустам.

И Одиннадцатый выигрывал. Он побеждал во всех испытаниях подряд — в добывании Огня и в плавании, в беге и стрельбе — казалось, он был заговоренным, он подружился со всеми четырьмя стихиями. Воздух, Вода, Земля и Огонь были за него. И еще 2-а, Серегина Анька, — он знал, что она сдержит свое обещание не голосовать против него и так же, как раньше, будет обсуждать с ним стратегию выживания на Острове. Так договорились они уже месяц назад, в начале Игры. Четвертый перестал с ним разговаривать, но Иван понимал, что в этом нет злости — это что-то другое, большее.

И никто не знал, что каждый вечер, отгораживаясь ото всех шторами век, длинный Игрок под номером Одиннадцать не засыпает, а молится, монотонно повторяя одни и те же слова. Он молился всем богам, он молился солнцу и луне, звездам, морю и огню. Он молился собственному сердцу, гнавшему горячую кровь по телу, и своим похожим на толстые веревки мышцам. Иногда сквозь сомкнутые веки просачивалась влага. Но этого никто не видел.

«Что, что, что — что мне делать?!» — этот вопрос задавал себе Сергей-Первый день за днем, каждый час, каждую минуту. Если раньше его лицо, зарастая бородой и покрываясь чернотой загара, худело естественной худобой, то теперь темные круги вокруг горящих глаз выдавали нездоровье. Психическое или физическое. Это видели все. Что с ним происходит, знали только Всевидящие и его Анна. Каждый день они уходили на другой берег Острова, и,

когда возвращались, Сергей становился чуть более адекватным (но ненадолго). Чем они занимались, Племя не знало, хотя и догадывалось (причем неверно).

Они садились на песок в тени пальм, обычно Анна сидела, прислонившись спиной к серому гладкому стволу, а Первый клал ей голову на колени. И они разговаривали. Иногда по лицу девушки пробегало выражение легкой усталости, прикрываемой терпеливой любовью. Она видела, что ее половинка, всегда сильный человек, с которым она чувствовала себя спокойно-защищенной, едет крышей. Сначала медленно, теперь он слетал с катушек все заметнее. Они разговаривали, и каждый день разговор был одинаковым:

— Слушай, что мне делать? Я с ума сойду!

— А мне что? Я же с ума не схожу...

Его голос был всегда вибрирующим, ее журчал успокаивающе-прохладно.

— Я не могу. Не могу предать Серегу — мы же всю Игру вместе прошли. А Ванька... Ванька же достоин! Его нельзя «съесть»!

— Милый, ну ведь пока его никто не «ест»!

— А Серега? Ты же видишь, еще немного, и он начнет Ваньку пугаться! Такое везение... такого просто не бывает! Это мистика сверхъестественная! И он его «съест» сразу же, как только тот оступится!

— Ну, а...

— А я не хочу в этом участвовать!

— А кто тебя заставляет?

— Никто... но если я не буду против него, то я предам Серегу! А буду — предам Ивана!

...Серега-Первый, оказавшийся в ловушке честности и товарищеского долга, не хотел (или не мог?) сыграть «вкривую». Но при любом раскладе его голос оказывался решающим, при любом раскладе на него вешалась ответственность за того, кто будет Оставшимся. Он еле выдерживал тяжесть этого выбора, утешая себя единственно тем, что есть еще «эта косоглазая». Но что будет, когда уйдет и она?.. Ведь тогда останутся Анна, Инна, Тезка и Иван. И каждый из них достоин быть Оставшимся. О том, что каждый из них достойнее его самого, он старался не думать.

«Какие же мы стали циничные!..» — СК удивлялся Смотрящим, но еще больше — самому себе. Кто-то предложил тотализатор, и ставки взвинчивались до небес. Ставили на три варианта — 1-с голосует против 11-и, 1-с голосует против 4-с, 1-с не голосует вообще, потому что выбывает из Игры досрочно в смиренной рубашке. Лидировал последний вариант.

«Иван... И откуда у него силы берутся?! Серега, Серый, Четвертый, братишка — возьми „иммунитет“! Пожалуйста! Хм... Ну и что тогда?..» — он запутывался все больше и больше.

Очередным испытанием стал «веревочный» кросс в джунглях самого крупного из соседних островов. Их осталось шестеро, и каждый уже знал, что последнее испытание Игры создано для четырех. Значит, должны уйти еще двое. Значит, это предпоследнее испытание. Наверно, это должно было их как-то бодрить — четыре пятых пути пройдено. Но СБ, ждавший Игроков на старте, не увидел на их лицах ничего, кроме усталости. Еще совсем недавно они были энергичны, постоянно шутили — молодые, веселые люди. Теперь лица, не смягчаемые улыбками, походило на лица стариков — в глазах стояла мудрая усталость прожитых дней. Дней было числом тридцать три, через неделю все закончится. Кажется, они этого не понимали...

СБ кратко объяснил, как они проживут следующий час Игры. В сельве протянуты веревки, многие сотни и тысячи метров. Они проташены через завалы упавших деревьев, труднопроходимые заросли лиан, через грязевые ямы. Иногда очередная веревка уводит в тупик, и приходится возвращаться к месту старта. Игроки пристегнуты к веревкам карабинами, карабины, на коротком поводке, — к поясам на тонких узких бедрах шестерых.

Когда СБ закончил объяснения, на шести лицах сквозь безразличную усталость проступила мрачность — испытание было тяжелым. Трудно даже вообразить, насколько тяжелым. Месяц они жили впроголодь, на их телах не проходили гнойники от укусов гнуса. (В истощенных организмах резко упал иммунитет.) Месяц они не высыпались — в сельве человеку невозможно уснуть крепко — слишком душный воздух, слишком много шорохов и звуков, которые подсознание определяет как опасные. Кто-то из них порезал себе палец, и рана

отказывалась затягиваться — у организма не хватало сил на восстановление.

И теперь им предстоял бег. Надо бежать, продираясь без мачете через заросли, дыша мокрым, мгновенно приносящим изнеможение воздухом сельвы. И победит только один. СБ спросил: «Готовы?» и махнул рукой. (В голосе его уже давно не было требуемого от него в начале бесстрастия, он сочувствовал Игрокам, он поражался их выносливости, он гордился знакомством с ними — и это слышалось в его голосе.)

Игроки побежали, первые несколько десятков метров вместе, потом все дальше и дальше уходя друг от друга, — каждого веревка повела в свою сторону. На трассе стояли камеры и микрофоны, удвоенное количество — Смотрящие предположили, что у кого-то могут заклинить мозги от духоты и усталости, и он(а) отцепит себя от своего маршрута. Или упадет в обморок. И то и другое означало проигрыш.

Смотровая наполнилась тяжелым дыханием. Слышался самый разный хрип — экономно размеренный у Ивана, жадный и громкий двух Серег, упрямо подвывающий у Анны и Инны, бессильно сбивчивый, перемежающийся бормотанием, — у Натальи. Невероятно, но они бежали — все, даже девушки. Один из Игроков пробежал вплотную к низко стоящей камере (вид снизу вверх), и по экрану поползла мутная капля. С них градом катил пот. 1-с залетел в тупик, едва не стукнувшись лбом о дерево, на котором заканчивалась веревка. На несколько секунд он остановился, переводя тяжелое дыхание, глядя глазами загнанного животного в камеру на ветке. Прежде чем развернуться и побежать назад, он спросил: «Вы это специально?!» В смотровой переглянулись — только сейчас СК понял, что это испытание похоже на издевательскую аллегория — сначала идете вместе, потом разбегаетесь в разные стороны, каждый борется в одиночку, то вырываясь вперед, то застревая в тупиках. И никто никому не может помочь.

«... (биип!), (биип!)! Что же делать?! Как же сделать так, чтобы...» — у Первого в голове металось только одно: его Анька одета в короткие брюки и майку без рукавов, и ее нежную кожу сейчас рвут шипы растений, в ссадины попадает едкий сок джунглей. Ему хотелось попасть на одну с ней веревку (теоретически это было возможно, маршруты иногда пересекались, иногда сливались) и идти впереди, расчищая ей дорогу. Пару раз он видел мелькающую то слева, то справа знакомую майку, но пересечься им пока не удавалось...

«... Ты! Должна! Сама!» — Прыгало в это время в ее голове, но и эти слова периодически расплывались и теряли смысл, сознание застилала красная пелена.

«... Не отступать, не сдаваться, остановка — смерть, остановка — смерть». — Иван профессионально задавал сам себе ритм, высокий рост и длинные ноги помогали ему преодолевать препятствия.

«... Р-р.. Рр-р-р-р!» — Серега-Четвертый не думал ни о чем. Мысль, что ему надо во что бы то ни стало прийти первым, чтобы лишить Ивана неприкосновенности, он загнал глубоко внутрь. Ставить себе задачу его научили в десанте.

В смотровой вдруг заржали — Четвертый на секунду застрял, запутавшись в лианах, начал рвать цепкие растения руками и, прокладывая дорогу зубами, стал по-волчьи грызть их так, что на губах появилась розовая пена.

Окрик СБ «стоп!», усиленный через мегафон, разнесся по зоне испытания. Этот короткий звук вылил на пятерых Игроков ушат ледяной воды. Только на пятерых. Один из них пересек финишную линию и был вне испытания, заработав «иммунитет». Это был Иван.

Вторым пришел Серега-Первый, он отстал от Ивана всего на несколько сот метров. Когда Серега увидел победителя, в глазах его загорелась злоба, которую он с трудом подавил. То, что Ванька снова неприкосновенен, его обрадовало — ему не придется голосовать против него, но то, что он, 1-с, оказался вторым, его взбесило. В течение испытания Первый несколько раз выводил Ивана из тупиков, в которые сам упирался лбом. И теперь — он второй, а Иван впереди. Это была чистой воды фортуна.

Он пожал победителю руку и услышал сзади тяжелое дыхание. Из зарослей вылетел Сергей. Его лицо было мокрым, пот, грязь и кровь из свежих ссадин образовали страшную маску. Увидев двоих соплеменников, стоявших на финишной прямой, он резко остановился, глаза у него едва не вылезли из орбит. Кровь гулко стучала в ушах, и он, видимо, не слышал сигнала конца.

— Первый?! — Он еле протолкнул сквозь свое судорожное дыхание этот вопрос.

— Второй, — ответил ему тезка с иронией висельника в голосе.

— А первый кто?.. — голос Сереги-Четвертого так упал, что в интонации был слышен ответ.

— Ага! Опять он!

Совет. Долгие часы между ним и последним испытанием — и Серега-Первый обнаружил, что у него трясутся руки. Тезка рассказал ему об обещании, данном Наталье, — после объединения она отдала свой голос в его пользу, взамен потребовав такую же услугу, но когда сама сочтет это необходимым. И теперь она сказала ему: «Мы голосуем против Первого!»

Сергей-Четвертый сам рассказал ему об этом. Первый, честно говоря, не представлял себе, как можно будет голосовать против человека, с которым прошел вместе всю Игру, страхуя и поддерживая друг друга. Но обещание есть обещание. «Ну, что ж, братец... Вычеркивай меня, если обещал. Мы все равно сильнее, мы ее и попрем на болт из пельменной!» — сказал он, и на сердце навалилась тяжелая скала — вот они и столкнулись лбами, два товарища.

Сначала Первый не очень обеспокоился: у него было три голоса против Девятой. Он сам, Аня и Иван. Они мечтали о том моменте, когда Девятки не станет на Острове — они были из тех, кому (задолго до объединения) Наталья врала в глаза. И своим затянувшимся пребыванием в Игре она была обязана заступничеству Сереги-Четвертого. Он уговорил этих троих оставить Наталью, пока ее голос будет необходим на Советах. «Интересно, она сама понимает, что до сих пор жива только из-за Сереги?» — часто думал Первый.

Долгие часы до Совета — 1-Сергей наблюдал, как суетится вокруг 4-Сереги с Инной Девятая («Боги цифру случайно перевернули», — он первый раз за несколько дней улыбнулся.) Окончательно наплевав на то, что могут про нее думать Игроки, Смотрящие, Хранители, Наталья укрепляла свои позиции так, как считала возможным. Она засыпала 7-и и 4-с слащавыми комплиментами, от которых у всех, кто их слышал, закладывало уши, бегом бросалась выполнять любое пожелание этих двоих, а в остальное время преданно старалась угадать, что они сейчас думают, упреждая очередной каприз. (Наталья была маленького роста, и на своих королей смотрела снизу вверх, что особенно подчеркивало собачесть ее поведения.) Вплотную она приблизилась к тому, чтобы мыть им ноги. Того, что от этого прогибания тошнит всех, кроме нее, она не желала замечать. Девятая уверила себя, что теперь-то Серега и Инна окончательно ею очарованы, ей думалось, что она достигла своей цели — они должны почувствовать ее незаменимость и оставить рядом с собой.

Подошла лодка. Чуть замешкавшись в лагере, Сергей-Первый с Анной вышли на берег, когда Иван уже сидел в лодке, а Сергей с Инной залезали в нее. Вокруг них, как всегда, юлила Девятка, хватая то одного, то другого за локти, разрываясь в желании помочь обоим. Оказавшись в лодке, Инна повернулась к Наталье и протянула ей руку. Инна благодарно улыбалась, и в ее глазах Серега-Первый заметил неподдельную симпатию. «Значит, я не ошибся. Она таки и Инку охмурила. И теперь Инка не будет против нее голосовать. Значит... — Первый почувствовал тупую боль в груди, — значит, голоса сегодня разделятся. И три будут против меня». Теперь ему стало окончательно понятно то торжество, с которым Девятка смотрела на них с Аней. Три голоса против трех — и будет брошен жребий. И у него, и Девятки шансы будут равны. Девятка не сомневалась, что фортуна окажется на ее стороне.

Когда лодка рассекала воду в сторону острова, где проводился Совет, 1-Сергей заметил, что 4-Сергей и Инна прячут от него глаза. Наталья, наоборот, смотрела на него прямо, ее маленькие глазки сверкали. И он понял, что его предали...

Когда они возвращались с Совета, обычно гордо расправленные широкие плечи Сергея-Четвертого, казалось, сузились вдвое. Он сильно сутулился и низко опускал голову, пряча от всех лицо. Тезка подошел к нему сзади, положил руку на плечо. Тезка-4 обернулся, и в глазах его видны были страдание, стыд, мольба...

— Серег, ты знал, что Инка против Девятой проголосует? — Четвертый понял, что Первый дает ему шанс. Тезке ведь и самому очень не хотелось, чтобы человек, которому он доверяет, мог пойти против него. Сейчас Четвертому достаточно сказать одно слово «знал» — и дружба будет сохранена. «Знал» — значит, его голос против друга был условным, ничего не решающим. Значит, Серега-Четвертый просто делал то, что обещал, зная, что против Первого

не будет большинства или окажется равное количество голосов.

Они остановились, глядя друг на друга. Глаза — в глаза. И Четвертый ответил:

— Не знал...

Не знал того, что Инна (на протяжении всей Игры ВСЕГДА голосуя так же, как он, Сергей-Четвертый) изменит своему правилу и равенства голосов не будет. «Не знал» — значит, думал, что голоса разделятся три на три, и пятьдесят из ста — что останется Девятка, а Сергей-Первый уйдет. Но это еще и означало, что Сергей не стал врать в глаза, предпочел сказать правду, пусть даже такую, которая показывает его...

...Иван, Аня, Инна и Сергей-Первый проголосовали против Натальи. Серега-Четвертый и Наталья — против Сергея...

— Инка, объясни, почему ты так сделала?

— Ну а что, мне надо было против тебя голосовать? — вопрос звучал риторически.

— Да я, честно говоря, был уверен, что Наташка тебя охмурила...

— Серег, брось ты... Она хорошая девушка, искренняя такая, непосредственная..

— ЧТО-О-О-О????!!! ОНА?!!

— Серег, брось, говорю...

— Ну, пожалуй... Спасибо тебе, Инн!

— Не за что... Неужели ты думал, что мы тебя выкинуть хотим? После того как ты меня спас, да и Серегу тоже — поверь, он это отлично понимает.

— Думал... Я так думал...

Бывший Игрок, игравший под номером «девять», ничком лежала на широкой кровати. Кровать, казалось, была четырехспальной, она занимала львиную долю пространства бунгало. Девятка слышала об этом, а теперь увидела — проигравших (вышедших, выкинутых, «съеденных», вышвырнутых) Боги укутывают в мягкие коконы комфорта. Реабилитация...

Она лежала ничком на кровати и тихонько плакала. Иногда плач переходил в что-то, похожее на скулеж, и тогда она становилась еще больше похожа на брошенную под дождем маленькую собачку. «Я ни в чем не виновата... А меня опять... опять выбросили, как сопливую салфетку... Я никому не нужна... Как мне дальше жить?» Наплевав на себя и других ради того, чтобы остаться в Игре, ступив под казавшееся таким надежным покровительство лжи, она верила, что дойдет до финала. Слишком многим она для этого пожертвовала. И теперь сама Игра, это чудовище — выплюнула ее, не дожевав и обмазав ядовитой, вонючей слюной. Ее жертвы оказались ненужными, маленькая изолгавшаяся девочка стала ненужной.

...Они сидели на берегу, обнявшись, и смотрели на закат. Он подумал, как сейчас страдает на соседнем острове Наталья. «Представь, как она скулит сейчас...» — и улыбнулся. От его вопроса и улыбки лицо Ани окаменело, он почувствовал, что ее плечи под его рукой напряглись, она словно отодвинулась от него.

— Сереж... Ты стал жестоким. Жестоким и слабым...

12

Их осталось пятеро. Всего один должен уйти, и наступит день последнего испытания. Сегодня — предпоследнее. Они вслух прочитали почту и посмотрели друг на друга. Уже к вечеру их останется четверо... Невольно четверо посмотрели на одного — на Ивана. Он выдержал эти взгляды, как выдерживал всю жизнь в Игре. Он улыбнулся. Он ушел в хижину. Собрал все свои вещи (получилась небольшая котомка). Вышел, еще раз улыбнулся всем. И пошел прочь из лагеря. Он прощался с Островом.

...В далекой Москве АЛ слушал и смотрел (подслушивал и подсматривал) на сладкую парочку, на Сергея с Аней. Девушка сидела, закрыв лицо руками, и рыдала навзрыд. Ее прямые плечи крупно вздрагивали в такт всхлипываниям. Парень, поначалу просто сидевший рядом со сдвинутыми бровями (наверно, он хотел дать ей «выплакаться»), теперь обнял ее и притянул к себе. Она ткнулась ему в грудь и заплакала еще сильнее. Сквозь спазмы плача Аня что-то говорила своему Сергею, что именно, АЛ разобрать не мог. До смотровой доходили отдельные слова: «...Зачем, зачем?.. Я не хочу так... Почему?..»

АЛ вставил другую кассету — в поле видимости одной из камер находился Иван. АЛ

нажал на несколько кнопок на пульте, увеличив план до возможного максимума. Теперь всю площадь экрана занимало лицо Игрока. Сидя на большом бревне, прибитом к берегу волнами, он, мечтательно улыбаясь, смотрел то на линию прибора, то на пальмы над головой. И плакал.

Хотя с утра светило солнце, но им, уже научившимся чувствовать и понимать это место, стало ясно, что вскоре пойдет дождь. (Солнце было затянуто молочной дымкой, воздух прохладен.) Первые капли упали, когда они садились в лодку, когда выехали в море, хляби разверзлись. Непонятно откуда налетели волны — тяжелые, с глубокими провалами между ними. На каменном лице индейца-перевозчика появилось какое-то странное выражение, руль рвало из его рук. Потоки воды, летевшие сверху, быстро наполняли лодку, так что через пять минут все мужчины в лодке (помимо Игроков с ними ехали один Смотрящий и один Хранитель) вычерпывали воду. Девушки, накрытые одним резиновым плащом, сидели крепко обнявшись, сохраняя общее на двоих тепло. (Стало темно и холодно.)

Испытание должно было проходить в воде. Точнее, над водой. На поверхности моря чуть виднелась узкая доска. Именно на ней Игроки должны были стоять, просто стоять, и ничего более. Стоять, пока от усталости не закружится голова и не помутнеет сознание. Пока не упадут четверо из пяти.

Местом испытания выбрали небольшую бухту. Бьющие из открытого моря волны сюда не долетали, но ветер, укрепленный железными прутьями дождя, был такой же пронзительный. И холодный. Очень-очень холодный.

Им не надо было объяснять правила испытания — их просто не было. СБ спросил: «Ну, что, ребят? Начинаем?», и они, кивнув в ответ, поплыли к доске. Первыми залезли парни, они помогли девушкам, и все встали в ряд. Испытание началось.

Иногда дождь прекращался, и тогда ветер обдувал Игроков, выстуживая их тела все больше и больше. Так прошел час. Потом второй. Игроки дрожали, каждый на свой манер, легче, чем другим, было Анне. Сергей-Первый закрывал ее от ветра, и она пока еще не промерзла насквозь, ее не била дрожь, сбивающая координацию, выводящая из нестойкого равновесия.

На третьем часу упал Первый. У Игроков затекали ноги, и они время от времени приседали, переступали со ступни на ступню, поднимались на носках — разминались. В одну из таких разминок 1-Сергей чудно взмахнул руками (как страус, решивший взлететь) и упал в воду, подняв фонтан брызг. Сначала он ушел под воду целиком, потом его голова показалась на поверхности. Глаза стали ярко-голубыми и округлились, как два блюдца. Похоже, падение изумило его еще больше, чем оставшихся четверых. Он развел руками, поцеловал большой палец на Аниной ноге и поплыл к берегу. Вода казалась намного теплее воздуха, и, подплыв к берегу, он почти согрелся. Но, когда он сел на берегу вместе с группой Боев и Смотрящих, готовясь болеть за соплеменников, холод с новой силой вонзился в него. «Теперь я знаю, что такое ветер, пронизывающий насквозь! (биип!)!» Все вокруг пили горячий чай и кофе из термосов, но ему никто не предлагал — эта привилегия для слабых Игроков, для тех, кто уже за Игрой. А он еще играл.

Он сел на корточки, обняв сам себя руками. Его зубы громко лязгали, судороги пробежали по телу. Он, впрочем, этого не замечал (как и не замечал горячих кружек в руках Смотрящих) — он целиком оставался там, в ста метрах от берега, на доске. Заканчивался третий час, снова пошел дождь. Четыре силуэта над водой — у него заболело сердце. Сто метров — но он отчетливо видел глаза своей половинки. Всегда нежные, полные любящего терпения, сейчас они превратились в суровые глаза солдата. Лицо с правильными чертами застыло (чем-то став похожим на лицо мужчины). Он посмотрел на других — и увидел три гранитно-твердых взгляда.

По замерзшему телу Сергея-Первого пробежала теплая волна. Она начиналась в сердце и вместе с его ударами расходилась по всему телу. Это была торжествующая гордость. Пусть сейчас он вылетел из испытания первым, но он все еще Игрок, и они одной крови, одного Племени — эти храбрые, твердые люди, СверхГерои.

В середине четвертого часа почти одновременно упали мужчины, Сергей-Четвертый и Иван. Они не поплыли к берегу, а остались около доски, глядя на двух девушек Племени, Инну с Аней. Они стояли лицом друг к другу, на разных концах доски. Балансировали руками,

широко разводя их в стороны, ноги были полусогнуты в коленях, мокрые одежды облепили их точеные фигуры — казалось, две изящные кошки, гуляющие сами по себе, встретились на карнизе.

Серая стена косо дождя, серая рябь на воде, серое небо — все это сливалось в один фон, без верха и низа, не понять, где что. И в центре всего — две словно летящие, раскинувшие руки-крылья женщины-амазонки, парящие в пространстве между небом и землей, изящно изогнувшие в поисках равновесия совершенные тела. Покачиваясь и время от времени чуть приседая, взмахивая красивыми руками, они продолжали стоять, поддерживая друг дружку краткими восклицаниями. Они были прекрасны. Смотрящие, Боги, Хранители — смотрели на них, затаив дыхание, не произносили ни слова. В красоте поединка Анны с Инной было что-то невероятное, мистическое, и все боялись спугнуть это ощущение.

С Иваном уже попрощались. Собираясь на Совет, он прихватил с собой рюкзак с вещами (обычно за вещами выбывших присылали лодку с Хранителем на следующий день после Совета). Вокруг него стремительно образовалась зона отчуждения — от него отводили глаза, старались не оставаться вместе с ним наедине. Из-за того, что испытание на стойкость сильно затянулось (благодаря И.&А.), Совет перенесли на следующий день. Дождь не прекращался, из-за этого мрачная сырая тьма стуслилась на Острове раньше обычного. Пятеро Игроков сидели в своем доме, закутавшись в одеяла. Девушки были укрыты особенно тщательно, во все одеяла, оставшиеся после ушедших Игроков. Иван и Сергей-Первый сидели слева и справа от Ани, прижимаясь к ней с двух сторон, Инна откинулась назад, на широкую грудь Сергея-Четвертого, и, кроме одеял, куталась еще и в его сильные руки. Трое парней ощущали сейчас одно и то же (и знали об этом) — странное чувство, замешанное на заботе и стыде: они хотели, чтобы их женщинам было тепло, но почти ничего не могли для этого сделать. Костер под таким дождем был нереален, и единственным источником тепла и света была свеча, которую украли Серега с Анной на встрече послгов. Сейчас она освещала хижину, наполняя ее дрожащими тенями.

Они поужинали бананами, оставшимися после недавнего похода на дальний конец Острова, и легли спать. Серега-Первый привесил свечу к потолку в середине хижины. Они молча лежали, в ставшем просторным доме, глядя на маленький огонь. Они молчали — пятеро молодых людей, вместе дошедших до предпоследнего дня Игры. Они вынесли голод и холод, прошли с победами через все испытания, встретились с подлостью и оказались сильнее ее. Их тела усохли, казалось, шоколадный бархат загорелой кожи был натянут прямо на скелеты. Они были тверже железного дерева, в груди у них жил дух, укрепляющий веревки мышц до крепости стальных тросов. Лица, лохматые у мужчин и смугло-гладкие (от чистой воды и чистого воздуха) у женщин, были с одинаково ввалившимися щеками, но в глазах с вызовом горел огонь. Они сами выбрали этот путь, они решили проверить себя и свои судьбы — испытания для них готовили Боги, и они, пятеро из пяти тысяч, оказались сильнее Богов.

Но скоро (пройдет ночь, и небо над Островом хмуро рассветет) им предстоит самое сложное испытание. Проверка, выходящая за рамки Игры, экзамен жизни. Завтра им надо будет решить, кто из них слабее других, чей черед уйти. Тридцать восемь дней назад оба Сергея договорились, что в последнем испытании, пытке на столбах, должны участвовать четверо: они и Инна с Аней. Им удалось продраться через всю Игру и провести девушек с собой. У Ивана на сей раз не было защиты, и ничто не могло помешать осуществлению их плана. Выбор был сделан давно, три голоса из пяти против Ваньки. Каждый понимал, что это будет бесчестное голосование, достойнее убрать одну из девушек, но... но Сереги (1+4) решили так. «Мы сражались не для того, чтобы за день до конца отдать Победу!» — сказал 1-с Анне, сам понимая, что отмазка слабая.

Он поймал себя на этой мысли уже который раз за прошедший день. Если раньше она была похожа на укусы комаров, раздражающие и лишаящие сна, то теперь его словно укусил скорпион, укусил прямо в мозг, и яд быстро распространялся по нервам. «Как поступить, как поступить?..» — До сих пор он думал, что был сильнее Игры, но теперь ему казалось, что он просто ускользал, убегал от тех решений, которые требовали жесткости. Или подлости. У Сереги-Первого не было сил, чтобы сделать то, что он считал черным поступком. В бесконечно далеком прошлом, когда дни были еще солнечны, конец Игры терялся в тумане будущего, он

говорил об этом с другом и тезкой. И Сергей-Четвертый рассудительно сказал ему: «Слушай, ты что, обещал ему что-то? Договаривался? Это Игра такая, и он знает Правила». Тогда ему достаточно было этого объяснения, и он успокоился. Сегодня эти слова потеряли силу. Больше всего ему хотелось, чтобы Племя проголосовало против него (и тогда он уйдет с чистыми руками), но это означало оставить свою половинку одну. Это было бы слишком.

Дождь лил уже третий день, третий день волны (с каждым днем они становились заметно больше, тяжелее) грызли берег, тяжело на него обрушиваясь. Линия прибоя приблизилась к лагерю, иногда особенно сильная волна преодолевала полосу пляжа и влетала в лагерь, заливая костер. В «Третьем глазе» потухла половина экранов — затяжной ливень не входил в расчеты тех, кто создавал и устанавливал аппаратуру, камеры выходили из строя.

Да и, по крупному счету, нужда в них отпала. Племя почти не выходило из хижины, никто уже не гулял по Острову. Лишь Сергей-Первый, с упрямством, достойным лучшего применения, вылезал каждое утро из тепла спальника и с тяжелым отвращением на лице болтался минуты по три на волнах (он обещал себе, что ежедневно будет делать зарядку). Раз в день мужчины втроем бегали за дровами, натаскивая сразу суточный запас. Инна с Аней вообще проводили все время, укутавшись в одеяла и спальники, с благодарностью принимая от Сергеев и Вани горячий взвар из сахарного тростника — они обе заболели. Так что никто из пяти Игроков не мог оставаться наедине, и если раньше все они были как на ладони, то теперь то, что они знали друг о друге, наводило на пошлые мысли о проктологии. Сутками напролет — короткими темными днями и глубокими вечными ночами — они жгли свечу и сидели, глядя в глаза друг другу. При этом, сколько Смотрящие ни слушали их разговоры, установив круглосуточное дежурство, в их общении не было ни тени намека на какое-то клаустрофобное раздражение, на склоку. Со стороны это выглядело как парадоксальная модель поведения: зная, что одного из них не станет, Игроки все плотнее сближались, их разговоры становились все откровеннее. Казалось, что они хотят вцепиться друг в друга, что стоит оторвать одного — и все Племя полетит в ад, и не будет уже ни Оставшегося, ни проигравших. «...Тогда Игра перебьет нас всех поодиночке...»

А Совет Племени все откладывался и откладывался. Он мог состояться только на соседнем Острове и только в присутствии всех Богов и Смотрящих, таково было Правило. Дождь и шторм не позволяли прислать лодку. И Игроки продолжали томиться в ожидании «смерти» одного из них, мариновались в собственном соку совести и чести, страха и алчного честолюбия...

«Е-мое, (биип!), это что же, (биип!)?!?! Они что, объединяться решили?!? Ведь тогда они меня, а Инну на закуску — и все, Игра закончена...» — Сергей-Четвертый, несмотря на дождь, впервые за эти дни вышел из хижины без видимой причины и ходил нервным шагом по осыпающемуся изгрызенному берегу — сто шагов вперед, сто назад. Сто вперед, сто назад.

У него бешено колотилось сердце, еще чуть-чуть — и оно не выдержит. Не выдержит той тоски безнадежности, которая на него сейчас навалилась. «Всю Игру... Всю Игру прошел... И сейчас, теперь... за день до финала... — Ему хотелось завывать, хотелось упасть на песок и молотить по нему кулаками, грызть его, перетирая со скрипом зубы. — Господи, помоги! Отче наш, иже еси... — он начал читать молитвы, одну за другой, все, которые знал. Он просил помощи у неба, потому что больше ему было просить ее не у кого. — Господи, ты не забывал меня никогда! Ты помог мне ТАМ, отведя от меня смерть... Ты помогал мне в Игре, давая силы... Помоги и сейчас! Помоги выдержать, пройти через это достойно! — Он не был уверен, что сможет выдержать это. Выдержать свой уход из Игры. — Надо же, как скрывали! Четыре дня сидим, глаза в глаза, а я только сейчас заметил!»

Сегодня он проснулся раньше обыкновенного, что-то толкнуло его мягкой лапой. (Этот толчок он не раз чувствовал ТАМ, на войне.) Он открыл глаза — не открыл, а едва раздвинул веки, глядя на мир сквозь ресницы. Сергей-Четвертый услышал тихий разговор, слов было не разобрать. Под утро ливень устал и отдыхал, сменившись легкой моросью. 1-Сергей и Ванька тут же этим воспользовались и развели костер (первый за 48 часов). Они сидели на корточках, протянув руки к огню, и беседовали. Слов Сергей-Четвертый не слышал, но о настроении разговора смог догадаться по позе своего тезки. Обычно держащий истончавшими плечами гордую осанку и глядящий в глаза собеседнику — сейчас Серега-Первый сидел ссутулившись,

словно пряча голову. Лица и глаз не было видно, он смотрел в землю, выставив вперед макушку с ежиком выгоревших волос. (Может, поэтому его голос звучал особенно глухо.) Было заметно, что ему тяжело дается эта беседа.

«Черт, что они замышляют?!» — подумал Четвертый, и в этот момент Иван повернул голову и посмотрел на (как он думал) спящего. Этот взгляд ответил на вопрос 4-Сергея, в этом взгляде он прочитал свою судьбу — и свой приговор. Он думал об этом и раньше, но не позволял подобным мыслям задерживаться. (Имевший три класса восемь коридоров образования, он был обучен глубокой мудрости самой жизнью. И понимал, что стоит начать об этом думать — и к утру явится паранойя.) Среди их пятерки голоса разделялись так 2 — 1-Сергей и Анна, 2 — у него с Инной. Иван оставался подчеркнуто нейтральным. Они с Серегой договорились — мужики, воины, — пожали друг другу руки: при любых раскладах не будут голосовать друг против друга. И когда Иван уйдет, «съеденный» большинством (он, Инна, Серега), они одну за другой отошлют девушек и предоставят дальнейшее Богам-над-Игрой.

Теперь же... его недавний друг объединялся с потенциальной жертвой. У этого альянса могла быть только одна цель — убрать его. «Серега, братец... Как же ты можешь?! Ты же обещал!»

Но в глубине души он знал, что Серега-Первый может. И знал почему — ему возвращается тот голос, который он отдал Девятке, в голосовании против Первого. «...Но у меня не было выбора, я же обещал! И он это знал!» Но глубоко в душе лежал еще один ответ — выбор ВСЕГДА есть.

Никогда ей не было так плохо. Инна бежала в Игру, она эвакуировалась из той, ставшей далекой, как фата-моргана, жизни. В какой-то момент она была беззащитна, и ее ранили, ранили больно и глубоко. Ей необходимо было отлежаться, зализать рану — и тут она услышала об Игре. Она сразу поняла, что пройдет, — просто у нее не было другого выхода, иначе ей была бы труба.

Она видела жизнь с разных сторон, высоко взлетала и низко падала, никогда не отступала и была из расы победителей. Она адекватно оценивала собственные силы, отлично представляла себе, какие испытания их ждут в Игре, и знала, что у нее хватит сил.

Она не ошиблась, сил у нее хватило, скоро она и Анька станут единственными (двумя) девушками, прошедшими Игру до финала. Обе сильные и выносливые, обе умные и честные — они были этого достойны. Их мужчины, самые сильные мужчины в мире, не будут стыдиться тех женщин, которые шли за ними через Игру. Плюс обе пленительно красивы — красивы настолько, что это не могло быть случайностью — такая красота только свыше. (Хотя они совсем разные: темноволосая густобровая Инна походила на свет луны холодной зимой, а русую Анну сравнивали с огнем, живущим на конце восковой свечи.)

«Я достойна, можно говорить это, стесняться мне нечего. Только почему мне так тяжело?» — В глубине души лежал ответ, она знала почему. Сейчас она нужна Серегам (прежде всего, конечно, ее способному ученику, Четвертому) только для Совета, только для голосования. Сейчас нужна не она, а только ее голос (хотя она искренне верила, что они берегли ее всю Игру просто как ДОСТОЙНУЮ).

И этот голос должен будет вывести из Игры одного из достойных. Ивана, Игрока с Ай-Ди 11. «Это Игра, и он узнал Правила прежде, чем начать», — Инна была спокойна, к тридцати годам она научилась не мучить себя, если это ничего не меняет. Но все равно каждый раз, когда она смотрела на всегда занятого полезным для Племени делом Ваньку, ей становилось тоскливо. Но выбора у нее нет. «Или есть?»

Который день они уже сидят в доме, закрывая женщин от ветра своими плечами. «Вот и все. Это конец», — именно так он представлял себе ад. Всю Игру в них горел огонь, не опадая ни на минуту ни днем ни ночью. Благодаря этому огню внутри они и оказались в этой хижине — здесь и сейчас. Огонь помог им пройти через все лишения Игры, подойти к самой заветной черте — как помогал такой же огонь их предкам, которые, упрямо стиснув зубы, бороздили моря, карабкались через поднебесные горы, выживали в невыживаемой сельве. И в глазах тех людей сверкал холодный, вечный огонь. Это была черта одной расы. Победители. (Ха-ха-ха! Плагиат из Джека Лондона!) Им всегда было мало одного дома и одного огня в нем. Они всегда

хотели большего, больше, больше — и никогда не отступали.

И этот же огонь теперь оказался огнем, горящим под котлом, в котором варились все пятеро. Огонь выбивался наружу, он был ярко заметен в их взглядах, он обводил похоронными кругами их глаза. Никто из них не мог отступить. Они прошли много дорог в этой жизни. Пятеро тропок пересеклись и слились в одну. И (кажется) дальше есть место только для одного. Все меньше и меньше оставалось времени, и огонь выжирал их изнутри.

Только теперь они поняли, почему эту Игру называли жестокой и бесчеловечной. Ближайшие несколько дней выкинут в никуда одного из них. Это Правило, слепое и без исключений. Они сидели, глядя друг другу в глаза, впервые за черт знает сколько времени вспомнили о номерах друг друга. Это было для них открытием и удивлением. Они уже давно называли друг друга по именам, они были кровниками. Но звание Игрока подразумевает отсутствие человеческих отношений (во всяком случае в Игре, а другой реальности для них давно уже не было). И так они уже получили непозволительно долгую фору. (Спасибо дождю и шторму.)

Но скоро будет затишье — и тогда Игра вырвет из этого Дома, из Племена одного из них. Кого — пока неизвестно, но себя обезопасить проще простого. Надо просто подойти к Игроку 11-и и договориться. Как Игрок с Игроком. И тогда ты и твоя женщина будете в безопасности.

Игра превратилась для них в заколдованный круг — без остановки их разум метался по Острову, раз за разом натываясь на одну и ту же скалу — «просто договориться, так говорят Правила». Только-только ставшие братством — они должны вспомнить свои номера. Каждый видел в глазах другого отражение своего (бешеного) огня.

Еще несколько часов назад, нагнувшись, чтобы поднять очередное полено, 11-и вдруг осел на мокрую землю, едва не упав лицом вперед. Остров вокруг него потемнел, остались только быстро разбегающиеся разноцветные круги. Он несколько раз глубоко вздохнул — и зрение к нему вернулось, но земля под ногами еще долго предательски покачивалась. Он понял, что его силы закончились.

Игрок 11-и, самый молодой человек в Игре, внушал всем суеверный восторг своей энергией, своей живучестью. До последнего момента он носил и колот дрова, поддерживал костер, плавал среди злобно пенящихся волн, проверяя ловушки для рыбы, работал и жил, не останавливаясь ни на мгновение. Два Сереги, равные среди равных, в быту сразу признали в нем сильнейшего и даже не пытались с ним конкурировать. «Поэтому я и прошел так далеко, — подумав так, Иван поразился следующей своей мысли: — А может, не надо было так? На кой ляд я рвал себе жилы, все равно меня сейчас вышибут — не сегодня-завтра. Рано или поздно шторм пройдет и состоится Совет. Может, надо было раньше уходить, не так было бы обидно?» — ему опять захотелось выть. Он сидел на мокрой земле, потом лег на нее, вытянувшись в полный рост, закинул руки под голову. Смотрел на бреющий полет тяжелых облаков и ждал, пока сердце нагонит в мышцы хоть каплю сил, чтобы встать и дойти до хижины. Силы все не возвращались. В глубине души он знал, что добило его окончательно, что без пользы высосало из него последний резерв.

Последние несколько ночей он не спал, и чем дальше, тем хуже ему становилось. Шторм продолжался, лодки не выходили в море, и их жизнь превратилась в бесконечный счет густых капель, падающих с крыши и бесконечное ожидание. Оно затягивалось, и с каждым часом в нем все сильнее закипало отчаяние, отнимая последние силы. «Зачем я шел до конца, что мне теперь с этого?»

Под утро он обнаружил, что звук, к которому они привыкли, перестав замечать, уже давно прекратился, в воздухе висит свежая тишина. Ливень куда-то ушел. Наверно, от этого, рефлекторно уловив какое-то изменение, заворочался и выполз на свет Божий Серега-Первый. Поздоровавшись, они вместе отправились за дровами, потом сходили к банановой рощице (нашли одну связку), разделали несколько кокосов. Положив пищу печься в золу, они присели в ожидании, грея открытые ладони. Пока ходили по Острову, Иван несколько раз ловил на себе взгляд соплеменника, полный мрачной тоски. С удивлением Одиннадцатый понял, что Серега-Первый тоже страдает от ситуации, что ему дорого будет стоять этот выбор. И тогда пришла ему в голову эта мысль.

Он физически почувствовал, как она заползает в душу, с легким шипением, извиваясь.

(Она представилась ему в виде змеи.) Иван знал о «пакте ненападения» между двумя Серегами, но что, если попробовать? «Попробовать-то стоит... Они друзья, но они же и конкуренты, они вот-вот упрутся друг в друга лбами, а дорожка дальше есть только для одного. И они оба это знают, так, может, попробовать все-таки?» Тем более что интуиция ему подсказывала — Серега (1) относится к нему тепло («блюдет уважение» — по его собственному выражению), благодарный за то, что Иван заботился об Аньке, пока они жили порознь. «Вдруг?»

«Нет, это — низость! Ты ведь сам себе поклялся, что пройдешь Игру чисто, без всяких „альянсов“! И теперь, на последнем испытании ты хочешь подговорить одного Игрока против другого?! — Лицу стало жарко, кровь прилила к щекам: — Ты себя с Наташей-Девяткой не перепутал?!» Нет, он так не сделает.

Но... Но что, если просто намекнуть... один-единственный раз предложить. Просто обозначить свою позицию. Например, так: «Серега! Вы мне с Аней очень нравитесь, я считаю, что вы достойны быть Оставшимися. Я готов вам помочь». Вот так — просто предложить помощь. И ничего более. И предоставить Сергею с Анной самим подсчитывать (1-с+2-а+11-и=большинство) и распорядиться голосами. Он очень устал, он не спал много ночей и почти не ел. Он был истощен до крайности, и он был ОДИН.

И когда, положив пищу печься в золу, они присели в ожидании, грея открытые ладони, он начал говорить, боясь поднять глаза (краем глаза он увидел, что Серега также прячет взгляд) и не узнавая свой голос. Первый ему ничего не ответил тогда...

«Ведь это одно и то же! Такая же подлость... Как же я мог?! Я устал, я просто устал... Как я мог — сам себя так...» — Иван продолжал лежать, не чувствуя, что одежда промокла и холод земли пропитывает его тело. Он сделал последнюю попытку — и она отняла у него все силы. Он закрыл глаза (веки стали свинцовыми) и понял, что сейчас уснет и проспится много-много часов. Он перешел незримую, существующую только для него одного грань, — и ему стало все равно.

Суть Игры оказалась отнюдь не в том, что для победы нужно быть жестоким и бесчестным. В Игре, как и в жизни, всегда есть выбор. Решая, по какой дорожке в Игре ему идти, Игрок лишь борется (или, наоборот, заключает пакт о сотрудничестве) с тем злом, которое есть внутри каждого человека...

13

Дождь по-прежнему лил почти непрерывно, фантастически яркая природа заметно поблекла, промозглая серость охватывала все и вся, захватывая все новые плацдармы. Горячее солнце и ласковое тепло воды стали воспоминанием, лишенным правдоподобия; на Карибы пришел сезон штормов.

Сегодня утром СК понял, что Игра закончилась. Закончилась помимо Правил, помимо его воли, закончилась так, как он и не представлял. Закончились сами Игроки. Они не разговаривали, море унесло их снасти, они перестали есть. Они почти не двигались, впад в оцепенение. «Игра оказалась сильнее...» — подытожил СК. Все его расчеты оказались точными, более того, отобранные им Игроки сделали больше, чем кто-либо ожидал. Они сражались до последнего, не отступая ни на шаг, вместе, помогая друг другу, держались за правду. Их силе мог позавидовать любой простой человек, но даже они не смогли противостоять детищу разума СК — Игре. Игра подмяла их под себя и раздавила — все, как он и предполагал. Но радости СК не чувствовал. Наоборот, все больше и больше его мучила жажда — страшная жажда, которую можно утолить только водкой и коньяком, и надо будет пить много, очень много. СК знал, что это ущербный рецепт — если человек уйдет в запой, мир вокруг него не изменится, и проблемы и горести пьющего никуда не денутся. Но так можно хотя бы забыть об этом. Хотя бы на некоторое время. Не думать.

Сегодня стих ветер, струи дождя перестали лететь вдоль горизонта и стали вести себя, как им и полагается — падали вниз под углом девяносто градусов. Не надевая дождевика, СК вышел из гостиницы и зашел в бар через дорогу — их убежище, уют мятущихся заболевших душ (даже у Богов они есть), эликсиры стояли рядами на полках. В воздухе плотно висели слои сизого дыма, было людно, почти ни одного свободного места, но все вели себя тихо, вместо

обычных выкриков, визгов и гогота на фоне общего шума слышен был лишь тихий реггей из музыкальной машины. СК огляделся — вся его команда сидела здесь, повесив носы над рюмками и кружками.

«Ребят, собираемся. Последний Совет». — Голос СК прозвучал очень тихо, но его слышали, не переспрашивая, все Смотрящие, Хранители и Бои. Они пошли на выход, оставляя в баре тихую пустоту и смятые доллары на столах.

«Выход есть?» — эта мысль мучила не только Инну, но и других оставшихся Игроков. Она видела эти слова в тяжелых морщинах над растерянно-мрачными бровями одного, в вялой медлительности другого... «...Выход есть... Есть?..» — ни о чем другом они не могли думать.

Пришел сезон штормов — то, что казалось «сказкой на ночь», превратилось в реальность. В самую противную и скучную из всех возможных реальностей. Всегда мокрая одежда, всегда сырые одеяла и спальные, живой огонь костра ушел из лагеря не один день назад... С голодом они свыклись, их желудки сравнялись с размерами желудков рекламных котят, исхудали сверх всех пределов, застыли в крепко-жилистом состоянии. Рельефная мускулатура твердости железного дерева прорезалась и у мужчин, и у женщин. Они привыкли к своему Острову, больше — они слились с ним, с его дождем, сыростью, голодом. Мутация завершилась.

И главным ее итогом было то, что они, их души, их судьбы, переплетаясь все теснее в процессе Игры, наконец срослись. Они стали одним целым. И думать о том, что совсем скоро им (самим!) надо будет резать по-живому, изгоняя из Игры одного, было убийственно тяжело.

«...Выход, где выход?..» — так думал каждый из них. В этой реальности, на планете Игра, они стали первыми аборигенами. Они знали вдоль и поперек вероломную погоду, жадное море, свой Остров, друг друга... И Игру, ее Правила и ее колесо сансары. И в этих пределах выхода не было.

Оставалось — взламывать Игру, идти против всех Правил и Богов. Но до этого никто из них не дошел, как никто из рода человеческого не пытался заставить солнце всходить на западе.

Лодка стояла уже полчаса, но в нее не залезло еще ни одного Игрока. Смотрящий (на этот раз) никого не торопил, молча курил, пряча сигарету в кулаке. Сергей-Четвертый подошел и потрогал губы двумя пальцами, глядя просительно — и Смотрящий протянул ему дымящийся окурок, вопреки всем Правилам. Тут из-под песка вырос Сергей-Первый, и они задымили вдвоем, передавая друг другу сигарету после каждой затяжки. Они молчали, не глядя друг другу в глаза. Тихо подошли девушки, опустив головы, позволив волосам падать мокрыми сосульками, закрывающими лица. Наконец показался Иван. Все, не проронив ни звука, посмотрели на Остров — последнее молчаливое прости. Клочок суши, сказочный кит, в течение долгих дней перенесший на своей плоской спине радости победы, тоску и поражения этой невероятной Игры — пятеро Игроков смотрели на него, размокающего в сердце сезона штормов. Они продолжали смотреть на него и когда лодка, высоко подпрыгивая на волнах, поплыла прочь, оставляя за кормой белый пляж, высокие пальмы, хижину (пока еще ее было видно между серыми стволами) — все то, что стало их домом, местом, куда они будут возвращаться снова и снова, ища успокоения и отдыха, пусть даже только в мечтах, только в сердце.

Соблюдая ритуал Игры, много раз повторенный ими за эти дни, они выстроились в ряд, ожидая появления Всевидящего — СБ, оракула... Стало совсем темно, и множество факелов, воткнутых в круг, разбрасывали по земле фантастические тени. Ни одна камера не могла поймать их глаз, они прятали их ото всех и друг от друга (и от себя тоже?), молчали все аудиосистемы — микрофоны не могли слышать стука сердец, а других звуков Игроки не издавали.

...СК и СБ сидели в палатке, умело закамуфлированной Хранителями в близлежащих кустах, и молча передавали из рук в руки плоскую серебряную флягу. «На что мы надеялись?» — спросил один другого. Ответа не последовало, его и не могло быть. Всевидящие создали Игру, написали контракты, исполнять условия которых были обязаны все Игроки... Игра была жестокой, она толкала Игрока, человека на сторону тьмы. Всевидящие понимали, что рано или поздно каждому Игроку придется наступить на собственную честь. Вопрос лишь в том, как долго этого удастся избежать каждому из них. Пятеро стоящие — Игроки высшей категории, финалисты, — дошли с чистыми руками и взглядами честных людей до этой самой точки. Это

был максимум, дальше с грузом чести (воспитания, принципов, доброты) двигаться было нельзя. Они должны начать «жрать» друг друга. Таковы Правила. СК вздохнул, он понял, что до послед-него момента верил в то, что победит свет, что Игроки останутся на стороне добра. Он создал Правила, но ему все равно казалось, что они сделают что-то... В конце концов добро, если оно настоящее, должно победить в любом положении. Вне Игры СК был крупной акулой, ему не раз приходилось вести себя жестко и жестоко, не раз его самого подставляли — но в эту наивную сказку он верил. Верил вопреки собственному разуму и опыту жизни.

«Сейчас они начнут „жрать“ друг друга», — СК видел, как Игроки прячут друг от друга глаза, как захлопываются створки их душ, так они спаслись от боли. Вот так, опустив лица вниз, не произнося ни слова, они и сожрут Ваньку (СК знал, что это будет 11-и), потом... потом еще раз и еще, пока не останется один. Победитель, он больше не будет Игроком — он станет Оставшимся.

Вдруг... то, что сделала 2-а, было настолько не-ожиданно, что Смотрящие, обязанные сохранять молчание, нарушили запрет и заговорили, шорох голосов пробежал вдоль круга факелов. 2-а подняла голову, высоко выставив гордый подбородок, и протянула руку 11-и (другой рукой она держала своего 1-с). 11-и, кажется, не сразу заметил протянутую руку, и еще дольше не мог понять, ЧТО он видит. Наконец и он открыл лицо, и на нем заплясало сумасшествие. Бешенство радости. 1-с хлопнул по плечу Четвертого, тот вздрогнул, словно проснувшись, и впился глазами в лицо тетки. Вместе с ним откинула вуаль темных волос с лица и 7-и. Она улыбнулась, улыбка дрогнула, расплылась, и она заплакала. Самая старшая, она, наверно, была самой мудрой и первой до конца осознала то, что четверо делали, повинуюсь незнакомой никому из них доселе силе, вопреки разуму.

Их ряд сбился — сейчас они встали маленьким кругом, глядя в упор друг на друга, каждый смотрел в глаза всем. 4-с поднял руки — и все четверо оказались в его тяжелых, грубых (медвежьих) объятиях. 2-а почувствовала на шее горячую тяжесть его руки, и одновременно 1-с, обнимающий ее за талию, ощутил мелкую дрожь ее тела. 11-и, стоявший напротив, также поднял руки и прижал себя к уже обнявшимся четверем. Они на секунду отпустили объятия, впустив Одиннадцатого к себе, — и круг снова сомкнулся. Игроки опять перестали видеть друг друга — они стояли слишком близко. Они вдыхали дыхание друг друга, чувствовали запах друг друга (терпкий запах огня от парней и свежий аромат волн — от двух девушек), в ушах каждого звучал стук четырех сердец, и эти сердца бились в такт. Они обнимали друг друга и с каждой секундой прижимались друг к другу все крепче. Им всем казалось, что между ними есть еще пространство, зазоры — а значит, есть место для потери чести, место, в которое могут провалиться любовь и дружба. Они прижимались все крепче и крепче, не оставляя между собой дистанции, впуская каждого в свои сердца и души. 1-с почувствовал на лице влагу и не знал, чьи это слезы. «...Или это плачу я?..» Они поняли и на этом остановились: вместе, только вместе — стоит им отдать одного, и всем им крышка. Но они не отдадут, и горе тому, кто попытается отнять. «...Ребята!..» — начал говорить один из них и тут же замолчал, это было лишнее. Они не сдадут своих, они остановили Игру. Смотрящие, один за другим, стали выключать камеры. Колесо Игры остановилось и, постояв, с тихим скрипом начало, едва заметно для глаза, поворачиваться в другую сторону.

...С тех пор заплывающие иногда на Остров яхтсмены и местные рыбаки часто находили около берега раковины, закрученные против часовой стрелки...

POST SCRIPTUM

...Это произошло безо всякой подготовки, предвестий — в секунду, разом. Так начинается ливень в этих широтах: еще мгновение назад все тихо (и сухо), а сейчас уже вода с диким грохотом падает с неба и одежда промокает быстрее, чем успеваешь об этом подумать.

Хм... сравнение с водой пришло на ум не случайно. Так льют воду на боксеров в нокауте, возвращая им сознание. У него вдруг открылись глаза. В последний день Игры. Он смотрел во все стороны, смотрел на лица оставшихся Игроков и понимал все ярче и яснее, что до сих пор был слеп. Игра давила ему на веки и заслоняла этот мир, и у него не хватало сил сделать шаг в сторону. Мысли, бесконечные суетливые мысли заполняли разум и опустошали душу. Кого

«съесть», кому верить, а кому нет, как самому не оказаться «съеденным» — день за днем, минуту за минутой он думал только об этом, глядя слепыми глазами только вперед, туда, где стоял финал Игры, и не видел того, что вокруг, что рядом. «Господи, я же на Карибах...» — он подумал об этом впервые с начала Игры. Дошло наконец-то!

В дни Игры он чувствовал тоску не раз, это была самая черная и тяжелая тоска, какая только бывает. И сейчас ему тоже было невесело, но это была уже совсем другая тоска — он жадно смотрел, впитывая в себя все цвета и краски, все запахи и звуки, портреты Игроков и Смотрящих. Живя в Игре и живя Игрой, так просто забыть о том, что есть еще другая жизнь — настоящая. И он благодарил Бога, что тот вернул ему память.

Они страдали — эта была Игра, дарующая страдание. Страдание и испытания, и тяжелее всего — выбор. Каждый Игрок был волен сам решать, по какому пути ему идти к финалу. И нельзя, наверно, винить тех, кто лгал и вертелся ужом ради сохранения своей жизни в Игре. Ведь Правила это позволяли. Всю Игру они страдали, и (под)сознание (такова уж человеческая психика) нашептывало им, ища виноватых: «Это они заставляют тебя страдать. Они, те, кто с тобой в Игре, на Острове...» И только сейчас он взглянул на эти лица по-новому. Это был взгляд не на Игроков, не на конкурентов — он просто смотрел на людей, с которыми прожил бок о бок эти дни, деля еду, тепло и все радости и поражения. Он смотрел на их лица и узнавал себя — такое сходство бывает у братьев и сестер. Вдруг стало ясно, почему их называли «Племя» — ведь они все одной крови. В чем дело, до конца не ясно, но явно одно — изменилась структура их тел, их крови, их сознания. И они стали одинаковыми — родня.

«До чего же они похожи!» — все до черноты загоревшие, со сверкающими белыми зубами, с выгоревшими в золото волосами (у мужчин бородами). Они были истощены до предела, но плечи мужчин были широкими, силуэты девушек сохраняли томящую плавность линий. Все они держали головы, гордо и упрямо мерили песок походкой победителей — легкой и твердой. В шаге и осанке не было усталости. Игра не сломала их. Равные друг другу, они гордились тем, что живы в сегодняшнем дне на этом Острове, гордились своим Племенем и соплеменниками.

«Как же можно было раньше этого не замечать?» — вокруг рассыпался в пышном великолепии Эдемский сад. Пальмы махали им тугими листьями, навевая прохладу даже в самый жаркий день, вода в море была прозрачна, как воздух, а воздух здесь был чист и свеж так, что его вкус чувствовался на языке. Белый коралловый песок мягко изгибался, подстраиваясь под изгибы опускавшегося на него тела. Хотелось лежать на берегу всю ночь, глядя вверх, на здешние сияющие светло-зеленым светом звезды. «Ведь шторм и дожди начались недавно, раньше ночи были почти всегда ясные. Почему же мы не лежали вот так?» И не существовало уюта более уютного, чем пропахшие дымом одеяла (сушились у костра), положенные на плот и освещаемые одной свечой, — это был их дом.

«Как же я отсюда уеду?! Как же мы... Мы все — неужели уедем и разбежимся по этой планете?! Я же не смогу без них...»

Когда они запрыгивали в лодку, он протянул руку девушке-Игроку, и сердце его пронзила стрела — настолько она была красива, совершенна...

«Наверно, это какое-то обнуленное пространство, точка отсчета. Мы стали другими, и жизнь пойдет с чистого листа. Здесь нет времени — только пульс Игры». В лицо прилетел привет от здешнего Нептуна — очередная горсть обжигающих брызг. Они шли через море к соседнему острову, большому куску суши, на котором Всевидящие задумали очередное испытание. Впрочем, шли — здесь не совсем подходящее слово. Это больше напоминало полет. Широкие упругие волны, которые умело седлал везущий их Бой, индеец, поднимали их утлую скорлупку высоко над горизонтом. Сидящий на носу лицом ко всем Игрокам Смотрящий громко читал (совсем неподходящее по словам, но идеально ложащееся по ощущениям): «День-ночь, день-ночь, / Мы идем по Африке, / День-ночь, день-ночь, / Все по той же Африке!» — и глаза его были решительно-дьявольские. Кажется, в них сидел сатир, вызванный к жизни Всевидящими, сильный, хитрый черт — дух Игры. Казалось, ему абсолютно плевать (или он так изощренно пытался поддержать Игроков) на ветер, пронизывающий промокшие от брызг одежды, на болтанку, на все.

«Поэтому здесь и с погодой такое творится. Все (биип!) вперемешку!» когда они садились

в лодку на своем Острове, светило убийственное солнце, их душил влажный воздух. Они отошли от Острова всего пятнадцать минут назад — и синее небо затянулось войлоком.

К такому Игроки уже привыкли — погода менялась не меньше пяти раз в день...

«...Я вернусь сюда, я обязательно вернусь. И встречу здесь этих четверых. Мы вернемся и будем вместе...» — это была его последняя мысль в Игре. Потом он перестал быть Игроком.